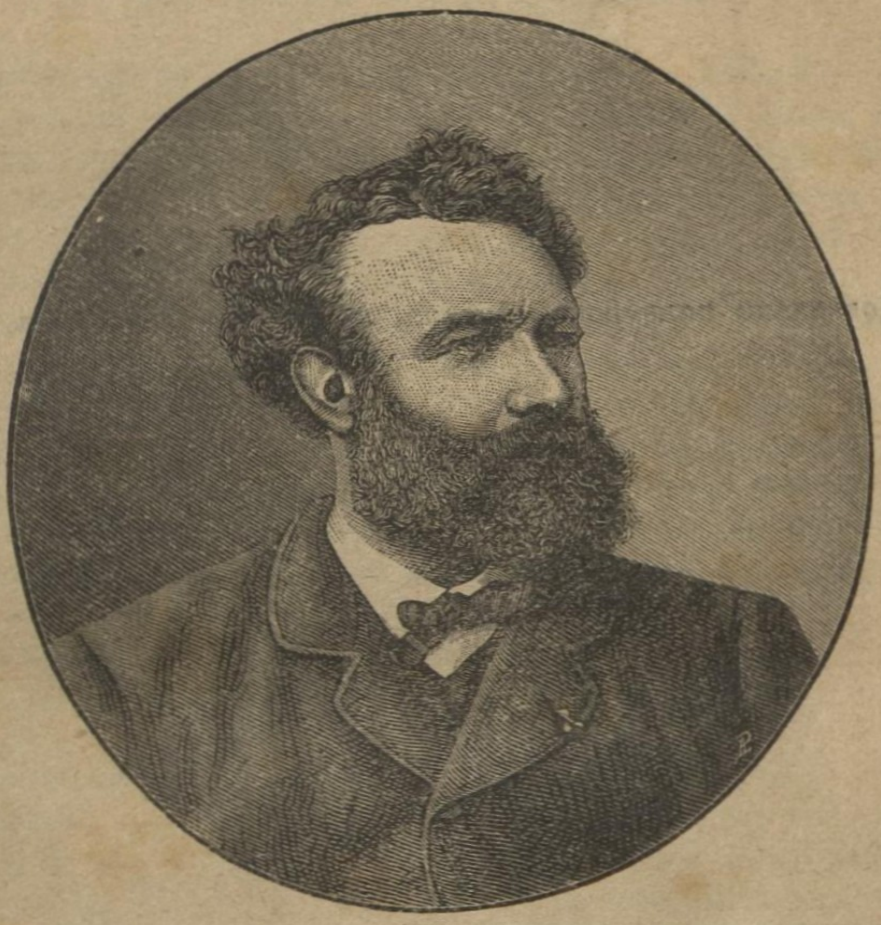
В 35

Жюль Вернъ.

Ледяной сфинксъ.

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.



12198

Часть I.

Съ рисунками Риу.

Гос. Центр. библиотека
ГИБИЛ
Иностр. Лит-ры

Типографія Высочайше утвержд. Т-ва И. Д. Сытина.

МОСКВА.— 1898.

Мо 50 1

Дозволено цензурою. Москва, 28 января 1898 года.

U100158802

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Острова Кергуэленъ.

По всей вѣроятности, очень многіе, если не всѣ, отнесутся съ большимъ недовѣріемъ къ этому правдивому разсказу, хотя бы ужъ только потому, что онъ носитъ далеко необычайное названіе — „Ледяной Сфинксъ“. Ну, да это все равно; по-моему, онъ заслуживаетъ того, чтобы познакомить съ нимъ читающую публику. А затѣмъ уже дѣло читателя вѣрить или не вѣрить разсказчику.

Трудно было бы подыскать для начала этихъ чудесныхъ и въ то же время страшныхъ приключеній другое болѣе подходящее мѣсто, чѣмъ острова „Отчаянія“, какъ назвалъ ихъ въ 1779 году капитанъ Кукъ. И если сказать правду, то послѣ того, какъ я провелъ на нихъ нѣсколько недѣль въ 1839 г., я съ полнымъ убѣжденіемъ могу подтвердить, что они вполнѣ заслуживаютъ печальное прозвище, которое далъ имъ знаменитый англійскій мореплаватель. Острова „Отчаянія“— этимъ сказано все.

На географическихъ картахъ въ большинствѣ случаевъ, вмѣсто острововъ „Отчаянія“, значатся острова „Кергуэленъ“, небольшая группа, расположенная подъ 49° 54′ южной широты и подъ 69° 6′ восточной долготы. Составители картъ и учебниковъ оправдываютъ себя тѣмъ, что въ 1772 году французъ, баронъ Кергуэленъ, первый открылъ эти острова въ южной части Индѣйскаго океана. При этомъ надо замѣтить, что командиръ эскадры вообразилъ себѣ, что онъ открылъ новый континентъ на границѣ антарктическаго океана и только уже во время второй экспедиціи узналъ свою ошибку. Вмѣсто континента оказался только небольшой архипелагъ. Но дѣло не въ этомъ, а въ названіи, и я настойчиво прошу положиться на меня: острова „Отчаянія“ — вотъ единственное вѣрное названіе, подходящее къ этой группѣ изъ трехсотъ острововъ или, лучше сказать, островковъ, заброшенныхъ далеко въ глубь громадной водяной пустыни и ведущихъ вѣчную борьбу съ ужасными морскими бурями, которыми громитъ ихъ Южный Ледовитый океанъ.

Какъ ни печаленъ видъ этихъ острововъ, а и тамъ живутъ люди. Да чего же лучше? я самъ прожилъ тамъ цѣлыхъ два мѣсяца, до 2 авгу-

ста 1839 года, въ Кристмасъ-Гарборѣ, и благодаря этому, число европейцевъ и американцевъ, составлявшихъ главное ядро населенія острововъ Кергуэленъ, увеличилось на нѣкорое время однимъ человѣкомъ. Но я былъ тамъ только случайнымъ гостемъ и, покончивъ съ геологическими и минералогическими изслѣдованіями, составлявшими цѣль моей поѣздки на острова „Отчаянія“, съ нетерпѣніемъ ждалъ момента, когда мнѣ можно будетъ уѣхать.

Портъ Кристмасъ находится на самомъ значительномъ изъ острововъ этой группы, въ общемъ занимающихъ поверхность въ четыре тысячи пятьсотъ квадратныхъ километровъ, что составитъ всего половину поверхности острова Корсики. Гавань считается надежнымъ убѣжищемъ для судовъ, которыя могутъ подходить къ самой пристани, гдѣ глубина достигаетъ все-таки четырехъ брасовъ *). Подъѣзжая къ острову съ сѣвера и обогнувъ мысъ Франсуа, надъ которымъ господствуетъ Тэбль-Маунтъ (Столовая Гора), поднимающійся на тысячу двѣсти футовъ надъ уровнемъ моря, взгляните на базальтовый сводъ, какъ бы выдолбленный у окончности мыса, и вы увидите узкую бухту, нѣчто въ родѣ фіорда, защищеннаго островками отъ ярости восточныхъ и западныхъ вѣтровъ. Дальше въ глубинѣ вырѣзывается Кристмасъ-Гарборъ. Правьте ваше судно прямо туда, держась на штирбортъ. Дойдя до мѣста якорной стоянки, оно можетъ остановиться и на одномъ якорѣ, свободно вращаясь вокругъ него до тѣхъ поръ, пока бухта не будетъ скована льдомъ.

Впрочемъ, на островахъ группы Кергуэленъ есть еще и другіе фіорды, цѣлыми сотнями, — такъ изрѣзаны и изорваны ихъ берега въ особенности на сѣверѣ и на юго-востокѣ. Вся почва архипелага вулканическаго происхожденія и состоитъ изъ кварца въ смѣси съ синеватымъ камнемъ. Съ наступленіемъ лѣта землю покрываютъ зеленый мохъ, сѣроватые лишаи и различныя явнобрачныя растенія. Затѣмъ здѣсь растетъ еще, въ видѣ кустарника, одно растеніе, похожее на капусту, съ листьями очень острыми на вкусъ, и которое напрасно стали бы искать въ другихъ странахъ.

Зато эти дикія неплодородныя скалы какъ нельзя болѣе приходятся по вкусу пингвинамъ и другимъ разновидностямъ этой породы птицъ, безчисленныя стаи которыхъ занимаютъ всѣ мало-мальски удобныя для нихъ мѣста. Въ своемъ пестромъ нарядѣ, представляющемъ въ общемъ довольно красивое сочетаніе цвѣтовъ желтаго и бѣлаго, закинувъ гордо назадъ голову и размахивая крыльями, съ виду очень похожими на рукава, эти глупыя птицы издали кажутся цѣлымъ рядомъ монаховъ, идущихъ въ процессіи вдоль утесовъ.

Таковы орнитологическія богатства острововъ Кергуэлена, и надо замѣтить, что окружающія острова воды населены гораздо лучше. Тамъ водятся въ изобиліи громадныя нерпы, тюлени, морскіе львы и морскіе слоны. Охота на этихъ земноводныхъ даетъ очень порядочный заработокъ предпринимателямъ и это придаетъ группѣ острововъ Кергуэленъ нѣкоторое значеніе въ торговлѣ и привлекаетъ ежегодно въ портъ Кристмасъ нѣсколько судовъ.

Въ этотъ день я прогуливался по пристани, какъ вдругъ хозяинъ трактира, или харчевни, гдѣ я кватрировалъ, остановилъ меня и сказалъ

*) 1 брасъ = 6 англ. фут.

— Если не ошибаюсь, время начинаетъ вамъ казаться очень длиннымъ, мистеръ Джіорлингъ?

Это былъ толстый, высокаго роста американецъ, лѣтъ пятнадцать уже жившій въ Кристмасъ-Гарборѣ и содержавшій единственную во всемъ портѣ харчевню.

— Да, и въ самомъ дѣлѣ, длинно, признаюсь вамъ, мастеръ Аткинсъ, но при этомъ прошу васъ, пожалуйста, не обижаться моимъ отвѣтомъ.

— Никоимъ образомъ, — возразилъ добрякъ. — Мнѣ нѣтъ надобности, конечно, объяснять вамъ, что за пятнадцать лѣтъ я таки успѣлъ уже привыкнуть къ такимъ отвѣтамъ точно такъ же, какъ утесы мыса Франсуа привыкли къ волнамъ открытаго моря!

— И вы выдерживаете ихъ... такъ же, какъ и онъ?..

— Разумѣется, мистеръ Джіорлингъ! Съ того дня, какъ вы высадились въ Кристмасъ-Гарборѣ и остановились у Фенимора Аткинса подъ вывѣской „Зеленый Бакланъ“, я не разъ говорилъ себѣ: черезъ двѣ недѣли, если только не раньше, моему постояльцу уже наскучитъ здѣсь, и онъ будетъ очень жалѣть о томъ, что высадился на островахъ Кергуэлена...

— И вы ошиблись, мастеръ Аткинсъ, потому что я никогда не жалѣю о томъ, что сдѣлалъ.

— Это хорошая привычка, сэръ!

— Кромѣ того, живя у васъ здѣсь такъ долго, я, конечно, не терялъ времени даромъ и имѣлъ возможность сдѣлать очень интересныя наблюденія. Я побывалъ вездѣ, гдѣ только можно было побывать, и привезу съ собой на родину интересные минералогическіе образцы. Я принималъ участіе въ вашихъ охотахъ на нерпъ и тюленей. Я цѣлыми часами бродилъ по взморью и какъ свои пять пальцевъ знаю теперь ваши rookerys *), гдѣ пингвины и альбатросы живутъ въ примѣрной дружбѣ, и, признаюсь вамъ, это очень удивляло и удивляетъ меня и до сихъ поръ. За обѣдомъ вы не разъ угощали меня мясомъ буревѣстниковъ и, благодаря вашимъ познаніямъ въ кулинарномъ искусствѣ, а также и хорошему аппетиту, я всегда съ удовольствіемъ съѣдалъ свою порцію этой не совсѣмъ обыкновенной дичи. Наконецъ, я никогда не забуду, съ какимъ радушіемъ меня приняли въ „Зеленомъ Бакланѣ“, и за это я вамъ очень и очень благодаренъ... Но, если только я не разучился считать, по-моему, прошло уже цѣлыхъ два мѣсяца съ того дня, какъ чилійское трехмачтовое судно „Pênas“ высадило меня въ Кристмасъ-Гарборѣ въ самый разгаръ зимы...

— И вамъ хочется, — перебилъ меня содержатель харчевни, — вернуться поскорѣй на вашу родину, которая вмѣстѣ съ тѣмъ и моя, мистеръ Джіорлингъ!.. Вы хотите вернуться въ Коннектикутъ, снова увидѣть Провиденсъ, нашу столицу...

— Разумѣется, мастеръ Аткинсъ, потому что я уже больше трехъ лѣтъ шатаюсь по свѣту... Надо же, наконецъ, рано или поздно вернуться домой и пустить корни...

— Э! э! — перебилъ опять американецъ, подмигивая. — Стоитъ только пустить корни, а тамъ ужъ дѣло кончится тѣмъ, что вырастутъ и вѣтви.

---

*) Гнѣзда.

— Большею частью это такъ и бываетъ, мастеръ Аткинсъ, но я старый холостякъ, и очень вѣроятно, что собой я и закончу рядъ моихъ предковъ! Согласитесь сами, что сорокъ лѣтъ не такой возрастъ, когда могутъ приходить въ голову фантазіи выращивать вѣтви, какъ это, напримѣръ, сдѣлали вы, милѣйшій мой хозяинъ... И дерево вышло большое, красивое...

— Дубъ, и даже зеленый дубъ, если хотите, мистеръ Джіорлингъ.

— И вы были совершенно правы, повиновавшись законамъ природы! Если природа дала намъ ноги для того, чтобы ходить...

— Она дала намъ и то, на что сѣсть! — перебилъ съ хохотомъ Фениморъ Аткинсъ. — Вотъ вамъ и объясненіе причины, почему я поселился въ Кристмасъ-Гарборѣ навсегда и живу здѣсь уже пятнадцать лѣтъ... Я вѣдь здѣсь и женился... и моя Бетси подарила мнѣ десять человѣкъ дѣтей, а тѣ со временемъ, въ свою очередь, наградятъ меня внучатами, которые будутъ взбираться ко мнѣ на колѣни, какъ котята...

— Вы развѣ не думаете вернуться когда-нибудь на родину?

— Въ Бальтимору?.. Что я тамъ буду дѣлать?.. Что я тамъ буду дѣлать?.. Жить въ горѣ, въ нуждѣ!.. Тогда какъ здѣсь, на островахъ „Отчаянія“, я съ семьей живу отлично и ни разу, слава Богу, не имѣлъ еще случая приходить въ отчаяніе!

— Разумѣется, мастеръ Аткинсъ, и я отъ души васъ съ этимъ поздравляю и желаю вамъ жить также счастливо и всегда!.. Но, кто знаетъ, что будетъ потомъ, и очень возможно, что въ одинъ прекрасный день у васъ явится желаніе...

— Пересадиться, мистеръ Джіорлингъ!.. Полноте!.. Вѣдь я же вамъ сказалъ, что я дубъ!.. Ну, такъ попытайтесь пересадить дубъ, когда онъ до половины врѣзался корнями въ кремнеземъ Кергуэленовъ!..

Пріятно было слушать достойнаго американца, такъ хорошо акклиматизировавшагося на новомъ мѣстѣ и сумѣвшаго такъ хорошо закалить себя въ борьбѣ съ суровымъ климатомъ архипелага. Онъ жилъ тутъ со своею семьей, какъ пингвины въ своихъ rookerys, — его жена, такая же, какъ и онъ, мужественная женщина; его сыновья, всѣ крѣпыши, цвѣтущіе здоровьемъ, не знавшіе никакихъ болѣзней. Дѣла ихъ шли прекрасно. „Зеленый Бакланъ“, прилично обставленный, считалъ своими кліэнтами экипажи всѣхъ судовъ, китоловныхъ и другихъ, заходившихъ на Кергуэлены. Онъ поставлялъ имъ сало, жиръ, деготь, смолу, пряности, сахаръ, чай, консервы, виски, джинъ и простую водку.

Что касается сыновей Фенимора Аткинса, то они были плотниками, парусниками, рыболовами и въ то же время охотились на земноводныхъ, которыхъ они разыскивали по фіордамъ въ теплое время года. Это были простые, честные, трудолюбивые люди, покорившіеся своей судьбѣ...

— Словомъ, мастеръ Аткинсъ, — объявилъ я въ заключеніе, — я въ восторгѣ, что имѣлъ возможность попасть на Кергуэлены... я унесу отсюда пріятное воспоминаніе, хотя, какъ уже сказалъ вамъ, очень буду радъ поскорѣе выйти въ море...

— Потерпите немного, мистеръ Джіорлингъ! — сказалъ мнѣ въ отвѣтъ философъ-трактирщикъ. — Никогда не слѣдуетъ очень спѣшить съ отъѣздомъ. Впрочемъ, не забывайте, что скоро наступятъ опять ясные деньки... Недѣль черезъ пять или черезъ шесть...

— А пока,— перебилъ я,— горы и равнины, утесы и побережье — все покрыто толстымъ слоемъ снѣга, и у солнца нѣтъ силы разсѣять мракъ на горизонтѣ...

— Ну, ужъ это слишкомъ, мистеръ Джіорлингъ! Изъ-подъ бѣлой рубашки уже проглядываетъ дикій дернъ!.. Посмотрите-ка хорошенько...

— Ну, ну! зелени не найдешь здѣсь и въ увеличительное стекло!.. Послушайте, Аткинсъ, неужели вы станете отрицать, что здѣсь всѣ бухты покрыты толстымъ слоемъ льда?.. Хотя августъ въ южномъ полушаріи и соотвѣтствуетъ февралю сѣвернаго полушарія...

— Согласенъ, мистеръ Джіорлингъ. Но потерпите немного, повторяю вамъ!.. Зима была мягкой нынѣшній годъ... Скоро въ открытомъ морѣ покажутся суда, на востокѣ или на западѣ, потому что сезонъ рыбной ловли уже близокъ.

— Да услышитъ васъ Небо, мастеръ Аткинсъ, и пусть Оно доведетъ благополучно судно... голетъ „Гальбранъ“...

— Капитанъ Ленъ Гай,— отвѣчалъ хозяинъ.— Это дѣльный морякъ, хотя и англичанинъ — вездѣ есть хорошіе люди! — онъ пополняетъ свои запасы въ „Зеленомъ Бакланѣ“.

— Вы думаетъ, что „Гальбранъ“...

— Покажется не позже какъ черезъ недѣлю на траверсѣ мыса Франсуа, мистеръ Джіорлингъ; иначе я стану думать, что капитанъ Ленъ Гай больше уже не существуетъ, а если нѣтъ больше капитана Ленъ Гайя, значитъ, „Гальбранъ“ пошелъ ко дну со всѣми своими парусами между Кергуэленами и мысомъ Доброй Надежды!

Засимъ, сдѣлавъ великолѣпный жестъ, означавшій, что подобная случайность была положительно немыслима, мастеръ Фениморъ Аткинсъ ушелъ.

Впрочемъ, я надѣялся, что предвидѣнія моего хозяина не замедлятъ исполниться, потому что время казалось мнѣ очень длиннымъ. Если вѣрить ему, уже появились симптомы приближенія теплаго времени года,—теплаго для этихъ мѣстъ, понятно. Положеніе главнаго острова по широтѣ почти то же самое, что Парижа въ Европѣ и Квебека въ Канадѣ, но это ровно ничего не значитъ. Тутъ дѣло идетъ о южномъ полушаріи; а такъ какъ земля въ своемъ движеніи вокругъ солнца описываетъ въ небесномъ пространствѣ линію, называемую орбитою и имѣющую видъ удлиненнаго круга, или эллипса, въ южномъ полушаріи зимой холоднѣе, чѣмъ въ сѣверномъ и, наоборотъ, гораздо жарче лѣтомъ. Кромѣ того, зимній періодъ особенно ужасенъ на Кергуэленахъ вслѣдствіе бурь, и море сковано тамъ льдомъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, хотя средняя температура, нельзя сказать, чтобы была особенно сурова,— два градуса по стоградусному термометру для зимы и семь для лѣта, т. е. такая же, какъ на Фильклавдскихъ островахъ или на мысѣ Горнъ.

Само собою разумѣется, что въ продолженіе всего этого періода какъ Кристмасъ-Гарборъ, такъ и другія гавани абсолютно недоступны для судовъ. Въ ту эпоху, о которой я говорю, пароходы были еще очень рѣдки. Что же касается парусниковъ, то они больше всего на свѣтѣ боятся, чтобы ихъ не затерло льдами, и поэтому заблаговременно уходятъ передъ наступленіемъ зимы или въ порты Южной Америки, на западный берегъ Чили, или же въ Африку,— чаще всего въ Каптаунъ, на мысъ Доброй Надежды. Нѣсколько шлюпокъ, однѣ замерзшія во льду, а другія ле-

жавшія на побережьѣ и заиндивѣвшія до клотика мачты,— вотъ все, что представляла моимъ взорамъ поверхность Кристмасъ-Гарбора.

Кромѣ того, на группѣ острововъ Кергуэлена климатъ сырой и холодный. Осенью и весной очень часто, особенно съ сѣвера или съ запада, налетаютъ штормы съ градомъ и дождемъ. Къ востоку небо свѣтлѣе, хотя свѣтъ тамъ постоянно наполовину затуманенный, и съ этой стороны граница снѣговъ на вершинахъ горъ находится всего въ пятидесяти туазахъ надъ уровнемъ моря.

И вотъ послѣ двухмѣсячнаго пребыванія на архипелагѣ Кергуэлена я ждалъ только случая уѣхать оттуда на голетѣ „Гальбранъ“, качества котораго такъ расхваливалъ мнѣ все время мой энтузіастъ-хозяинъ.

— Вамъ не найти ничего лучшаго! — твердилъ онъ мнѣ утромъ и вечеромъ. — Изъ всѣхъ англійскихъ капитановъ дальняго плаванія ни одного нельзя сравнить съ моимъ другомъ Леномъ Гай, ни по смѣлости ни по опытности!.. Будь онъ только не такой угрюмый да чуточку поразговорчивѣй, это было бы совершенство!

И я рѣшился повѣрить рекомендаціи мастера Аткинса. Я возьму себѣ мѣсто, какъ только голетъ станетъ на якорь въ Кристмасъ-Гарборѣ. Послѣ шести-семидневной стоянки онъ снова выйдетъ въ море, держа курсъ на Тристанъ д'Акунью, гдѣ захватитъ грузъ оловянной и мѣдной руды.

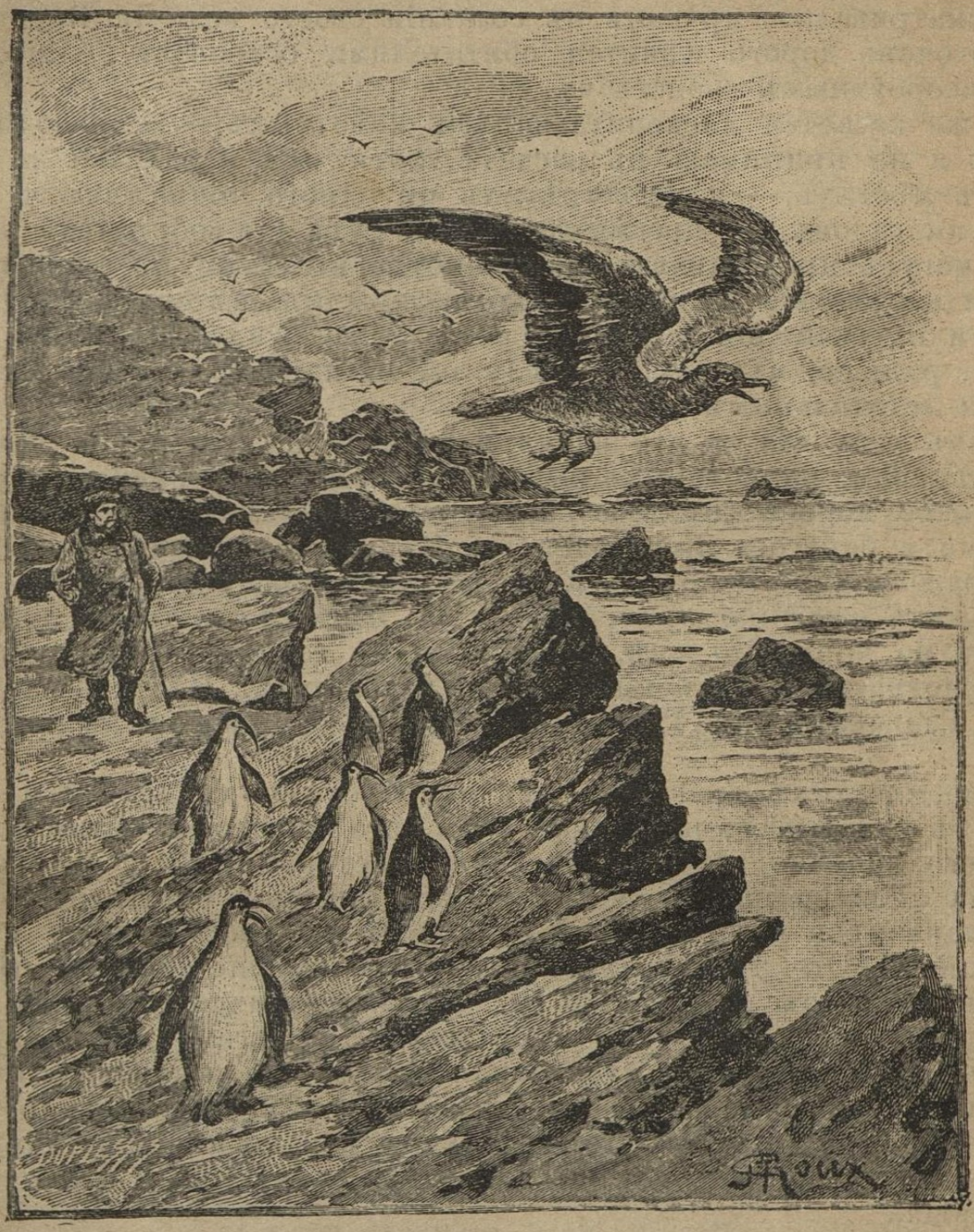
Въ мои планы входило, между прочимъ, провести нѣсколько недѣль, лѣтомъ или весною, также и на этомъ островѣ. Оттуда я расчитывалъ отправиться въ Коннектикутъ. Но, какъ человѣкъ бывалый, я по собственному опыту зналъ, что далеко не все дѣлается такъ, какъ хочется, и различныя непредвидѣнныя случайности очень часто заставляютъ насъ отказываться отъ исполненія самаго завѣтнаго желанія и, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Эдгаръ Поэ, всевозможныя случайности и непредвидѣнныя мелкія событія и факты въ жизни нашей играютъ такую важную роль, что вліяніе случайности всегда должно быть принимаемо въ расчетъ и, такъ сказать, заранѣе взвѣшено при составленіи плана дѣйствій.

По своей натурѣ и по складу моего характера я не принадлежу къ числу людей увлекающихся и всегда строго взвѣшиваю предварительно всѣ за и противъ, и если и цитирую великаго американскаго писателя, то только потому, что не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести слова геніальнаго поэта, въ такомъ совершенствѣ изучившаго всѣ тайники человѣческаго сердца и человѣческой души.

Впрочемъ, мнѣ, въ сущности, нечего было бояться неудачи въ томъ, что касалось „Гальбрана“ или, лучше сказать, возможности попасть въ въ число пассажировъ на судно, ожидавшееся на-дняхъ въ Кристмасъ-Гарборѣ. Въ это время года на Кергуэлены ежегодно заходило раньше не мало всевозможныхъ судовъ — по крайней мѣрѣ, пятьсотъ судовъ въ сезонъ. Цифра эта не можетъ казаться въ дѣйствительности очень большой, если только принять во вниманіе, какіе богатые результаты при удачѣ даетъ охота на китообразныхъ животныхъ: одинъ морской слонъ, всего только одинъ, можетъ доставить цѣлую тонну жиру, т. е. ровно столько же, сколько въ состояніи дать цѣлая тысяча пингвиновъ. Но это было раньше, а въ послѣдніе годы, вмѣсто сотенъ, въ гавань заходитъ всего только какая-нибудь дюжина-другая судовъ, — усиленное истре-

бленіе китообразныхъ значительно сократило добычу, а соотвѣтственно этому сократилось, само собой, и число охотниковъ, т. е. китоловныхъ судовъ.

Послѣднее, т. е. вопросъ о томъ, сколько именно придетъ судовъ, для меня не имѣло никакого серьезнаго значенія. Мнѣ лично нужно не



...я ежедневно совершалъ прогулки... (Стр. 9.)

сотни, не десятки, а всего только одно судно, которое и дастъ мнѣ возможность покинуть Кристмасъ-Гарборъ даже въ томъ случаѣ, если „Гальбранъ“ не придетъ въ гавань въ назначенное время и капитанъ Ленъ Гай не явится на берегъ пожать руку своему пріятелю Аткинсу.

Въ ожиданіи прибытія корабля я ежедневно совершалъ прогулки по окрестностямъ порта. Солнце замѣтно начинало припекать. Утесы, горные склоны или вулканическія колоннады постепенно сбрасывали съ

себя бѣлый зимній туалетъ. Базальтовые утесы на побережьѣ покрывались зеленоватымъ мхомъ, а въ открытомъ морѣ змѣились ленты водорослей длиной отъ пятидесяти до шестидесяти ярдовъ. Дальше отъ берега на ровныхъ мѣстахъ злаковыя растенія робко поднимали кверху свои головки, какъ бы стыдясь своего скромнаго убора, и только одна кустарниковая капуста, гигантъ растительнаго царства Кергуэленовъ, гордо осматривалась кругомъ въ сознаніи своего величія. Впрочемъ, это растеніе очень дорого цѣнится обитателями острововъ, благодаря его противоскорбутнымъ свойствамъ.

Что же касается млекопитающихся животныхъ,—земноводныхъ животныхъ я не принимаю въ расчетъ, хотя они и водятся въ изобиліи въ этихъ мѣстахъ,—я не встрѣтилъ ни одного, точно такъ же какъ не видѣлъ ни гадовъ ни пресмыкающихся. Тутъ для собирателя коллекцій если и могутъ представлять какой-нибудь интересъ, то только бабочки и другія насѣкомыя и притомъ еще безкрылыя, потому что будь у нихъ крылья и вздумай они подняться на воздухъ,—ихъ снесло бы вѣтромъ въ море, раньше, чѣмъ они успѣли бы насладиться всѣми прелестями владѣнія летательнымъ аппаратомъ.

Затѣмъ раза два за это время я катался на одной изъ тѣхъ крѣпкихъ шлюпокъ, на которыхъ рыболовы дерзновенно рискуютъ выѣзжать въ открытое море и бороться со страшными шквалами и бурунами, бушующими у береговъ Кергуэленовъ. Въ такой шлюпкѣ можно совершить благополучно переѣздъ даже до Капштауна, если только, конечно, не дорожить особенно временемъ и не бояться слишкомъ долгихъ переѣздовъ по морю. Но мнѣ, конечно, и въ голову не приходило покинуть Кристмасъ-Гарборъ при такихъ условіяхъ!... Нѣтъ! я надѣялся на голетъ „Гальбранъ“, и „Гальбранъ“, навѣрное, придетъ въ назначенный срокъ.

Во время этихъ прогулокъ отъ одной бухты къ другой я съ любопытствомъ схватывалъ различные виды изрѣзаннаго заливами побережья.

Нечего, конечно, говорить, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ момента прибытія „Гальбрана“, несмотря на всѣ мудрые совѣты моего хозяина, наслаждавшагося безоблачнымъ счастьемъ въ своемъ домѣ въ Кристмасъ-Гарборѣ! Это происходило потому, что вообще довольно рѣдко приходится встрѣчать людей, вполнѣ примирившихся съ тѣмъ, что имъ дала судьба, и философски относящихся ко всему на свѣтѣ. Кромѣ того, у Фенимора Аткинса мускульная система брала перевѣсъ надъ нервной. Мнѣ казалось, что у него инстинктъ преобладалъ въ ущербъ разуму! Такіе люди гораздо легче и гораздо лучше переносятъ всѣ удары судьбы, и очень возможно, что, именно благодаря этому, имъ и живется гораздо счастливѣе!..

— А гдѣ же „Гальбранъ?“...—твердилъ я ему каждое утро.

— „Гальбранъ“, мистеръ Джіорлингъ?... Онъ придетъ вѣроятно сегодня,—утвердительно отвѣчалъ онъ мнѣ,—а если не сегодня, такъ завтра!... Неужели вы не вѣрите тому, что онъ придетъ сюда?... Не безпокойтесь, теперь уже недалекъ канунъ того дня, когда флагъ капитана Ленъ Гайя будетъ развѣваться у входа въ Кристмасъ-Гарборъ!

Чтобы увеличить поле зрѣнія, мнѣ стоило только подняться на вершину Тэбль-Маунтъ. Съ высоты въ тысячу двѣсти футовъ можно было бы получить радіусъ въ тридцать-четыре—тридцать-пять миль, и очень

возможно, что мнѣ удалось бы увидѣть голетъ на двадцать четыре часа раньше, несмотря на висѣвшій надъ моремъ туманъ. Но развѣ только одному сумасшедшему могла прійти въ голову мысль взобраться на эту гору, снизу и до самой вершины сплошь покрытую толстымъ слоемъ снѣга!

Бродя по побережью, мнѣ не разъ приходилось обращать въ бѣгство земноводныхъ, торопливо нырявшихъ въ растаявшія воды. Что же касается пингвиновъ, невозмутимыхъ и тяжелыхъ, они и не думали уходить при моемъ приближеніи. Если бы не характерный ихъ глупый видъ, то можно бы поддаться искушенію заговорить съ ними, подъ условіемъ, конечно, умѣть говорить на крикливомъ и оглушительномъ языкѣ пингвиновъ. Зато черные глупыши, гагары, чагравы и турпаны немедленно удирали, какъ только я показывался вблизи.

Однажды мнѣ удалось присутствовать при отлетѣ одного альбатроса, котораго пингвины провожали отчаянно громкими криками, какъ друга, который, по всей вѣроятности, покидалъ ихъ навсегда. Эти могучія птицы могутъ перелетать разстояніе въ двѣсти лье, ни на минуту не отдыхая, и съ такой быстротой, что имъ требуется на это всего нѣсколько часовъ.

Альбатросъ неподвижно сидѣлъ на высокомъ утесѣ, на оконечности бухты Кристмасъ-Гарбора, и смотрѣлъ на прибой, яростно разбивавшійся о береговые утесы.

Вдругъ птица взмахнула своими громадными крыльями, поджала лапы и, вытянувъ голову въ длину, наподобіе корабельнаго водорѣза, взвилась кверху, испуская свой рѣзкій крикъ... Черезъ нѣсколько минутъ альбатросъ казался уже черной точкой въ верхнихъ слояхъ воздуха, и вслѣдъ затѣмъ исчезъ за туманной завѣсой на южной сторонѣ.

ГЛАВА II.

„Гальбранъ“.

Вмѣстимостью въ триста тоннъ, наклоненная парусность, позволяющая придерживаться вѣтра, быстрый ходъ въ бейдевиндъ, парусная поверхность, заключавшая въ себѣ: у фокъ мачты — фокъ-голетъ, вспомогательный парусъ, марсель и брамъ-стенгу; у большой мачты — косой гротъ и топсель; на носу — форъ-стаксель, большой и малый кливера, — таковъ былъ голетъ „Гальбранъ“, ожидавшійся въ Кристмасъ-Гарборѣ.

Экипажъ составляли капитанъ, помощникъ капитана, или лейтенантъ, боцманъ, или судовой староста, кокъ, или поваръ, и затѣмъ восемь матросовъ, — всего, значитъ, двѣнадцать человѣкъ, число, совершенно достаточное для управленія голетомъ. Тимберсы и обшитыя доски скрѣплены мѣдными болтами; конструкція прочная и въ то же время спеціально приспособленная для плаванія по океану между сороковой и шестидесятой параллелями. Словомъ, голетъ „Гальбранъ“ былъ такое суденышко, которое дѣлало честь верфямъ Биркенгеда. Всѣ эти свѣдѣнія мнѣ сообщилъ, конечно, никто другой, какъ мастеръ Аткинсъ, и притомъ еще съ какимъ аккомпанементомъ похвалъ.

Капитанъ Ленъ Гай изъ Ливерпуля былъ въ то же время на цѣлыя три пятыхъ собственникомъ „Гальбрана“, которымъ онъ командовалъ уже около шести лѣтъ. Онъ велъ торговлю въ южныхъ моряхъ Африки и Америки, плавая отъ однихъ острововъ къ другимъ и отъ континента къ континенту.

Весь экипажъ голета состоялъ всего только изъ двѣнадцати человѣкъ, но это потому, что голетъ была исключительно только коммерческое судно. Для охоты на китовъ, тюленей и нерпъ нужно было бы содержать многочисленный экипажъ и, кромѣ того, имѣть гарпуны, остроги и другіе рыболовные снаряды, крайне необходимые для китолововъ. Въ заключеніе я узналъ еще, что „Гальбранъ“ могъ не бояться ни нападенія пиратовъ, которые въ то время достаточно-таки разбойничали въ этихъ мѣстахъ, ни кровожадныхъ туземцевъ нѣкоторыхъ архипелаговъ: четыре двѣнадцатифунтовыя каронады, приличный запасъ ядеръ и картечи, до верху набитая боченками съ порохомъ крюйтъ-камера, ружья, пистолеты и карабины, стоявшіе въ козлахъ, и, наконецъ, сѣти по бортамъ судна,—все это обезпечивало ему почти полную безопасность. Кромѣ того, вахтенные если и дремали иногда на вахтѣ, то только однимъ глазомъ.

Утромъ, 7-го августа, въ то время, когда я еще лежалъ въ постели въ полудремотѣ, меня разбудили громкіе крики моего хозяина, нещадно колотившаго при этомъ въ дверь кулаками.

— Мистеръ Джіорлингъ, вы проснулись?...

— Конечно, мастеръ Аткинсъ, да и какъ же не проснуться, когда вы такъ стучите! Что тамъ случилось такое?...

— Въ морѣ въ шести миляхъ отъ берега виденъ корабль съ нордъ-веста... Онъ держитъ курсъ на Кристмасъ!...

— Ужъ не „Гальбранъ“ ли это?...— вскричалъ я, сбрасывая съ себя одѣяло.

— Мы узнаемъ это черезъ нѣсколько часовъ, мистеръ Джіорлингъ. Во всякомъ случаѣ, это первое судно въ этомъ году, и мы, по всей справедливости, обязаны оказать ему хорошій пріемъ.

Я мигомъ одѣлся и отправился съ Фениморомъ Аткинсомъ на набережную, откуда глазамъ открывался очень широкій горизонтъ подъ угломъ между двумя оконечностями бухты Кристмасъ-Гарбора.

Погода выдалась довольно ясная, открытое море очистилось отъ тумана и только слегка рябило подъ дуновеніемъ свѣжаго вѣтерка. Впрочемъ, небо, благодаря дующимъ здѣсь пассатнымъ вѣтрамъ, вообще гораздо чище по эту сторону Кергуэленовъ, чѣмъ на противоположной сторонѣ.

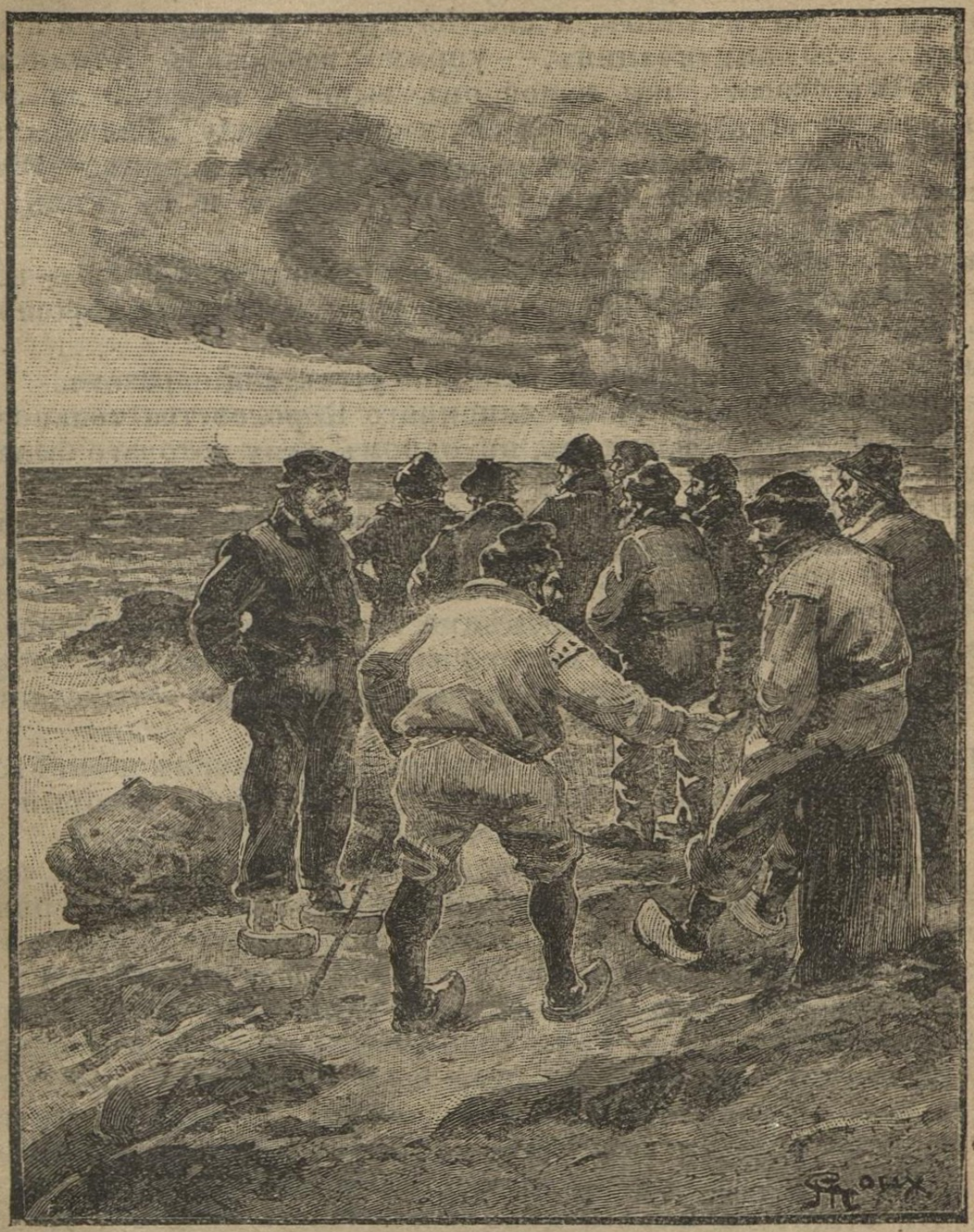
Человѣкъ двадцать — по большей части рыболовы — окружали мастера Аткинса, который по всему казался наиболѣе знатнымъ и уважаемымъ лицомъ во всемъ архипелагѣ, а слѣдовательно — и человѣкомъ, къ словамъ котораго всѣ невольно прислушивались.

Вѣтеръ дулъ съ моря и, такъ сказать, помогалъ судну войти въ бухту Но, благодаря отливу, корабль, или, правильнѣе, голетъ не могъ войти въ гавань и въ ожиданіи наступленія прилива, лавировалъ пока подъ нижними парусами въ виду порта.

Стоявшая на берегу группа нетерпѣливо слѣдила за всѣми движеніями лавировавшаго корабля и въ то же время вела оживленную бе-

сѣду, или, правильнѣе было бы сказать — споръ. Мнѣнія, какъ это, впрочемъ, и всегда бываетъ, раздѣлились, при чемъ каждый упорно отстаивалъ свои убѣжденія.

Надо замѣтить, — и это меня огорчало, — большинство настойчиво увѣряло, что лавирующее въ морѣ судно вовсе не „Гальбранъ“. И



Человѣкъ двадцать окружали мастера Аткинса... (Стр. 12.)

только двое или трое не хотѣли согласиться съ остальными; въ числѣ этихъ несогласныхъ былъ, конечно, и хозяинъ „Зеленаго Баклана“.

— Это „Гальбранъ“! — твердилъ онъ. — Чтобы капитанъ Ленъ Гайда не пріѣхалъ первымъ на Кергуэлены!... что вы!... Это онъ, и я въ этомъ такъ же увѣренъ, какъ если бы онъ былъ уже здѣсь и, пожимая мою руку, торговался бы со мною насчетъ ста мѣръ картофеля, которымъ ему необходимо запастись у меня!

— У васъ туманъ въ глазахъ, мастеръ Аткинсъ! — возразилъ одинъ изъ рыбаковъ.

— Поменьше, чѣмъ у тебя въ головѣ! — сердито отвѣчалъ трактирщикъ.

— Это судно совсѣмъ не похоже на англичанина, — объявилъ другой рыбакъ. — Вы посмотрите-ка хорошенько на него, и сами согласитесь, что это не англичанинъ, а скорѣй судно американской постройки.

— Нѣтъ... это англичанинъ, — упрямо возражалъ Аткинсъ: — и я даже могу вамъ сказать, изъ какой онъ вышелъ верфи... да... Беркенгедской верфи въ Ливерпулѣ, гдѣ спустили на воду „Гальбрана“!

— Вовсе нѣтъ! — вмѣшался еще одинъ старый морякъ. — Эта шкуна строилась въ Балтиморѣ у Ниппера и Стронджа, и ея киль впервые купался въ Чизаникскихъ водахъ.

— Скажи лучше: вода Мерсея, безтолковый простофиля! — возразилъ мастеръ Аткинсъ. — Ну-ка, протри свои очки и взгляни хорошенько на флагъ на гафелѣ.

— Англійскій! — вскрикнули всѣ присутствующіе разомъ.

И на самомъ дѣлѣ, флагъ Соединеннаго Королевства только что распустилъ свой красный флагдукъ, въ одномъ углу котораго была выбита британская яхта.

Теперь уже не оставалось никакого сомнѣнія, что въ Кристмасъ-Гарборъ шелъ не американскій, а англійскій корабль. Но опредѣленіе національности корабля вовсе не могло считаться неоспоримымъ доказательствомъ, что это былъ непремѣнно голетъ капитана Ленъ Гайя.

Черезъ два часа и это не могло уже быть предметомъ спора. Еще задолго до полудня „Гальбранъ“ сталъ на якорь на четырехъ-брасовой глубинѣ, среди Кристмасъ-Гарбора.

Нечего, конечно, говорить, съ какимъ энтузіазмомъ привѣтствовалъ хозяинъ „Зеленаго Баклана“ капитана „Гальбрана“, который казался, впрочемъ, далеко не такимъ экспансивнымъ.

Лѣтъ сорока пяти, сангвиническаго темперамента, крѣпкій, какъ тимберсы его голета, — большая голова съ сѣдѣющими волосами, черные глаза, блестѣвшіе какъ уголькі подъ густыми бровями, загорѣлый цвѣтъ лица, поджатыя губы, бѣлые крѣпкіе зубы, клинообразная жесткая рыжеватая бородка, сильныя ноги и руки, — вотъ въ какомъ видѣ предсталъ предо мною капитанъ Ленъ Гай. Лицо далеко не суровое, а скорѣе лицо человѣка замкнутаго въ себѣ, который безъ крайней надобности не любитъ посвящать постороннихъ въ свои тайны. Догадку мою подтвердили въ тотъ же день кой-кто изъ тѣхъ, кто лучше зналъ капитана, чѣмъ мастеръ Аткинсъ, хотя мой хозяинъ и считалъ себя большимъ другомъ капитана. Въ сущности же, все дѣло заключалось въ томъ, что никто не могъ похвалиться тѣмъ, что хорошо знаетъ этого довольно-таки необщительнаго субъекта.

Человѣкъ, который мнѣ объ этомъ намекнулъ и довольно-таки прозрачно, былъ не кто иной, какъ боцманъ „Гальбрана“, Герлигерли, родомъ съ острова Уайта. Это былъ типичный морской волкъ, лѣтъ сорока четырехъ, средняго роста, коренастый, сильный, съ оттопырившимися руками, кривыми ногами, круглой, точно шаръ, головой на воловьей шеѣ и такой широкой грудью, что она могла бы вмѣстить двѣ пары легкихъ... И мнѣ, признаюсь, не разъ приходило въ голову, что у него, во

всякомъ случаѣ, легкія должны быть вдвое больше, чѣмъ у людей обыкновенныхъ, — онъ сопѣлъ и пыхтѣлъ, какъ паровикъ, и могъ говорить цѣлыми днями безъ умолку; его лицо, съ цѣлой сѣтью морщинокъ подъ глазами, вслѣдствіе постояннаго сокращенія лицевыхъ мускуловъ, какъ-то насмѣшливо подергивалось — никто не могъ бы сказать съ увѣренностью, когда говоритъ серьезно и когда шутитъ этотъ вѣчно насмѣхающійся человѣкъ, подмигивающій то однимъ глазомъ, то другимъ. Я ничего не сказалъ о его волосахъ, а между тѣмъ, крайне необходимо упомянуть о клочкѣ волосъ — увы! всего одинъ клочокъ — висѣвшемъ надъ его лѣвымъ ухомъ. Вообще, боцманъ былъ прямой противоположностью своему командиру, и, несмотря на это, они нетолько понимали другъ друга, но даже успѣли, такъ сказать, сжиться и оцѣнить одинъ другого. Послѣднее, впрочемъ, не представляло ничего особеннаго, потому что они вотъ уже лѣтъ пятнадцать плавали вмѣстѣ, — сначала на бригѣ „Пауэръ“, а затѣмъ въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ на голетѣ „Гальбранъ“.

Герлигерли, какъ только сошелъ на берегъ, сейчасъ же узналъ отъ Фенимора Аткинса, что если только капитанъ Ленъ Гай согласится, я попаду въ число пассажировъ „Гальбрана“. На этомъ основаніи онъ считалъ себя въ правѣ подойти ко мнѣ и заговорить со мной, не соблюдая обычныхъ въ такихъ случаяхъ правилъ свѣтской вѣжливости. Онъ уже зналъ мое имя, и съ него было достаточно этого, чтобы остановить меня и по-пріятельски поздороваться со мной.

— Здравствуйте, мистеръ Джіорлингъ.

— Здравствуйте, другъ мой, — отвѣчалъ я. — Что вамъ угодно?...

— Предложить вамъ мои услуги...

— Ваши услуги?...

— Да. Я слышалъ, что вы хотите взять для себя мѣсто на „Гальбранѣ“...

— Но кто вы такой?...

— Боцманъ Герлигерли, какъ я значусь въ именномъ спискѣ экипажа, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣрный товарищъ капитана Ленъ Гайя, который довольно охотно выслушиваетъ мои совѣты, хотя и говорятъ, что онъ никогда и никого не слушается.

Тогда мнѣ пришло въ голову, что я хорошо сдѣлаю, если заручусь любезнымъ содѣйствіемъ человѣка, который такъ охотно предлагаетъ мнѣ свои услуги и, повидимому, ни мало не сомнѣвается въ своемъ вліяніи на капитана Ленъ Гайя.

И я какъ можно любезнѣе отвѣтилъ:

— Очень радъ, любезный, давайте потолкуемъ, если только у васъ есть на это свободное время въ настоящую минуту...

— У меня цѣлыхъ два часа свободныхъ, мистеръ Джіорлингъ и, кромѣ того, сегодня вообще мало работы. Завтра надо будетъ выгрузить кой-какой товаръ и принять запасы провизіи... Все это отдыхъ для экипажа... Если вы свободны... какъ и я...

Говоря это, онъ въ то же время указывалъ рукой въ хорошо извѣстномъ ему направленіи.

— Развѣ здѣсь намъ неудобно разговаривать?... — замѣтилъ я, стараясь удержать его.

— Разговаривать здѣсь, мистеръ Джіорлингъ, разговаривать стоя... съ сухимъ горломъ... когда такъ легко занять удобное мѣстечко за столомъ въ залѣ „Зеленаго Баклана“, передъ двумя чашками чая съ виски...

— Я не пью, боцманъ.

— Ладно... я выпью за двоихъ. О! не думайте, что вы имѣете дѣло съ пьяницей!... Нѣтъ!... Я никогда не пью больше, чѣмъ слѣдуетъ, а всегда ровно столько, сколько нужно!

Я покорно пошелъ слѣдомъ за этимъ морскимъ волкомъ, видимо небоявшимся шквaловъ и бурь на морѣ зеленаго вина. И вотъ въ то время, пока мастеръ Аткинсъ занимался на палубѣ голета покупкой и продажей, мы чинно засѣдали въ большой залѣ его харчевни-трактира.

Прежде всего я сказалъ боцману:

— Я, главнымъ образомъ, расчитывалъ на Аткинса и надѣюсь черезъ него познакомиться съ капитаномъ Ленъ Гайемъ, потому что, какъ я слышалъ, они съ нимъ, кажется, въ очень хорошихъ отношеніяхъ...

— Хм!— произнесъ Герлигерли.—Фениморъ Аткинсъ хорошій человѣкъ, и капитанъ его, конечно, уважаетъ... Но, въ общемъ, онъ меня не стоитъ!... Позвольте ужъ мнѣ устроить это дѣло, мистеръ Джіорлингъ...

— Развѣ это такъ трудно, боцманъ, и развѣ на „Гальбранѣ“ нѣтъ свободной каюты?... Съ меня достаточно будетъ и самой маленькой, и я заплачу...

— Очень хорошо, мистеръ Джіорлингъ! У насъ есть каюта на шканцахъ, въ которой до сихъ поръ никто еще не жилъ и, если только вы не пожалѣете немножко тряхнуть карманомъ... если это необходимо... И—это, конечно, между нами—нужно быть много похитрѣе, чѣмъ думаете вы и старикъ Аткинсъ, чтобы уговорить капитана Ленъ Гайя принять на бортъ пассажира!... Да! такое дѣло впору устроить даже и такому хитрому малому, какъ вашъ покорнѣйшій слуга, собирающійся выпить за ваше здоровье и очень жалѣющій о томъ, что вы не имѣете возможности отвѣтить ему тѣмъ же!

При этомъ Герлигерли зажмурилъ лѣвый глазъ и дьявольски хитро подмигнулъ правымъ! Нужно было видѣть его физіономію въ эту минуту, чтобы понять, какой великій дипломатическій талантъ скрывался подъ грубой оболочкой матроса. Конецъ фразы утонулъ въ стаканѣ виски, качества которой хорошо были извѣстны боцману по той простой причинѣ, что „Зеленый Бакланъ“ покупалъ спиртные напитки исключительно у капитана „Гальбрана“.

Затѣмъ тонкій дипломатъ вытащилъ изъ кармана куртки коротенькую черную трубку, набилъ ее съ верхомъ табакомъ, какъ-то особенно закусилъ чубучокъ коренными зубами, высѣкъ огонь и въ одну минуту скрылся въ густыхъ облакахъ синяго табачнаго дыма, точно пароходъ, когда кочегары, по приказанію капитана, раскаливаютъ топку чуть не добѣла; даже голова курильщика, и та скрылась въ облакахъ дыма.

— Мистеръ Герлигерли...—сказалъ я.

— Мистеръ Джіорлингъ...

— Скажите, пожалуйста, что могъ бы имѣть вашъ капитанъ противъ того, чтобы взять меня?...

— А очень просто... въ его планы вовсе не входитъ принимать пассажировъ къ себѣ на голетъ, и до сихъ поръ онъ всегда отказывалъ, когда обращались къ нему съ такими просьбами.

— А почему? Меня, признаюсь вамъ, это очень интересуетъ...

— Э! да просто потому, что онъ не любитъ, чтобы стѣсняли свободу его дѣйствій... Онъ любитъ итти туда, куда ему хочется; возвращаться назадъ, если ему понадобится; итти на сѣверъ или на югъ, на западъ или на востокъ, не объясняя никому, почему онъ такъ поступаетъ! Онъ всегда плаваетъ въ южныхъ моряхъ, мистеръ Джіорлингъ, и мы съ нимъ вмѣстѣ не одинъ десятокъ лѣтъ странствуемъ уже по этимъ мѣстамъ между Австраліей на востокѣ и Америкой на западѣ, отъ Гобарт-стауна къ Кергуэленамъ, Тристанъ д'Акуньи, къ Фальклендскимъ островамъ и пробираемся даже къ Южному Ледовитому океану, останавливаясь то тамъ, то тутъ, чтобы продать грузъ или сдѣлать покупки! При такихъ условіяхъ, вы это и сами отлично понимаете, пассажиръ будетъ только стѣснять, а кромѣ того, едва ли и найдется много охотниковъ путешествовать на „Гальбранѣ“, который не любитъ бороться съ вѣтромъ и плыветъ туда, куда они его гонятъ!.

Слушая разглагольствованія подвыпившаго боцмана, мнѣ начинало приходить въ голову, что онъ желаетъ изобразить свой голетъ какимъ-то таинственнымъ судномъ, плавающимъ наудачу, не останавливаясь надолго нигдѣ, словомъ, чѣмъ-то въ родѣ фантастическаго корабля, блуждающаго по океану подъ командой призрачнаго капитана. Но я, конечно, ни однимъ словомъ не обмолвился о своихъ подозрѣніяхъ и спокойно сказалъ своему собесѣднику:

— Гальбранъ выйдетъ изъ Кристмасъ-Гарбора дня черезъ четыре или черезъ пять?..

— Да...

— И, какъ я слышалъ, будетъ держать курсъ на западъ, по направленію къ Тристанъ д'АкуньѢ?..

— Можетъ быть.

— Ну, такъ вотъ, боцманъ, это все, что мнѣ нужно, и разъ вы предлагаете мнѣ ваши услуги, убѣдите капитана Ленъ Гайя принять меня пассажиромъ...

— Считайте, что это уже сдѣлано!

— Чудесно, Герлигерли, и вамъ не придется раскаиваться.

— Э! мистеръ Джіорлингъ, — возразилъ мнѣ экипажный старшина, потряхивая головой, точно онъ только что вылѣзъ изъ воды, — мнѣ никогда еще не приходилось раскаиваться въ томъ, что я дѣлалъ, и я увѣренъ, что и теперь, оказывая вамъ услугу, мнѣ не придется въ этомъ раскаиваться. А теперь, если позволите, я съ вами прощусь, даже не ожидая возвращенія моего друга, Аткинса, и отправлюсь прямо на голетъ.

Допивъ однимъ глоткомъ послѣдній стаканъ виски, — я одну минуту даже боялся, что стаканъ исчезнетъ въ горлѣ вмѣстѣ съ напиткомъ, — Герлигерли послалъ мнѣ покровительственную улыбку. Потомъ, покачиваясь толстымъ туловищемъ на кривыхъ ногахъ и окруженный облаками ѣдкаго дыма, вырывавшагося изъ его трубки, онъ вышелъ изъ харчевни и направился къ сѣверо-востоку отъ „Зеленаго Баклана“.

Я остался одинъ за столомъ подъ вліяніемъ довольно противорѣчивыхъ размышленій. Кто былъ, въ дѣйствительности, этотъ капитанъ Ленъ Гай? Мастеръ Аткинсъ описывалъ мнѣ его какъ хорошаго моряка и честнаго человѣка. Что онъ былъ таковъ, и на самомъ дѣлѣ, въ этомъ

ГИБИЛ Моск. Лит-ра

я не имѣлъ никакихъ основаній сомнѣваться; но, во всякомъ случаѣ, человѣкъ этотъ долженъ быть большой оригиналъ, судя по тому, что мнѣ только что разсказывалъ о немъ боцманъ. Мнѣ, признаюсь, никогда и въ голову не приходило, что намѣреніе мое уѣхать на „Гальбранѣ“ можетъ встрѣтить какое-либо затрудненіе, разъ я рѣшилъ не стоять за цѣной и не претендовать ни на какія особенныя удобства. Какую причину могъ имѣть капитанъ Ленъ Гай для того, чтобы мнѣ отказать?... Можно ли вѣрить тому, что онъ вообще не любилъ связывать себя обязательствами относительно пассажировъ и предпочиталъ имѣть возможность во всякое время измѣнить курсъ, если дорогой ему придетъ въ голову фантазія свернуть въ сторону?... Или, можетъ-быть, у него были особенныя причины недовѣрять незнакомцу?... Можетъ-быть, онъ занимался контрабандой или торговлей неграми,— послѣдняя профессія, къ стыду человѣчества, была еще сильно развита въ то время въ южныхъ моряхъ?... Въ концѣ концовъ, въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, хотя мой достойный хозяинъ и ручался за „Гальбранъ“ и за его капитана. Честное судно, честный командиръ!.. Фениморъ Аткинсъ ручался за то и за другое!.. Это, конечно, значило очень много, но кто знаетъ, можетъ, все это создала пылкая фантазія хозяина „Зеленаго Бакланa“?.. Въ сущности, онъ вѣдь и зналъ-то капитана Лена Гайя очень мало и видѣлъ его всего разъ въ году на стоянкѣ въ Кергуэленахъ, гдѣ капитанъ занимался коммерческими дѣлами, которыя не допускали никакихъ подозрѣній...

Съ другой стороны, я думалъ, что боцманъ, съ цѣлью придать больше значенія своимъ услугамъ, почти навѣрное, старался сдѣлать изъ себя человѣка, обладающаго особеннымъ вліяніемъ на капитана... Можетъ-быть, капитанъ Ленъ Гай будетъ даже очень радъ, очень счастливъ взять на голетъ такого сговорчиваго пассажира, который къ тому же не постоитъ за цѣной...

Черезъ часъ я встрѣтилъ на пристани Фенимора Аткинса и передалъ ему свой разговоръ съ боцманомъ.

— Ахъ! этотъ дьяволъ Герлигерли,— вскричалъ онъ,— все тотъ же!... Если только ему повѣрить, то капитанъ Ленъ Гай и шагу не ступитъ, не посовѣтовавшись съ нимъ!... Видите ли, мистеръ Джіорлингъ, этотъ боцманъ большой чудакъ, онъ не злой, и не дуракъ, но только онъ умѣетъ выманивать доллары и гинеи, какъ никто въ мірѣ!.. Если вы попадете къ нему въ лапы, берегите свой кошелекъ!.. Берегите вашъ карманъ и не давайтесь въ ловушку!

— Спасибо за совѣтъ, Аткинсъ! Теперь скажите мнѣ вотъ что!.. Вы уже видѣлись съ капитаномъ Ленъ Гайемъ и, можетъ-быть, даже говорили и о...

Нѣтъ еще, мистеръ Джіорлингъ... У насъ еще будетъ на это время... „Гальбранъ“ вѣдь только еще сегодня прибылъ и не успѣлъ еще обернуться вокругъ своего якоря во время прилива...

— Конечно, но... вы понимаете... я хотѣлъ бы какъ можно скорѣе успокоиться на этотъ счетъ...

— Будьте спокойны!

— Мнѣ, положительно, не терпится узнать, чѣмъ рѣшится моя судьба...

— Э! тутъ нечего бояться, мистеръ Джіорлингъ!.. Дѣло устроится само собой!.. Потерпите немножко!.. Впрочемъ, даже и безъ „Гальбрана“, вы не встрѣтите въ этомъ затрудненій... Съ наступленіемъ рыболовнаго сезона въ Кристмасъ-Гарборѣ будетъ больше кораблей, чѣмъ домовъ вокругъ „Зеленаго Баклана“!... Положитесь въ этомъ на меня... Я беру на себя устроить вашъ отъѣздъ!

Все это, въ сущности, были только одни слова, — боцманъ съ одной стороны, мистеръ Аткинсъ съ другой! Вотъ почему, несмотря на всѣ ихъ обѣщанія, я рѣшилъ обратиться прямо къ капитану Ленъ Гайю, какъ бы онъ ни былъ мало доступенъ, и хорошенько потолковать съ нимъ, какъ только встрѣчу его одного.

Случай этотъ представился только на слѣдующій день. До тѣхъ поръ я все шатался по пристани, осматривая голетъ, или шкуну, какъ называлъ Аткинсъ судно замѣчательной конструкціи и, повидимому, очень прочное, а послѣднее чуть ли не самое важное для плаванія въ тѣхъ моряхъ, гдѣ льдины заходятъ иногда за пятидесятую параллель.

Встрѣча произошла послѣ полудня. Подойдя къ капитану Ленъ Гайю, я сразу же замѣтилъ, что ему въ душѣ была очень непріятна эта встрѣча.

Прежде, чѣмъ продолжать разсказъ, я долженъ сначала замѣтить, что въ Кристмасъ-Гарборѣ число жителей, почти исключительно рыболововъ, не увеличивается вслѣдствіе прироста населенія. Очень можетъ что быть, это происходитъ потому, что часть кергуэленцевъ нанимается матросами на суда, заходящія въ портъ, и пополняетъ собою комплектъ экипажа того или другого судна, а ихъ, повторяю, лѣтомъ сюда заходитъ довольно много. Но по той или по другой причинѣ, а только населеніе и не увеличивается и не измѣняется, и капитанъ Ленъ Гай долженъ былъ знать всѣхъ жителей наперечетъ. Пробудь онъ здѣсь нѣсколько недѣль, онъ, пожалуй, еще и могъ бы ошибиться, потому что тогда экипажи со всей флотиліи сойдутъ на берегъ, гдѣ будетъ царить несвойственное Кергуэленамъ оживленіе, которое окончится только съ окончаніемъ лѣтняго сезона. Но въ этотъ день, въ августѣ, „Гальбранъ“, пользуясь зимой, мягкость которой была, дѣйствительно, исключительной, стоялъ одинъ на якорѣ въ гавани.

Поэтому нельзя было и думать, чтобы капитанъ Ленъ Гай не угадалъ во мнѣ чужестранца, если бы даже боцманъ и Фениморъ Аткинсъ и не говорили съ нимъ обо мнѣ.

А разъ это такъ, тогда его недовольное лицо могло выражать только слѣдующее: или мое предложеніе было ему передано, и онъ не намѣренъ былъ давать ему дальнѣйшаго хода, или же ни Герлигерли ни Аткинсъ не говорили еще съ нимъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ избѣгаетъ меня только потому, что повинуется своей необщительной натурѣ и не хочетъ вступать въ разговоръ съ незнакомцемъ.

Но я слишкомъ волновался отъ нетерпѣнія. Если этотъ ежъ мнѣ откажетъ, ну, что же! я спокойно выслушаю отказъ! Я не могу заставить его взять меня на голетъ противъ его воли! Я на это не имѣлъ ни какого права и не былъ даже его соотечественникомъ. Кромѣ того, ни консулъ ни даже американскій агентъ не жили на Кергуэленахъ, и мнѣ некому было бы на него и жаловаться. Прежде всего мнѣ необходимо было узнать что-нибудь опредѣленное, и если услышу отъ капитана

Ленъ Гайя категорическое „нѣтъ!“, буду терпѣливо ждать прибытія другого судна... Это, впрочемъ, заставитъ меня отложить отъѣздъ всего недѣли на двѣ, на три.

Въ ту минуту, когда я собирался подойти къ капитану, къ нему подошелъ лейтенантъ. Капитанъ воспользовался случаемъ, чтобы удалиться и, сдѣлавъ знакъ офицеру слѣдовать за собой, въ одну минуту скрылся изъ вида за береговыми утесами.

„Чортъ возьми,— подумалъ я.— Мнѣ начинаетъ казаться, что мнѣ трудно будетъ достигнуть моей цѣли! Но это, въ сущности, только отложенная партія. Завтра утромъ я поѣду на „Гальбранъ“! Хочетъ Ленъ Гай или не хочетъ, а онъ долженъ будетъ меня выслушать и отвѣтить мнѣ да или нѣтъ!“

Впрочемъ, весьма возможно, что къ обѣду капитанъ Ленъ Гай явится еще въ „Зеленый Бакланъ“, гдѣ, по обыкновенію, моряки завтракали и обѣдали во время своихъ стоянокъ. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ на морѣ, охотно мѣняешь на что-нибудь другое вѣчные сухари и солонину. Этого требуетъ самъ организмъ, и одновременно съ закупкой свѣжей провизіи для экипажа офицеры почти никогда не упускаютъ случая побывать на берегу и пообѣдать по-сухопутному въ трактирахъ. Я былъ увѣренъ, что мой другъ, Аткинсъ, навѣрное, уже все приготовилъ, чтобы какъ слѣдуетъ принять капитана, лейтенанта, а съ ними вмѣстѣ и боцмана голета.

Итакъ, я сталъ ждать, и сѣлъ за столъ очень поздно. Мнѣ пришлось разочароваться.

Нѣтъ! ни капитанъ Ленъ Гай и никто изъ начальствующихъ лицъ не почтили своимъ присутствіемъ „Зеленый Бакланъ“. Мнѣ пришлось обѣдать одному, какъ я дѣлалъ это ежедневно уже цѣлые два мѣсяца, потому что у мастера Аткинса обыкновенно не бывало посѣтителей въ продолженіе ненавигаціоннаго времени.

Къ концу обѣда, т. е. приблизительно къ половинѣ восьмого, стало уже совсѣмъ темно, и я, выйдя изъ харчевни, отправился гулять по пристани. Пристань была пуста. Окна трактира проливали нѣкоторый свѣтъ. Изъ всего экипажа „Гальбрана“ на берегу не было видно ни одного человѣка.

Подозрительная шкуна казалась точно казармой, куда матросовъ запирали съ закатомъ солнца. Эта мѣра, должно-быть, очень не нравилась болтуну и пьяницѣ Герлигерли, который по натурѣ своей, навѣрное, любилъ странствовать отъ одного кабака къ другому во время стоянокъ. Его точно такъ же, какъ и его капитана, я тоже не встрѣтилъ въ этотъ вечеръ вблизи „Зеленаго Баклана“.

Я пробылъ на пристани до девяти часовъ. Мало-по-малу масса корабля потемнѣла. Въ водѣ отражался только свѣтъ отъ фонаря, подвѣшеннаго къ штагу фокъ-мачты, на носу шкуны.

Затѣмъ я возвратился въ харчевню, гдѣ нашелъ Фенимора Аткинса, курившаго трубку возлѣ двери.

— Аткинсъ,— сказалъ я ему,— какъ видно, капитанъ Ленъ Гай вовсе не любитъ посѣщать вашу гостиницу?..

— Онъ приходитъ иногда въ воскресенье, а сегодня суббота, мистеръ Джіорлингъ...

— Вы съ нимъ не говорили?..

— Напротивъ...— отвѣчалъ мнѣ мой хозяинъ голосомъ, въ которомъ не слышно было уже прежней самоувѣренности.

— Вы говорили ему, что одинъ вашъ знакомый желалъ бы уѣхать отсюда на „Гальбранѣ“?

— Да.

— Что же онъ отвѣтилъ?..

Это былъ капитанъ Ленъ Гай. (Стр. 23.)

— Онъ отвѣтилъ совсѣмъ не такъ, какъ это хотѣлось бы мнѣ и вамъ, мистеръ Джіорлингъ...

— Онъ отказываетъ?..

— Почти что такъ, если можно считать за отказъ то, что онъ мнѣ сказалъ: „Аткинсъ, мой голетъ не годится для пассажировъ... Я не бралъ ихъ до сихъ поръ и не думаю брать ни теперь ни послѣ“.

ГЛАВА III.

Капитанъ Ленъ Гай.

Я спалъ плохо. Мнѣ казалось, что я видѣлъ сонъ. Но — здѣсь я опять цитирую Эдгара Поэ—когда у человѣка является подозрѣніе, что онъ видитъ сонъ, онъ почти сейчасъ же и просыпается.

Поэтому проснулся и я, и все еще продолжалъ сильно досадовать на капитана Ленъ Гайя. Меня неотступно преслѣдовала мысль покинуть Кергуэлены въ тотъ именно день, когда „Гальбранъ", распустивъ паруса, выйдетъ изъ Кристмасъ-Гарбора. Мастеръ Аткинсъ все также горячо продолжалъ расхваливать мнѣ морскія качества судна, неизмѣнно первымъ пристававшаго къ Кристмасъ-Гарбору. Я считалъ не только дни, но даже и часы, остававшіеся до отъѣзда, и во снѣ и наяву видѣлъ себя на палубѣ голета, выходящаго въ открытое море; онъ держалъ курсъ на западъ къ американскому берегу! Мой хозяинъ такъ настойчиво увѣрялъ меня, что капитанъ Ленъ Гей непремѣнно согласится взять меня, потому что это вѣдь въ его же собственныхъ интересахъ... Онъ говорилъ, что не знаетъ ни одного примѣра, чтобы купеческое судно отказывалось принять пассажира, разъ это только не вынуждаетъ его измѣнить свой маршрутъ, а тѣмъ болѣе, если за это оно можетъ получить еще и хорошую плату съ пассажира... И вдругъ что же оказывается?..

Отказъ капитана не только огорчалъ меня, но даже приводилъ въ сильное бѣшенство. Отъ негодованія во мнѣ кипѣла желчь; нервы были напряжены въ высшей степени. На моемъ пути неожиданно встало препятствіе, котораго я, при всемъ желаніи, не могъ преодолѣть.

Для меня это была скверная ночь; я метался какъ въ лихорадкѣ и успокоиваться сталъ уже только передъ разсвѣтомъ.

Я рѣшилъ объясниться съ капитаномъ относительно его непонятнаго предубѣжденія противъ меня. Можетъ-быть, я и ничего не добьюсь отъ этого недоступнаго человѣка; но зато, по крайней мѣрѣ, выскажу ему все, что накипѣло у меня на сердцѣ.

Мастеръ Аткинсъ говорилъ съ нимъ обо мнѣ и въ отвѣтъ на свою просьбу, какъ я уже упоминалъ, получилъ категорическій отказъ. Что же касается болтуна и, повидимому, пьяницы Герлигерли, такъ любезно предлагавшаго мнѣ свое вліяніе и услуги, кто знаетъ, въ силахъ ли онъ будетъ сдержать свое обѣщаніе?.. Рѣшить этотъ вопросъ я не могъ, потому что не видѣлъ боцмана больше... Во всякомъ случаѣ, я не думаю, чтобы онъ былъ счастливѣе хозяина „Зеленаго Баклана".

Изъ дому вышелъ я часовъ около восьми утра. Погода была отвратительная — собачья, какъ говорятъ французы: дождь пополамъ со снѣгомъ, и пронзительный вѣтеръ дулъ съ запада изъ-за горъ въ глубинѣ бухты; нависшія тучи въ хаотическомъ безпорядкѣ быстро неслись, клубясь, по небу. Нечего было и думать, что капитанъ Ленъ Гай съѣдетъ на берегъ за тѣмъ, чтобы промокнуть до костей.

На пристани ни души. Нѣсколько рыбачьихъ лодокъ вышло изъ гавани еще задолго до начала бури и, вѣроятно, укрылось въ глубинѣ

заливчиковъ, гдѣ ихъ не могло достать ни море ни налетавшіе шквалы. Мнѣ приходило въ голову попытаться самому отправиться на „Гальбранъ“, но добраться туда я могъ не иначе, какъ вызвавъ крикомъ лодку съ него, а боцманъ, если даже и узнаетъ меня, пожалуй, побоится послать за мной лодку безъ вѣдома капитана.

„Впрочемъ, — подумалъ я, — на палубѣ голета капитанъ у себя дома, и то, что я хочу ему сказать, если онъ все также упорно будетъ отказывать въ пріемѣ меня пассажиромъ, мнѣ слѣдуетъ сказать ему въ другомъ мѣстѣ, на нейтральной почвѣ. Я лучше буду слѣдить за нимъ изъ окна моей комнаты, и какъ только яликъ отчалитъ отъ „Гальбрана“ и я увижу капитана на берегу... тогда ему уже ни за что не удастся скрыться отъ меня, не объяснивъ своего страннаго поведенія“.

Я возвратился въ „Зеленый Бакланъ“, и сейчасъ же сталъ на часы у сильно запотѣвшаго окна, которое предварительно хорошенько протеръ сухой тряпкой.

Я стоялъ на своемъ посту, какъ самый бдительный часовой, и съ нетерпѣніемъ, стараясь насколько возможно подавить внутреннее волненіе, ждалъ появленія непріятеля, т. е. капитана.

Такъ прошло два часа. За это время, какъ это, впрочемъ, часто случается на Кергуэленахъ, вѣтеръ круто повернулъ съ другой стороны и буря стихла и успокоилась, и только у меня въ груди все еще бушевалъ ураганъ.

Часамъ къ одиннадцати вѣтеръ совсѣмъ разсѣялъ тучи, ходившія почти надъ самой землей, и буря отправилась бушевать по ту сторону горъ.

Я открылъ окно.

Въ эту минуту отъ „Гальбрана“ собиралась отчалить одна изъ шлюпокъ. Въ нее сначала спрыгнулъ матросъ и сѣлъ на весла, а затѣмъ показался еще одинъ человѣкъ, который сѣлъ на корму. Какъ я уже говорилъ и раньше, шкуна, или голетъ „Гальбранъ“ стоялъ отъ берега не больше, какъ въ пятидесяти туазахъ. Лодка подошла къ пристани, и человѣкъ, сидѣвшій въ шлюпкѣ на кормѣ, выпрыгнулъ на берегъ.

Это былъ капитанъ Ленъ Гай.

Въ нѣсколько секундъ я былъ уже за дверями трактира и остановился передъ капитаномъ, который, несмотря на все свое стараніе, не могъ уже избѣжать встрѣчи со мной.

— Сэръ...— сказалъ я ему тономъ сухимъ и холоднымъ — холоднымъ, какъ погода съ той минуты, какъ вѣтеръ началъ дуть съ востока.

Капитанъ Ленъ Гай пристально взглянулъ на меня, и я былъ пораженъ грустнымъ выраженіемъ его черныхъ, какъ чернила, глазъ. Затѣмъ тихо, почти шопотомъ, онъ спросилъ меня:

— Вы иностранецъ?..

— Иностранецъ на Кергуэленахъ... да, — отвѣчалъ я.

— Вы англичанинъ?..

— Нѣтъ... американецъ.

Онъ поклонился мнѣ короткимъ поклономъ. Я отвѣтилъ ему тѣмъ же.

— Сэръ,— продолжалъ я,— я знаю навѣрное, что мастеръ Аткинсъ, хозяинъ „Зеленаго Баклана“, говорилъ уже вамъ обо мнѣ и даже сообщилъ вамъ, какого рода просьбу я имѣю къ вамъ. Эта просьба, какъ мнѣ кажется, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны...

— Вы желаете уѣхать отсюда на моемъ голетѣ?..— спросилъ капитанъ Ленъ Гай.

— Да.

— Къ сожалѣнію, сэръ, я не могу исполнить вашу просьбу...

— Могу я узнать почему?...

— Потому что я не имѣю обыкновенія принимать пассажировъ на свое судно — это первая причина.

— А вторая, капитанъ?...

— А вторая заключается въ томъ, что маршрутъ „Гальбрана“ никогда не бываетъ опредѣленъ заранѣе. Онъ идетъ то въ одинъ портъ, то въ другой, смотря по тому, куда для меня выгоднѣе итти. Прежде всего я долженъ замѣтить вамъ, сэръ, что я командую „Гальбраномъ“ не по найму отъ судохозяина. Голетъ принадлежитъ мнѣ одному почти цѣликомъ, и я ни отъ кого не завишу и могу итти, куда мнѣ угодно.

— Значитъ, отъ васъ отъ одного и зависитъ, сэръ, разрѣшить мнѣ ѣхать...

— Да, но я могу отвѣтить вамъ на вашу просьбу только отказомъ, къ крайнему моему сожалѣнію.

— Можетъ-быть, вы измѣните ваше мнѣніе, капитанъ, когда узнаете, что для меня безразлично, куда бы ни шелъ вашъ голетъ... Не будетъ же носиться вашъ голетъ вѣчно по волнамъ, и поѣдете же вы отсюда куда-нибудь?...

— Куда-нибудь, конечно...

И мнѣ показалось, что капитанъ Ленъ Гай бросилъ въ эту минуту долгій взоръ на южную сторону горизонта.

— Ну, такъ вотъ, сэръ, — продолжалъ я, — плыть туда или сюда мнѣ почти безразлично... Все, чего я, главнымъ образомъ, желаю, это покинуть Кергуэлены при первой же къ тому возможности...

Капитанъ Ленъ Гай не отвѣчалъ и молча стоялъ, задумавшись, не дѣлая въ то же время попытки уйти отъ меня.

— Надѣюсь, вы меня слушаете, сэръ, и понимаете, что я вамъ говорю?... — спросилъ я довольно рѣзко.

— Да, сэръ.

— Въ заключеніе мнѣ остается только прибавить, что если я не ошибаюсь и если маршрутъ вашего голета не былъ измѣненъ, вы имѣли намѣреніе отправиться изъ Кристмасъ-Гарбора къ Тристанъ-д'Акуньѣ.

— Можетъ-быть, къ Тристанъ д'Акуньѣ... можетъ-быть, въ Капштадтъ... можетъ быть... на Фальклandскіе острова... или еще куда-нибудь...

— И прекрасно!... А я, капитанъ Гай, именно куда-нибудь и желаю отправиться! — возразилъ я иронически и въ то же время дѣлая надъ собой страшное усиліе, чтобы сдержать готовое вырваться наружу раздраженіе.

Странная перемѣна произошла тутъ въ капитанѣ Ленъ Гайѣ. Голосъ его измѣнился, сталъ грубѣе и рѣзче. Въ ясныхъ и точныхъ словахъ онъ далъ мнѣ понять, что всякая дальнѣйшая попытка будетъ безполезна, что нашъ разговоръ и такъ уже продолжался слишкомъ долго, что ему некогда, потому что нужно спѣшить по дѣлу въ портовую кон-

тору... словомъ, онъ находилъ, что мы уже сказали другъ другу все, что только могли, что считали нужнымъ и даже, пожалуй, больше того...

Я протянулъ руку, желая его удержать,— правильнѣе сказать, попросту схватилъ его за руку,— и бесѣда наша, не обѣщавшая ничего хорошаго еще въ самомъ началѣ, грозила кончиться еще хуже, какъ вдругъ эта странная личность повернулась ко мнѣ и голосомъ, въ которомъ уже не слышно было и тѣни прежнихъ рѣзкихъ и грубыхъ нотъ, сказала:

— Повѣрьте мнѣ, сэръ, мнѣ самому очень тяжело и непріятно отказывать американцу исполнить его, въ сущности, такую незначительную просьбу. Но я не могу сдѣлать этого по весьма и весьма уважительнымъ причинамъ. Во время плаванія „Гальбрана“ можетъ произойти какое-нибудь совершенно непредвидѣнное событіе, которое значительно усложнится еще благодаря присутствію пассажира... даже такого сговорчиваго, какъ вы... Это значило бы подвергать себя риску и отказаться отъ возможности воспользоваться удобнымъ случаемъ, котораго я ищу...

— Я вамъ уже сказалъ, капитанъ, и опять повторяю, что хотя я и очень желаю вернуться въ Америку, въ Коннектикутъ, но для меня совершенно безразлично, будетъ ли это черезъ три мѣсяца или черезъ шесть, и какимъ бы путемъ я туда ни попалъ... и если вашъ голетъ направится даже въ антарктическое море...

— Антарктическое море? — вопросительно не повторилъ, а какъ-то особенно вскрикнулъ капитанъ Ленъ Гай.

Взоръ его при этомъ, казалось, пронизывалъ меня насквозь, точно онъ хотѣлъ видѣть, что дѣлалось у меня въ это время тамъ, въ сердцѣ.

— Почему это вамъ пришло въ голову заговорить объ антарктическомъ морѣ?... — продолжалъ онъ, беря меня за руку.

— Да потому же, почему я сталъ бы говорить вамъ про сѣверныя моря... о сѣверномъ полюсѣ... о южномъ полюсѣ...

Капитанъ Ленъ Гай не отвѣтилъ мнѣ ни слова, и мнѣ показалось, что въ глазахъ его блеснули слезы. Потомъ, какъ бы желая отогнать отъ себя какое-то тяжелое воспоминаніе, вызванное моимъ отвѣтомъ, онъ тряхнулъ головой и проговорилъ:

— Этотъ южный полюсъ... Какой смѣльчакъ рискнетъ!...

— Достигнуть его трудно... да это было бы и безполезно, — возразилъ я. — Но, несмотря на это, по временамъ являются люди,— натуры, конечно, исключительныя, геройскія,— которые осмѣливаются пускаться даже и туда...

— Да... герои!... — прошепталъ капитанъ Ленъ Гай.

— Да вотъ, — продолжалъ я, — Соединенные штаты рѣшили попытать счастья еще разъ и снаряжаютъ эскадру подъ командой Чарльса Уилькса: „Vancouver“, „Peacock“, „Porpoise“, „Flying-Fish“ и еще нѣсколько судовъ...

— Вы говорите — Соединенные штаты, мистеръ Джіорлингъ?... И вы увѣрены, что союзное правительство посылаетъ экспедицію въ антарктическія моря?...

— Въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, и въ прошломъ году, передъ моимъ отъѣздомъ изъ Америки, я узналъ, что эскадра уже отправилась въ плаваніе. Съ тѣхъ поръ прошелъ уже цѣлый годъ, и

очень возможно, что отважному Уильксу посчастливилось пробраться гораздо дальше, чѣмъ это удавалось его знаменитымъ предшественникамъ.

Капитанъ Ленъ Гай снова задумчиво опустилъ голову и, простоявъ такъ нѣкоторое время, заговорилъ, какъ бы продолжая вслухъ то, о чемъ онъ только что мечталъ:

— Во всякомъ случаѣ, если Уильксу даже и удастся пересѣчь не только полярный кругъ, но даже и сплошной ледъ, я не думаю, чтобы онъ проникъ дальше, чѣмъ...

— Чѣмъ его предшественники Беллингсгаузенъ, Фёрстеръ, Кэндаль, Бискоэ, Моррель, Кемпсъ, Беллени... — подсказалъ я.

— И чѣмъ... — добавилъ капитанъ Ленъ Гай.

— О комъ это вы говорите?... — спросилъ я.

— Вы уроженецъ Коннектикута, сэръ?... — задалъ мнѣ вдругъ вопросъ капитанъ Ленъ Гай.

— Коннектикута.

— А откуда именно?...

— Изъ Провиденса.

— Вы знаете островъ Нантукетъ?...

— Я много разъ бывалъ тамъ.

— Вы, конечно, знаете, — сказалъ капитанъ Ленъ Гай, смотря мнѣ въ самые глаза, — что вашъ знаменитый романистъ Эдгаръ Поэ называетъ уроженцемъ этого острова своего героя, Артура Гордона Пима...

— Да, и въ самомъ дѣлѣ, — отвѣтилъ я, — теперь я припоминаю. Первыя главы этого романа посвящены острову Нантукету.

— Вы говорите... этого романа?... Вы, кажется, именно такъ и выразились?..

— Конечно, капитанъ...

— Да... и вы говорите, какъ и всѣ!... Но извините, сэръ, я не могу больше ждать... Мнѣ очень жаль... очень жаль... Повѣрьте мнѣ, что если бы я только могъ... Я даю вамъ отвѣтъ окончательный и не думайте, пожалуйста, что сегодня же вечеромъ или завтра я измѣню свое мнѣніе и соглашусь исполнить вашу просьбу... Впрочемъ, вамъ придется подождать всего нѣсколько дней... Лѣтній сезонъ скоро начнется... Коммерческія суда и китоловы станутъ заѣзжать въ Кристмасъ-Гарборъ, и васъ охотно возьметъ пассажиромъ одно изъ этихъ судовъ... и вы поѣдете какъ разъ туда, куда вамъ будетъ нужно... Очень жалѣю, сэръ, очень жалѣю... и имѣю честь кланяться!

Съ послѣдними словами капитанъ Ленъ Гай ушелъ, и разговоръ окончился совсѣмъ иначе, чѣмъ я предполагалъ... Я получилъ отказъ вѣжливый, хотя и категорическій.

Такъ какъ дальнѣйшее упорство все равно не повело бы ни къ чему, я долженъ былъ невольно покориться и отложить надежду уѣхать на „Гальбранѣ“, хотя въ душѣ и продолжалъ злиться на несговорчиваго капитана. Кромѣ того... Почему не сознаться мнѣ въ этомъ? Любопытство мое было задѣто сильно. Я чутьемъ угадывалъ тайну въ глубинѣ души капитана, и мнѣ доставило бы большое удовольствіе разгадать эту тайну. Странный оборотъ, который принялъ нашъ разговоръ... имя Артура Пима, произнесенное такъ неожиданно... разспросы объ островѣ Нантукетѣ... дѣйствіе, произведенное на капитана сообщеніемъ, что въ Южный Ледовитый океанъ отправилась экспедиція подъ командой Уиль-

кса... Увѣренность его, что американской эскадрѣ не удастся проникнуть къ югу дальше, чѣмъ... Кого же именно имѣлъ въ виду капитанъ Ленъ Гай?... Все это, конечно, давало обширную пищу для такого пытливаго ума, какъ мой...

Когда я вернулся домой, мастеръ Аткинсъ сейчасъ же осыпалъ меня вопросами о результатахъ моихъ личныхъ переговоровъ съ капитаномъ... Онъ хотѣлъ знать, удалось ли мнѣ получить разрѣшеніе Ленъ Гайя занять одну изъ каютъ на голетѣ?... Мнѣ пришлось поневолѣ сознаться, что все мое краснорѣчіе пропало даромъ и мнѣ посчастливилось не больше, чѣмъ и ему... Отвѣтъ мой, какъ я замѣтилъ, очень удивилъ моего хозяина. Онъ понять не могъ, почему именно отказывалъ мнѣ капитанъ... странное упорство... Онъ не узнаетъ больше своего стараго друга... Чѣмъ объяснить такую перемѣну?... Кромѣ того,— а это касалось уже и его самого и очень близко,— вопреки тому, что дѣлалось во время прежнихъ стоянокъ, въ „Зеленый Бакланъ“ не заходили ни матросы ни офицеры съ „Гальбрана“. По всей вѣроятности, капитанъ отдалъ какое-нибудь приказаніе на этотъ счетъ. Боцманъ, впрочемъ, заходилъ раза два или три въ трактиръ выпить, но этимъ и ограничивались всѣ сношенія голета, если не съ берегомъ, то съ хозяиномъ „Зеленаго Баклана“. Нечего, конечно, и говорить, что это очень огорчало мастера Аткинса.

Что касается Герлигерли, то послѣ того, какъ онъ такъ неосторожно вызвался самъ съ предложеніемъ своихъ услугъ, я замѣтилъ, что онъ, повидимому, тоже не желаетъ продолжать со мной знакомство, которое къ тому же должно было очень скоро прекратиться. Говорилъ онъ что-нибудь обо мнѣ со своимъ начальникомъ или нѣтъ, этого я не знаю, но я убѣжденъ, что ему попало и хорошо за неумѣстную болтовню съ чужестранцемъ.

Въ продолженіе слѣдующихъ затѣмъ трехъ дней, 10, 11 и 12 августа, на голетѣ шли обычныя работы по возобновленію припасовъ и починкѣ судна. Видно было, какъ матросы и офицеры ходили взадъ и впередъ по палубѣ,— они осматривали мачты, перемѣняли бѣгучій такелажъ, закрѣпляли ванты и бакштаги, ослабшіе во время послѣдняго переѣзда, подновляли краску, попортившуюся подъ ударами морскихъ волнъ, привязывали къ реямъ новые паруса и чинили старые, которыми можно было еще воспользоваться въ хорошую погоду, конопатили и смолили бортовую обшивку и палубу...

Люди работали усердно, безъ шуму и криковъ, которые почти всегда слышатся на коммерческихъ судахъ во время работъ на якорныхъ стоянкахъ. Повидимому, командиръ „Гальбрана“ умѣлъ, какъ слѣдуетъ, дисциплинировать экипажъ и держалъ его въ рукахъ. Исключеніе составлялъ, можетъ-быть, только одинъ боцманъ, который казался мнѣ большимъ любителемъ посмѣяться, пошутить и могъ болтать просто безъ умолку, а можетъ-быть, у него чесался языкъ только тогда, когда онъ сходилъ на берегъ.

Наконецъ, стало извѣстно, что отъѣздъ голета назначенъ на 15-е августа, и наканунѣ еще я не имѣлъ ни малѣйшаго основанія разсчитывать, что капитанъ Ленъ Гай измѣнитъ свое рѣшеніе и возьметъ меня съ собой.

Впрочемъя, я объ этомъ уже больше не думалъ и, такъ сказать, вполнѣ примирился съ этой неудачей. У меня даже прошла всякая охота говорить объ этомъ, а тѣмъ болѣе жаловаться на капитана. Если бы мастеръ Аткинсъ предложилъ мнѣ свои услуги возобновить хлопоты, я, навѣрное, отказалъ бы ему. Когда случайно мнѣ приходилось встрѣчаться на пристани съ капитаномъ Ленъ Гайемъ, мы оба дѣлали видъ людей, которые даже не знаютъ совсѣмъ одинъ другого и никогда раньше не видались. Онъ проходилъ въ одну сторону, я — въ другую. Однако, я долженъ замѣтить, что раза два при встрѣчахъ я замѣчалъ, что онъ не совсѣмъ равнодушно проходилъ мимо меня... Мнѣ даже казалось, что онъ хотѣлъ со мной заговорить... Но онъ этого не дѣлалъ, а я былъ не такой человѣкъ, чтобы вызывать его на новое объясненіе... Кромѣ того, — я узналъ объ этомъ въ тотъ же самый день, — Фенимоpъ Аткинсъ, вопреки формальному моему запрещенію, просилъ еще разъ за меня капитана Ленъ Гайя, но, конечно, ничего не добился. Это было уже дѣло „рѣшенное“, какъ говорилъ капитанъ, а между тѣмъ, боцманъ держался совершенно противоположнаго мнѣнія...

По крайней мѣрѣ, въ разговорѣ съ хозяиномъ „Зеленаго Баклана“ онъ довольно авторитетнымъ тономъ замѣтилъ Фенимору Аткинсу, что „партію пока еще нельзя считать совсѣмъ проигранной“.

— Весьма возможно, — твердилъ онъ, — что капитанъ не сказалъ еще своего послѣдняго слова!

Но я уже зналъ, какъ мало можно вѣрить словамъ этого хвастуна, а потому, конечно, и не придавалъ никакого особеннаго значенія всѣмъ его увѣреніямъ, и потомъ я успѣлъ примириться съ отказомъ, и меня ни капельки не волновала мысль о скоромъ отъѣздѣ „Гальбрана“. Я заботился только о томъ, чтобы не пропустить появленія какого-нибудь другого судна въ открытомъ морѣ, вблизи Кергуэленъ.

— Еще недѣлька, другая, — говорилъ мнѣ мой хозяинъ, — и вы будете уже совершенно спокойны, мистеръ Джіорлингъ... Вы не услышите отказа, какъ отъ капитана Ленъ Гайя. Напротивъ, многіе будутъ даже очень рады...

— Разумѣется, Аткинсъ, но не забывайте одного, что большинство судовъ, являющихся на рыбную ловлю у береговъ Кергуэленъ, пробываютъ здѣсь пять, шесть мѣсяцевъ, и, если мнѣ придется ждать здѣсь столько времени до тѣхъ поръ, пока они тронутся въ обратный путь...

— Не всѣ, мистеръ Джіорлингъ, не всѣ!.. Есть такія суда, которыя только заходятъ въ Кристмасъ-Гарборъ... Случай скоро представится, и вамъ, повѣрьте, нечего будетъ жалѣть, что не удалось попасть на „Гальбранъ“...

— Не знаю, буду я объ этомъ жалѣть или нѣтъ, но я почему-то убѣжденъ, что самой судьбой мнѣ предназначено уѣхать отсюда пассажиромъ голета и принять участіе въ одномъ изъ самыхъ странныхъ приключеній, о которыхъ только говорилось въ морскихъ лѣтописяхъ.

Вечеромъ 14 августа, около половины восьмого, когда ночь окутывала уже островъ, я бродилъ послѣ обѣда по пристани на сѣверной сторонѣ бухты. Погода стояла сухая, небо сіяло звѣздами, воздухъ былъ свѣжій, морозъ хваталъ за лицо. При такихъ условіяхъ прогулка не могла продолжаться, конечно, очень долго.

Приблизительно черезъ полчаса я уже шелъ по направленію къ „Зеленому Баклану“, какъ вдругъ навстрѣчу мнѣ попался какой-то человѣкъ — прошелъ мимо меня, потомъ опять вернулся и остановился передо мной.

...Лодка перевезла насъ обоихъ къ голету... (Стр. 31.)

Ночь была довольно-таки темна, и я не сразу могъ разсмотрѣть лицо незнакомца. Но по его голосу, по его характерному шопоту я въ ту же минуту узналъ его. Передо мной стоялъ капитанъ Ленъ Гай.

— Мистеръ Джіорлингъ, — сказалъ онъ мнѣ, — завтра „Гальбранъ“ распуститъ паруса... завтра утромъ... съ приливомъ...

— Къ чему вы мнѣ это сообщаете, — возразилъ я, — разъ вы отказываетесь...

— Сэръ... я обсудилъ вашу просьбу и, если вы еще не раздумали будьте на голетѣ въ семь часовъ...

— Вотъ такъ штука, капитанъ! — отвѣчалъ я. — Я вовсе не ожидалъ ничего подобнаго съ вашей стороны...

— Я передумалъ, повторяю вамъ, и прибавлю еще, что „Гальбранъ“ будетъ держать курсъ прямо на Тристанъ-д'Акунью. Надѣюсь, это для васъ удобно?.

— Въ высшей степени, капитанъ! Завтра утромъ, въ семь часовъ, я буду на голетѣ...

— Ваша каюта уже совсѣмъ готова.

— Что касается платы за проѣздъ... — сказалъ я.

— Мы поговоримъ объ этомъ потомъ, — перебилъ капитанъ Ленъ Гай, — и, надѣюсь, вамъ не придется очень торговаться со мной... Итакъ, до завтра...

— До завтра.

Рука моя протянулась къ этому странному человѣку для того, чтобы скрѣпить нашъ договоръ. Вѣроятно, темнота помѣшала ему видѣть этотъ жестъ, потому что онъ на него не отвѣчалъ и, удалившись быстрыми шагами, направился къ своей лодкѣ, которая доставила его на голетъ въ нѣсколько ударовъ веселъ.

Я былъ очень удивленъ и въ такое же изумленіе привелъ и мастера Аткинса, когдя, войда въ залу „Зеленаго Баклана“, сообщилъ ему это извѣстіе.

— Да, — отвѣчалъ онъ мнѣ, — эта старая лисица Герлигерли положительно былъ правъ!.. Оказывается, что его чортовъ капитанъ еще капризнѣе, чѣмъ дурно воспитанная дѣвушка!.. Лишь бы только онъ не измѣнилъ своихъ мыслей въ самый моментъ отъѣзда!..

Бояться этого было, конечно, нечего, и мнѣ даже казалось, что капитанъ изъявилъ свое согласіе вовсе не подъ вліяніемъ фантазіи или каприза. Если капитанъ Ленъ Гай нашелъ возможнымъ измѣнить свое рѣшеніе, значитъ, онъ преслѣдовалъ какую-нибудь цѣль, давая согласіе принять меня пассажиромъ. По моему мнѣнію, эта перемѣна зависѣла — мнѣ почему-то именно такъ и казалось — отъ того, что я ему сказалъ, что не только уроженецъ Коннектикута, но также хорошо знаю и островъ Нантукетъ. Разрѣшеніе этого вопроса я рѣшилъ отложить до другого, болѣе удобнаго времени.

Я быстро покончилъ со сборами въ дорогу, можетъ-быть, впрочемъ потому, что по натурѣ своей я принадлежу къ числу тѣхъ практическихъ путешественниковъ, которые никогда не обременяютъ себя излишнимъ багажомъ и могли бы сдѣлать кругосвѣтное путешествіе съ сумкой черезъ плечо и маленькимъ чемоданчикомъ въ рукѣ. Самыми громоздкими предметами были мѣховыя одежды, запастись которыми безусловно необходимо тому, кто совершаетъ плаваніе въ очень высокихъ широтахъ.

На слѣдующій день, 15-го августа, я еще задолго до разсвѣта простился съ честнымъ и достойнымъ Аткинсомъ. Я не могъ нахвалиться услужливостью и вниманіемъ моего соотечественника, изгнавшаго себя на эти острова „Отчаянія“, гдѣ онъ самъ и вся его семья, въ сущности, жили счастливо. Услужливый трактирщикъ, видимо, былъ очень тронутъ моей благодарностью. Заботясь обо мнѣ, онъ торопилъ меня переѣздомъ на судно, все еще боясь — какъ онъ выразился — какъ бы капитанъ Ленъ

Гай не измѣнилъ галса со вчерашняго вечера. Онъ даже настойчиво повторилъ мнѣ это нѣсколько разъ и признался, что ночью нѣсколько разъ подходилъ къ окну, чтобы удостовѣриться, что „Гальбранъ“ все еще стоитъ на якорѣ среди Кристмасъ-Гарбора. Онъ отдѣлался отъ этого чувства безпокойства, которое я и не думалъ раздѣлять, только тогда, когда занялась заря.

Мастеръ Аткинсъ пожелалъ сопровождать меня на судно для того, чтобы попрощаться съ капитановъ Ленъ Гайемъ и боцманомъ. У пристани ждала лодка, которая перевезла насъ обоихъ къ голету, уже повернувшемуся вокругъ своего якоря, вслѣдствіе начавшагося прилива.

Первое лицо, встрѣченное мною на палубѣ, былъ Герлигерли. Онъ кинулъ мнѣ побѣдоносный взглядъ. Это было такъ же ясно, какъ если бы онъ мнѣ сказалъ:

— Гэ! вотъ видите!.. Нашъ на взглядъ такой несговорчивый капитанъ кончилъ тѣмъ, что согласился и принялъ васъ... А кому другому вы этимъ обязаны, если не добряку-боцману, который служилъ вамъ, какъ только могъ, и не даромъ хвастался своимъ вліяніемъ!

Такъ ли оно было на самомъ дѣлѣ?.. У меня были довольно серьезныя причины на то, чтобы не придавать этому особеннаго значенія. А, впрочемъ, не все ли мнѣ равно?.. Самое главное для меня — я ѣду! „Гальбранъ“ готовился поднимать якорь, и я былъ на палубѣ!

Капитанъ Ленъ Гай почти тотчасъ же показался на палубѣ. Я нисколько не удивился тому, что онъ, повидимому, даже и не замѣчаетъ моего присутствія.

Приготовленія къ поднятію якоря были уже начаты, паруса вытащены изъ чехловъ, снасти вытянуты, фалы и шкоты убраны. Лейтенантъ, стоя на носу, наблюдалъ за движеніемъ шпиля.

Мастеръ Аткинсъ подошелъ къ капитану Ленъ Гайю и проговорилъ ласково:

— До будущаго года.

— Если Богу будетъ угодно, мастеръ Аткинсъ!

Они пожали другъ другу руки; потомъ боцманъ, въ свою очередь, подошелъ пожать руку хозяина „Зеленаго Баклана“, котораго затѣмъ лодка отвезла обратно на пристань.

Въ восемь часовъ, какъ только приливъ значительно усилился, „Гальбранъ“ распустилъ нижніе паруса, сдѣлалъ поворотъ для того, чтобы спуститься внизъ по бухтѣ Кристмасъ-Гарбора подъ небольшимъ сѣвернымъ вѣткомъ, и, выйдя затѣмъ въ открытое море, взялъ курсъ на нордъ-вестъ.

Къ вечеру исчезли въ туманной дали бѣлыя вершины Тэбль-Моунта и Гавергэля, острыя верхушки, возвышающіяся одна на двѣ, другая на три тысячи футовъ надъ уровнемъ моря.

ГЛАВА IV.

Отъ острововъ Кергуэленъ до острововъ Принца Эдуарда.

Не многимъ, я думаю, удавалось начинать путешествіе при условіяхъ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ это выпало на мою долю! По какой-то необъяснимой случайности, вмѣсто того, чтобы ждать еще нѣсколько недѣль въ Кристмасъ-Гарборѣ, если бы не измѣнилъ своего рѣшенія капитанъ Ленъ Гай, я стоялъ на палубѣ шкуны, и свѣжій попутный вѣтерокъ, надувая паруса, быстро мчалъ насъ по слегка бурлившей поверхности океана со скоростью отъ восьми до девяти миль въ часъ.

Внутренность „Гальбрана“ вполнѣ соотвѣтствовала его наружности. Примѣрный порядокъ и образцовая чистота, точно на голландскомъ галіотѣ, какъ въ рубкѣ, такъ и на кубрикѣ. Впереди шканцевъ, на бакбортѣ, помѣщалась каюта капитана Ленъ Гайя, который чрезъ опускную стеклянную раму могъ наблюдать за тѣмъ, что дѣлалось на палубѣ и, въ случаѣ надобности, отдавать приказанія вахтеннымъ, находившимся между гротъ и фокъ-мачтами. На штирбортѣ точно такое же пространство занимала каюта лейтенанта. Меблировка обѣихъ каютъ была совершенно одинакова: узкая койка, шкапъ средней величины, мягкое кресло, столъ наглухо прикрѣпленный къ полу, лампа, спеціально приспособленная къ боковой качкѣ и висѣвшая какъ разъ надъ столомъ, различные астрономическіе инструменты, барометръ, ртутный термометръ, хронометръ, секстанъ, хранившійся въ особомъ ящикѣ изъ дубоваго дерева и появлявшійся оттуда только тогда, когда капитанъ занимался астрономическими наблюденіями.

Двѣ остальныя каюты были расположены позади рубки, среди которой стоялъ большой обѣденный столъ, между двумя рядами деревянныхъ скамеекъ съ подвижными спинками.

Одну изъ этихъ каютъ капитанъ предоставилъ въ мое единоличное распоряженіе. Она освѣщалась двумя иллюминаторами — окнами, выходившими — одно въ узкій проходъ, сбоку рубки, а другое — на корму. Въ этомъ мѣстѣ стоялъ рулевой передъ штурваломъ, надъ которымъ проходилъ гикъ косого грота, тянувшійся на нѣсколько футовъ за гакабортъ, — послѣднее дѣлало „Гальбранъ“ отличнымъ ходокомъ.

Моя каюта была, въ сущности, не велика: восемь футовъ въ длину и пять въ ширину. Но за время своихъ путешествій я отлично привыкъ мириться съ такими неудобствами, и мнѣ большаго и не требовалось. Точно такъ же вполнѣ удовлетворяла меня и меблировка: столъ, шкапъ, камышевое кресло, туалетный столъ на желѣзной ножкѣ, койка, жидкій матрацъ, который, по всей вѣроятности, показался бы очень плохимъ менѣе покладистому пассажиру. Впрочемъ, я разсчитывалъ, что первая часть моего путешествія продолжится очень недолго, потому что „Гальбранъ“ долженъ былъ высадить меня въ Тристанъ д'Акуньѣ. Какъ бы тамъ ни было, а только я съ удовольствіемъ вступилъ во владѣніе своей каютой, которую, къ тому же, долженъ былъ занимать въ теченіе всего какихъ-нибудь четырехъ-пяти недѣль.

Впереди фокъ-мачты, помѣщенной довольно близко къ центру, — что увеличивало парусность фокъ-стакселя, — помѣщалась кухня. Далѣе откры-

вался люкъ, подбитый толстымъ брезентомъ, чрезъ который по лѣстницѣ можно было проникнуть на кубрикъ и въ междудечное пространство. Въ дурную погоду люкъ этотъ герметически закрывали и кубрикъ дѣлался недоступенъ морскимъ волнамъ, разбивавшимся о борты голета.

Матросовъ, какъ я уже говорилъ, было всего восемь человѣкъ: Мартинъ Гольтъ—парусный старшина, Гарди—старшій конопатчикъ; затѣмъ Роджерсъ, Дрэпъ, Фрэнсисъ, Граціанъ, Бёрри и Стэрнъ, такъ сказать, простые матросы, въ возрастѣ отъ двадцати пяти до тридцати пяти лѣтъ, все англичане съ береговъ Ламанша и канала Св. Георгія; всѣ они были бравые молодцы, отлично знавшіе свое дѣло и притомъ слѣпо повиновавшіеся суровымъ требованіямъ дисциплины.

Тутъ я долженъ прежде всего замѣтить, что всѣхъ этихъ людей держала въ тискахъ дисциплины вовсе не желѣзная рука капитана, а воля другого человѣка, которому всѣ повиновались безпрекословно. Да, это былъ не капитанъ „Гальбрана“, а его помощникъ лейтенантъ Джимъ Вестъ, человѣкъ приблизительно лѣтъ тридцати, тридцати-двухъ.

За все время моихъ путешествій по всѣмъ океанамъ ни разу въ своей жизни не встрѣчалъ я человѣка съ такимъ твердо сложившимся характеромъ. Джимъ Вестъ родился на морѣ и провелъ все свое дѣтство на габарѣ, хозяиномъ которой былъ его отецъ и на которой жила вся его семья. Съ самаго ранняго дѣтства онъ никогда не дышалъ другимъ воздухомъ, кромѣ соленаго воздуха Ламанша и Атлантическаго или Тихаго океановъ. Во время стоянокъ на якорѣ онъ съѣзжалъ на берегъ не иначе, какъ по дѣламъ службы. Если онъ переходилъ на службу съ одного судна на другое, онъ перевозилъ на него свой парусиновый мѣшокъ, и затѣмъ также крѣпко привязывался къ новому судну и уже не покидалъ его безъ крайней необходимости. Земли онъ почти не зналъ и не понималъ, какъ можно стремиться съ палубы на берегъ. Морякъ въ душѣ, онъ не признавалъ другой жизни, какъ только на морѣ. Если онъ не находился въ плаваніи въ дѣйствительности, то плавалъ воображеніемъ. Онъ началъ службу юнгой, затѣмъ поступилъ въ военный флотъ матросомъ, сдѣлался сначала квартирмейстеромъ, потомъ боцманомъ и, наконецъ, лейтенантомъ на „Гальбранѣ“ и съ той поры уже цѣлыя десять лѣтъ онъ исполнялъ обязанности помощника капитана Ленъ Гайя.

Джимъ Вестъ въ душѣ никогда даже и не мечталъ о повышеніи; онъ не искалъ случая разбогатѣть и не занимался ни покупкой ни продажей товаровъ. Впрочемъ, онъ ничего не имѣлъ противъ нагрузки судна и считалъ это даже дѣломъ очень важнымъ, потому что хорошо нагруженное судно лучше сидитъ въ водѣ и легче несетъ свою парусность. Затѣмъ во всемъ, что касалось его профессіи, онъ, по моему мнѣнію, положительно не имѣлъ соперниковъ. Никто лучше его не сумѣлъ бы вытянуть бѣгучій такелажъ, какъ никто не сумѣлъ бы такъ же хорошо утилизировать парусную энергію, командовать кораблемъ во время бури или маневровъ, сняться съ якоря или стать на якорь, опредѣлить съ математическою точностью долготу и широту и, вообще, распорядиться всѣмъ, что касалось того чуднаго аппарата, какимъ является парусный корабль. Во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ Джимъ Вестъ стоялъ внѣ конкурса и не могъ итти въ сравненіе съ кѣмъ-нибудь другимъ.

А вотъ и болѣе или менѣе подробное описаніе наружности лейтенанта: средняго роста, худощавый, весь изъ нервовъ и мышцъ, сильный, отличный гимнастъ; его глаза моряка умѣли одинаково хорошо видѣть и при яркомъ солнечномъ свѣтѣ и пронизывать ночной мракъ; сильно загорѣлое, почти бронзоваго цвѣта лицо, густые волосы на головѣ и гладко выбритый подбородокъ и щеки, правильныя черты лица, — въ общемъ, одна изъ тѣхъ физіономій, которыя поражаютъ васъ съ перваго взгляда необыкновенной энергіей, отвагой и страшной физической силой.

Джимъ Вестъ говорилъ мало, и то только тогда, когда его спрашивали. Онъ отдавалъ приказанія голосомъ звучнымъ, отчетливо произнося каждое слово и, видимо, старался командовать такъ, чтобы его понимали сразу. И матросы его понимали.

Я позволю себѣ обратить особенное вниманіе читателя на этого офицера коммерческаго флота, душой и тѣломъ преданнаго капитану Ленъ Гайю и голету „Гальбранъ“. Можно было подумать, что лейтенантъ составлялъ неотъемлемую часть голета „Гальбранъ“ и что это соединеніе въ одно цѣлое дерева, желѣза, парусины, мѣди и пеньки получало отъ него свою жизненную мощь, точно существовало полное отождествленіе между судномъ, построеннымъ человѣческими руками, и Джимомъ Вестомъ, созданнымъ Богомъ... Если у „Гальбрана“ и было сердце, то это сердце билось въ груди Джима Веста.

Въ заключеніе мнѣ остается упомянуть еще объ одной личности, которая исполняла обязанности повара, или *кока*; это былъ негръ съ африканскаго берега, по имени Эндикоттъ, лѣтъ тридцати отъ роду и уже лѣтъ десять состоявшій на службѣ подъ командой капитана Ленъ Гайя. Боцманъ и негръ прекрасно понимали другъ друга и очень часто бесѣдовали подолгу, какъ добрые товарищи. Здѣсь я, кстати, долженъ замѣтить, что Герлигерли считалъ себя, между прочимъ, великимъ знатокомъ въ кулинарномъ искусствѣ и увѣрялъ, что ему извѣстно не мало рецептовъ различныхъ лакомыхъ блюдъ. Эндикоттъ иногда поддавался соблазну — ужъ очень хорошо умѣлъ разсказывать боцманъ — и готовилъ какое-нибудь особенно рекомендуемое имъ блюдо, но посѣтители большой столовой почти и вниманія не обращали на то, чѣмъ ихъ угощалъ корабельный кокъ.

Отплытіе „Гальбрана“ произошло при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Холодъ, правда, былъ еще очень силенъ, потому что въ южномъ полушаріи, подъ сорокъ восьмой параллелью, въ августѣ зима все еще продолжаетъ держать въ оковахъ эту часть Тихаго океана; но зато море было прекрасно, и попутный вѣтеръ непрестанно дулъ съ остъ-зюйдъ-остъ. Если такая погода продержится еще нѣсколько дней, въ чемъ не было ничего невозможнаго и что къ тому же было очень желательно, намъ не придется даже мѣнять галсовъ, а только осторожно ослаблять шкоты для того, чтобы подняться до траверса Тристанъ-д'Акуньи.

На голетѣ жизнь шла правильно, по разъ заведенному порядку, очень просто и — что особенно важно на морѣ — однообразно, хотя это и имѣло свою прелесть. Плаваніе при такихъ условіяхъ даетъ возможность отдохнуть и успокоиться послѣ сутолки береговой жизни — и я не жаловался на свою судьбу. Подъ ритмическое покачиваніе голета на

спокойныхъ волнахъ не дремало, можетъ-быть, только одно мое любопытство и мнѣ, признаюсь, очень хотѣлось бы узнать, почему измѣнилъ капитанъ Ленъ Гай свое первоначальное рѣшеніе по отношенію меня?.. Разспрашивать объ этомъ лейтенанта было бы, конечно, напрасной тратой времени. Да, кромѣ того, являлся еще вопросъ, былъ ли онъ посвященъ во всѣ тайны своего начальника?.. Это вѣдь не касалось непосредственно его службы, а какъ я уже успѣлъ замѣтить, онъ не интересовался ничѣмъ, что не входило въ кругъ его служебныхъ обязанностей... Но если даже онъ и посвященъ во всѣ тайны, многое ли удастся мнѣ узнать изъ односложныхъ отвѣтовъ Джима Веста?.. Встрѣчаясь за столомъ два раза въ день, за обѣдомъ и за ужиномъ, мы не обмѣнивались и десятью словами. Но если на меня не обращалъ никакого вниманія лейтенантъ, зато я частенько замѣчалъ пристально устремленный на меня взоръ капитана Ленъ Гайя... Повидимому, ему очень хотѣлось о чемъ-то разспросить меня, что-то разузнать чрезъ меня, а я, съ своей стороны, таилъ въ себѣ тѣ же намѣренія относительно его... Но пока ни та ни другая сторона не заговаривала и, такъ сказать, выжидала удобнаго момента для нападенія.

Впрочемъ, если бы меня снѣдала охота поговорить,—мнѣ стоило бы только обратиться къ боцману. Этотъ субъектъ всегда радъ былъ случаю дать работу своему языку! Но при всей его страсти поболтать, что могъ бы онъ сказать мнѣ интереснаго? Несмотря на мое желаніе молчать и выжидать, онъ не пропускалъ ни одного дня, чтобы не пожелать мнѣ добраго утра или вечера въ самыхъ цвѣтистыхъ фразахъ и съ обычнымъ подмигиваніемъ... Доволенъ ли я жизнью на голетѣ?.. Хорошо ли меня кормятъ?.. Можетъ-быть, мнѣ угодно заказать для себя какое-нибудь особенное блюдо этому черномазому Эндикотту?..

— Благодарю васъ, Герлигерли, — отвѣтилъ я ему однажды. — Я умѣю довольствоваться и самыми обыкновенными кушаньями. Они вполнѣ по моему вкусу... меня угощали не лучше даже у вашего друга, хозяина „Зеленаго Баклана“!

— Ахъ! этотъ чортъ Аткинсъ!.. А впрочемъ, прекрасный человѣкъ!

— Я думаю точно такъ же!

— Неужели вамъ не кажется страннымъ, мистеръ Джіорлингъ, что онъ, американецъ, добровольно согласился уѣхать въ ссылку на Кергуэлены со всею семьей?..

— А почему бы и нѣтъ?..

— И что онъ тамъ счастливъ?

— Это уже не такъ глупо, боцманъ!

— Все равно! Если бы Аткинсъ предложилъ мнѣ помѣняться съ нимъ, повѣрьте, я далеко не любезно принялъ бы его предложеніе, потому что нахожу свою жизнь пріятной.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю, Герлигерли.

— Э! да знаете ли вы, мистеръ Джіорлингъ, что человѣкъ, которому удалось перенести свой мѣшокъ на судно въ родѣ „Гальбрана“, воспользовался такимъ случаемъ, который не повторяется два раза въ жизни!.. Нашъ капитанъ не любитъ много говорить, это правда, а нашъ лейтенантъ и совсѣмъ неохотно треплетъ языкомъ безъ дѣла...

— Я это замѣтилъ, — перебилъ я.

— Все равно, мистеръ Джіорлингъ, они оба настоящіе моряки, повѣрьте моему слову! Вы пожалѣете о нихъ, когда высадитесь въ Тристанѣ...

— Я очень радъ слышать это отъ васъ, боцманъ.

— И замѣтьте, что это случится очень скоро, благодаря этому вѣтру съ зюйдъ-оста, который дуетъ прямо въ корму, и благодаря этому спокойному морю, которое поднимается только тогда, когда кашалоты и киты пожелаютъ всколыхнуть его снизу. Вотъ вы увидите, мистеръ Джіорлингъ, мы не потратимъ и десяти дней на то, чтобы проѣхать тысячу триста миль, отдѣляющія Кергуэлены отъ острововъ Принца Эдуарда, а затѣмъ не больше двухъ недѣль на то, чтобы проѣхать двѣ тысячи триста миль отъ острововъ Принца Эдуарда до Тристанъ-д'Акуньи!

— Не слѣдуетъ быть такимъ самоувѣреннымъ, боцманъ. Не забывайте, что погода можетъ легко перемѣниться, а кто хочетъ лгать, пусть займется предсказаніемъ погоды... Это старая морская поговорка, которую не мѣшаетъ всегда помнить.

Но, несмотря ни на что, погода все время продолжала стоять хорошая. Благодаря этому, 18-го августа, послѣ полудня, часовые дали знать о появленіи впереди слѣва, подъ 42°59′ южной широты и 47° восточной долготы, группы острововъ Крозэ, вершины которыхъ поднимаются на шестьсотъ-семьсотъ туазовъ надъ уровнемъ моря.

На слѣдующій день мы оставили направо острова Поссессіонъ и Швейне, посѣщаемые только въ рыбный сезонъ. Единственными обитателями ихъ, въ это время года, бываютъ только птицы, стаи пингвиновъ и чіонисы, которыхъ китоловы, за манеру летать, прозвали „бѣлыми голубями“. Во все время, пока мы проходили мимо острововъ Крозэ, я не сходилъ съ палубы и любовался, какъ съ ледниковой поверхности горъ потоками сбѣгала вода къ морю, образуя на своемъ пути красивые водопады. Затѣмъ все слилось въ туманной дали, проведенной на линіи горизонта, которою закруглялись снѣжные куполы группы острововъ.

Приближеніе къ землѣ всегда нарушаетъ обычное теченіе жизни на кораблѣ и является почти цѣлымъ событіемъ. Мнѣ почему-то пришла въ голову мысль, что капитану Ленъ Гайю представлялся здѣсь удобный случай нарушить молчаніе и вступить въ разговоръ со своимъ пассажиромъ... Но онъ этого не сдѣлалъ.

Если исполнится предсказаніе боцмана, то не пройдетъ и трехъ дней, какъ на нордъ-вестѣ будутъ замѣчены пики острова Маріона и острова Принца Эдуарда. Впрочемъ, какъ говорилъ мнѣ боцманъ, капитанъ не имѣлъ въ виду заходить туда. „Гальбранъ“ долженъ былъ возобновить запасъ свѣжей воды въ Тристанъ д'Акуньѣ.

Поэтому я началъ думать, что довольно-таки однообразное теченіе жизни на голетѣ не будетъ нарушено во все время плаванія никакимъ выдающимся событіемъ... Но, какъ оказалось потомъ, я ошибся. Утромъ 20-го августа — въ это время Джимъ Вестъ стоялъ на вахтѣ послѣ перваго наблюденія часового угла — капитанъ Ленъ Гай, къ моему крайнему удивленію, поднялся на палубу, прошелъ по одному изъ узкихъ проходовъ сбоку рубки и остановился на кормѣ передъ нактоузомъ, на циферблатъ котораго онъ взглянулъ скорѣй по привычкѣ, чѣмъ по необходимости.

Я сидѣлъ возлѣ гакаборта, а потому, можетъ-быть, даже и не былъ замѣченъ капитаномъ... Такъ ли оно было на самомъ дѣлѣ или нѣтъ, этого я навѣрное не знаю, и могу съ увѣренностью сказать только, что мое присутствіе не привлекло его вниманія.

Я, съ своей стороны, тоже твердо рѣшилъ интересоваться имъ ровно столько же, сколько интересовался онъ мной, и, облокотившись на снасть, спокойно стоялъ на своемъ мѣстѣ.

Капитанъ Ленъ Гай сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по палубѣ, перегнулся черезъ бортъ, поглядѣлъ на длинную струю, тащившуюся за кормой и по виду очень похожую на бѣлую кружевную ленту...

Здѣсь, если бы онъ началъ говорить, его могъ бы подслушать только одинъ человѣкъ — рулевой, матросъ Стэрнъ, который, положивъ руки на ручки колеса, удерживалъ „Гальбранъ“ и не позволялъ ему рыскать изъ стороны въ сторону.

Впрочемъ, насколько я могъ замѣтить, капитанъ Ленъ Гай, повидимому, вовсе этого не боялся, потому что смѣло подошелъ ко мнѣ и своимъ шепчущимъ голосомъ проговорилъ:

— Сэръ... мнѣ надо бы поговорить съ вами...

— Я васъ слушаю, капитанъ.

— Я не дѣлалъ этого до сихъ поръ... потому что отъ природы неразговорчивъ... признаюсь... И потомъ... можетъ-быть, вамъ покажется неинтереснымъ самый предметъ разговора...

— Вы совершенно напрасно такъ думаете, — возразилъ я, — бесѣда съ вами не можетъ быть неинтересной для меня.

Мнѣ кажется, что онъ не нашелъ ничего ироническаго въ этомъ отвѣтѣ, или, по крайней мѣрѣ, не выказалъ этого.

— Я васъ слушаю, — добавилъ я.

Капитанъ Ленъ Гай видимо колебался и былъ похожъ на человѣка, который, собравшись сдѣлать очень важное признаніе, вдругъ пугается и думаетъ, не лучше ли ему повременить пока и помолчать.

— Мистеръ Джіорлингъ, — спросилъ онъ, — не приходилъ ли вамъ въ голову вопросъ, почему я измѣнилъ свое рѣшеніе относительно вашего отъѣзда?..

— Конечно, да... И я довольно долго искалъ объясненія причины и не нашелъ, капитанъ. Можетъ-быть, вы, какъ англичанинъ... имѣя дѣло не съ соотечественникомъ... вамъ не хотѣлось...

— Мистеръ Джіорлингъ, я, въ концѣ концовъ, согласился принять васъ пассажиромъ на „Гальбранъ“ именно только потому, что вы американецъ, а не англичанинъ...

— Потому что я американецъ?.. — отвѣчалъ я, сильно удивленный этимъ признаніемъ.

— А затѣмъ... еще и потому, что вы изъ Коннектикута...

— Я, признаюсь вамъ, теперь уже совсѣмъ не понимаю...

— Вы поймете, если я прибавлю, что мнѣ пришло въ голову, что разъ вы изъ Коннектикута и бывали на островѣ Нантукетъ, то весьма возможно, что вы знавали семейство Артура Гордона Пима...

— Этого героя, удивительныя приключенія котораго такъ талантливо описалъ нашъ знаменитый романистъ Эдгаръ Поэ?..

— Да, сэръ... Эдгаръ Поэ писалъ свой разсказъ по рукописи, въ которой были изложены всѣ подробности этого необычайнаго и несчастнаго путешествія по антарктическому морю!

Одну минуту мнѣ пришло было въ голову, что я вижу все это во снѣ, — такъ удивило меня то, что говорилъ капитанъ Ленъ Гай!.. Да неужели же онъ вѣрилъ въ существованіе рукописи Артура Пима?.. Но вѣдь сюжетъ романа Эдгара Поэ фантастическій, хотя самый романъ и написанъ восхитительно однимъ изъ самыхъ знаменитыхъ нашихъ американскихъ писателей!.. И вотъ вдругъ вполнѣ разумный человѣкъ принимаетъ этотъ плодъ фантазіи писателя за дѣйствительность!..

Я молча смотрѣлъ на капитана изумленными глазами и въ то же время невольно спрашивалъ себя, ужъ не сумасшедшій ли онъ?

— Вы слышали мой вопросъ?.. — продолжалъ капитанъ Ленъ Гай настойчиво.

— Да... конечно... капитанъ... конечно... и я не знаю, такъ ли я понялъ?..

— Я повторю его еще разъ въ болѣе ясныхъ выраженіяхъ, мистеръ Джіорлингъ, потому что очень хочу услышать отъ васъ опредѣленный отвѣтъ.

— Я буду очень радъ, если это мнѣ удастся.

— Итакъ, я спрашиваю васъ, знавали ли вы лично въ Коннектикутѣ семейство Пимовъ, жившее на островѣ Нантукетѣ и состоявшее въ родствѣ съ однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ атторнеевъ въ государствѣ? Отецъ Артура Пима, поставщикъ морского вѣдомства, считался однимъ изъ главныхъ негоціантовъ на островѣ. Его-то сынъ и попалъ въ водоворотъ тѣхъ приключеній, описаніе которыхъ Эдгаръ Поэ слышалъ изъ его собственныхъ устъ...

— Оно могло быть еще страннѣе, капитанъ, потому что вся эта исторія создалась въ могучемъ воображеніи нашего великаго поэта... Это чистый вымыселъ...

— Чистый вымыселъ!..

И произнеся эти, слова капитанъ Ленъ Гай, пожавъ плечами, сдѣлалъ изъ каждаго слова ноту восходящей гаммы.

— Итакъ, — продолжалъ онъ, — вы не вѣрите, мистеръ Джіорлингъ...

— Спросите, кого хотите, и всѣ вамъ отвѣтятъ то же самое, капитанъ Гай. Вы первый, отъ кого я слышу, что это совсѣмъ не простой романъ...

— Ну, такъ выслушайте же меня, мистеръ Джіорлингъ, потому что, если этотъ романъ — какъ вы его называете — и появился только въ прошломъ году, онъ тѣмъ не менѣе сама дѣйствительность! Несмотря на то, что прошло уже цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ съ той поры, какъ произошли событія, о которыхъ разсказывается въ этомъ романѣ, тѣмъ не менѣе они совершенно правдивы, и загадка все еще остается нерѣшенной, да, можетъ-быть, и не будетъ никогда отгадана!..

Этотъ капитанъ Ленъ Гай положительно сумасшедшій и находится подъ вліяніемъ припадка, затемняющаго его умственныя способности!... Къ счастью, если онъ даже и лишился разсудка, Джимъ Вестъ могъ безъ всякихъ затрудненій замѣнить его и самостоятельно командовать голетомъ! Впрочемъ, мнѣ оставалось только его слушать, а такъ какъ

я зналъ романъ Эдгара Поэ, потому что не только читалъ его, но даже нѣсколько разъ перечитывалъ, то мнѣ даже любопытно было узнать, что скажетъ о немъ несчастный капитанъ.

— Ну, что же, мистеръ Джіорлингъ, — продолжалъ онъ болѣе рѣзкимъ тономъ съ дрожаніемъ въ голосѣ, указывавшимъ на нѣкоторое нервное раздраженіе, — вы и теперь еще будете увѣрять, что не знавали семейство Пимовъ, не встрѣчали ихъ ни въ Провиденсѣ ни на Нантукетѣ?..

— И нигдѣ въ другомъ мѣстѣ,—отвѣчалъ я.

— Пусть такъ! Но только не говорите такъ увѣренно, что семейство это не существовало, что Артуръ Гордонъ Пимъ миѳъ, что его путешествіе просто-напросто выдумано Эдгаромъ Поэ!.. Да!.. остерегайтесь этого точно такъ же, какъ и отрицанія догматовъ нашей святой религіи!.. Можно ли допустить, чтобы человѣкъ, — хотя бы то былъ и самъ вашъ Эдгаръ Поэ, — былъ въ состояніи вообразить, выдумать, создать...

Въ виду все усиливавшагося волненія капитана Ленъ Гайя, я рѣшилъ не раздражать его противорѣчіями и слушалъ, не перебивая его ни однимъ словомъ.

— Теперь, сэръ, — продолжалъ онъ, — запомните хорошенько факты, которые я вамъ сейчасъ приведу... Они убѣдительны, а факты, какъ вамъ извѣстно, нельзя оспаривать. Вы можете думать все, что вамъ угодно, но, надѣюсь, вы не заставите меня пожалѣть о томъ, что я согласился взять васъ пассажиромъ на „Гальбранъ“!

Я былъ предупрежденъ, предупрежденъ какъ слѣдуетъ, и сдѣлалъ знакъ согласія. Факты... факты, созданные фантазіей полуразстроеннаго мозга?... Это обѣщало быть интереснымъ.

— Когда въ 1838 г. вышелъ въ свѣтъ разсказъ Эдгара Поэ, я находился въ Нью-Йоркѣ!..— продолжалъ капитанъ Ленъ Гай.— Я тотчасъ же отправился въ Балтиморъ, гдѣ жила семья писателя, дѣдушка котораго служилъ генералъ-квартирмейстеромъ во время войны за независимость. Вы допускаете, надѣюсь, существованіе семейства Поэ, хотя вы и отрицаете существованіе семейства Пимовъ?..

Я молчалъ, предпочитая не прерывать бреда моего собесѣдника.

— Я разузналъ, — продолжалъ онъ, — нѣкоторыя подробности о жизни Эдгара Поэ... Мнѣ указали его домъ... Я отправился къ нему... Первое разочарованіе: оказалось, что онъ уѣхалъ изъ Америки, и я не могъ его видѣть!..

Я подумалъ, что это, и въ самомъ дѣлѣ, было весьма печально, потому что, принимая въ соображеніе необыкновенную способность Эдгара Поэ изучать различные роды безумія, онъ могъ бы найти въ нашемъ капитанѣ одинъ изъ удачнѣйшихъ типовъ!

— Къ несчастью, — продолжалъ капитанъ Ленъ Гай, — я не только не могъ видѣть Эдгара Поэ, но не могъ также повидать и Артура Гордона Пима... Этотъ отважный піонеръ антарктическихъ странъ умеръ... какъ сообщалъ объ этомъ американскій писатель въ концѣ разсказа о его приключеніяхъ... О смерти Пима общество узнало изъ газетъ...

Капитанъ Ленъ Гай говорилъ правду, но я, какъ и всѣ читатели этого романа, былъ увѣренъ, что объявленіе о смерти Пима было не чѣмъ инымъ, какъ ловкой штукой романиста. По моему мнѣнію, не будучи въ состояніи или не смѣя дать развязку такому необычайному

плоду воображенія, авторъ умышленно объявилъ, что три послѣднія главы не были переданы ему Артуромъ Пимомъ, внезапно окончившимъ свое существованіе при весьма плачевныхъ обстоятельствахъ, которыхъ онъ, впрочемъ, не сообщалъ.

— Итакъ, — продолжалъ капитанъ Ленъ Гай, — Эдгаръ Поэ отсутствовалъ, Артуръ Пимъ умеръ, и мнѣ оставалось сдѣлать только одно: разыскать человѣка, который былъ спутникомъ во время путешествія Артура Пима, т. е. найти самого Деркa Питерса, слѣдовавшаго за нимъ до послѣдней завѣсы высокихъ широтъ, и откуда оба они возвратились... Какимъ образомъ?... это никому неизвѣстно... Вопросъ еще въ томъ, одновременно ли и вмѣстѣ ли совершали Артуръ Пимъ и Деркъ Питерсъ обратное путешествіе?... Разсказъ не давалъ точныхъ объясненій на этотъ счетъ, и здѣсь, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, было далеко не все ясно. Впрочемъ, Эдгаръ Поэ увѣрялъ, что Деркъ Питерсъ будетъ въ состояніи сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія о томъ, что не попало въ записки Артура Пима, и при этомъ сообщалось, что онъ живетъ въ Иллинойсѣ. Я, не мѣшкая долго, отправился въ Иллинойсъ... прибылъ въ Спрингфильдъ... сталъ разспрашивать объ этомъ человѣкѣ, метисѣ индѣйскаго происхожденія... Онъ жилъ въ небольшомъ селеніи Вандаліи... я отправился туда...

— И, конечно, его тамъ не было?.. — перебилъ я улыбаясь.

— Второе разочарованіе: его тамъ не было, или, вѣрнѣе, его тамъ уже не было, мистеръ Джіорлингъ. Деркъ Питерсъ, какъ оказалось, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ покинулъ Иллинойсъ и даже Соединенные штаты и отправился... неизвѣстно куда. Но я говорилъ въ Вандаліи съ людьми, знавшими его, у которыхъ онъ жилъ послѣднее время и которымъ разсказывалъ свои приключенія; при чемъ онъ ни разу не обмолвился ни однимъ лишнимъ словомъ объ интересовавшей меня развязкѣ, тайна которой находится въ рукахъ у него одного!

Что такое!.. этотъ Деркъ Питерсъ существовалъ и на самомъ дѣлѣ... и, можетъ-быть, даже еще живъ?.. Я готовъ попасться на удочку, такъ мастерски закинутую командиромъ „Гальбрана“!.. Да! еще одна минута, и я, въ свою очередь, готовъ былъ ему повѣрить!..

И такъ вотъ какая нелѣпая исторія занимала мозгъ несчастнаго капитана Ленъ Гайя!.. До какого, однако, состоянія умственнаго разстройства онъ дошелъ!.. Онъ вообразилъ себѣ даже, что совершилъ когда-то путешествіе въ Иллинойсъ, что видѣлъ въ Вандаліи людей, знавшихъ Деркa Питерса!.. А что затѣмъ эта личность исчезла... тоже вполнѣ понятно, если она существовала только въ воображеніи романиста!

Но я не хотѣлъ противорѣчить капитану Ленъ Гайю и вызывать вторичный припадокъ.

Вотъ почему я сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ всему, что онъ мнѣ говорилъ, даже послѣ того, какъ онъ добавилъ:

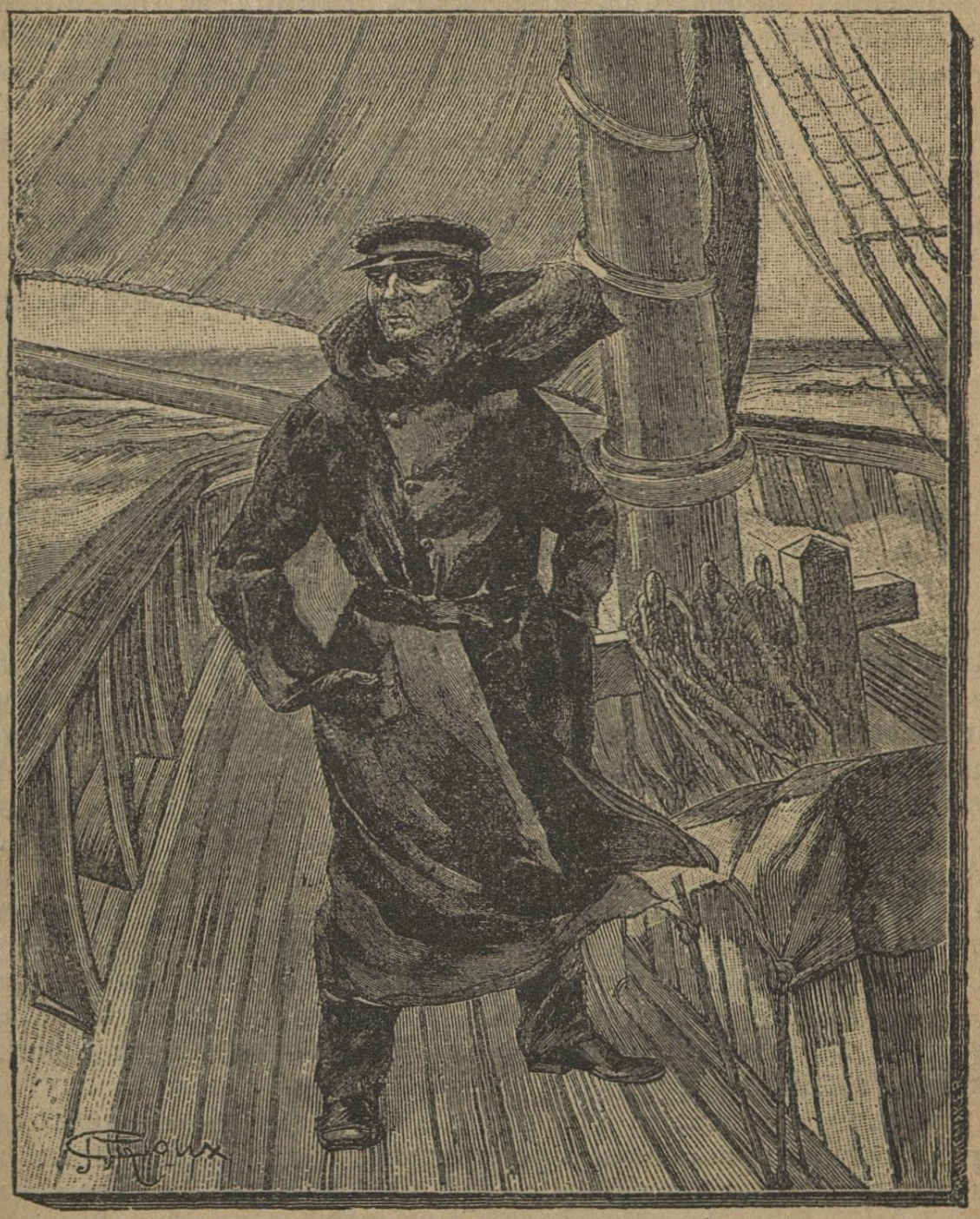
— Вамъ не безызвѣстно, мистеръ Джіорлингъ, что въ романѣ, между прочимъ, разсказывается о бутылкѣ, въ которую было вложено запечатанное письмо и которую капитанъ голета, на которомъ отплылъ Артуръ Пимъ, зарылъ у подошвы одного изъ пиковъ на Кергуэленахъ?..

— Да, въ романѣ говорится объ этомъ... — отвѣчалъ я.

— Ну, такъ вотъ, въ одно изъ моихъ послѣднихъ путешествій я искалъ мѣсто, гдѣ эта бутылка должна была находиться... Я нашелъ ее,

а въ ней и письмо... Въ письмѣ этомъ сообщалось, что капитанъ и его пассажиръ Артуръ Нимъ употребятъ всѣ усилія, чтобы достигнуть крайнихъ предѣловъ антарктическаго океана!..

— Вы нашли эту бутылку?.. — спросилъ я, сильно заинтересованный.



Лейтенантъ Джимъ Вестъ. (Стр. 33.)

— Да!

— И письмо... бывшее въ ней?..

— Да!

Я внимательно взглянулъ на капитана Ленъ Гайя... Онъ положительно дошелъ уже до того, что вѣрилъ, какъ и большинство помѣшавшихся на чемъ-нибудь одномъ, въ свои собственныя выдумки. Я хотѣлъ было сказать ему: покажите же мнѣ это письмо... но во-время одумался... Развѣ онъ не могъ написать его самъ?

И я отвѣтилъ ему:

— Право, очень жаль, капитанъ, что вы не могли встрѣтить Дерка Питерса въ Вандаліи!.. По крайней мѣрѣ, онъ сообщилъ бы вамъ, какимъ образомъ Артуръ Пимъ и онъ самъ вернулись изъ этой дали... Помните... въ предпослѣдней главѣ... оба они тамъ... передъ бѣлой туманной завѣсой... Лодка ихъ летитъ въ пучину водопада... въ ту минуту, когда передъ ними встаетъ закутанная человѣческая фигура... Потомъ, больше ничего... ничего, кромѣ двухъ линій, пересѣкающихся въ одной точкѣ...

— Повѣрьте, сэръ, я и самъ очень жалѣю, что не могъ найти Дерка Питерса!.. Интересно было бы узнать, чѣмъ закончились всѣ эти необыкновенныя приключенія! Но, мнѣ кажется, что для меня, пожалуй, было бы интереснѣе „узнать судьбу остальныхъ“...

— Остальныхъ?.. — вскричалъ я, забывая всякую осторожность.— О комъ вы говорите?..

— О капитанѣ и объ экипажѣ англійскаго голета, подобравшаго Артура Пима и Дерка Питерса послѣ ужаснаго крушенія „Грампуса“, который и перевезъ ихъ черезъ полярный океанъ до острова Тсалаля...

— Мистеръ Ленъ Гай, — замѣтилъ я, какъ бы уже увѣровавъ въ истину того, о чемъ сообщалось въ романѣ Эдгара Поэ, — развѣ эти люди не всѣ погибли, одни во время нападенія на голетъ, другіе во время искусственнаго обвала, устроеннаго туземцами Тсалаля?...

— Кто знаетъ, мистеръ Джіорлингъ, — возразилъ капитанъ Ленъ Гай голосомъ, измѣнившимся отъ волненія.— Кто знаетъ, можетъ-быть, кто-нибудь изъ этихъ несчастныхъ и остался живъ?.. Можетъ-быть, кому-нибудь изъ нихъ и удалось спастись и бѣжать отъ туземцевъ?..

— Во всякомъ случаѣ, — возразилъ я, — трудно было бы допустить, чтобы были живы до сихъ поръ тѣ, кому и удалось спастись.

— А почему?..

— Потому, что событія, о которыхъ мы говоримъ, произошли болѣе одиннадцати лѣтъ тому назадъ...

— Сэръ,— отвѣчалъ капитанъ Ленъ Гай,— такъ какъ Артуръ Пимъ и Деркъ Питерсъ не могли пробраться далѣе островка Тсалаля, далѣе восемьдесятъ третьей параллели, такъ какъ они нашли средство жить среди этихъ антарктическихъ странъ, почему же ихъ спутники, если они не пали подъ ударами туземцевъ, если они были настолько счастливы, что достигли сосѣднихъ острововъ, видѣнныхъ ими раньше во время путешествія... почему бы этимъ несчастнымъ, моимъ соотечественникамъ, не удалось устроиться тамъ?.. Почему бы нѣкоторымъ изъ нихъ не ждать еще тамъ помощи?..

— Это говоритъ только ваше доброе сердце, капитанъ,— отвѣчалъ я, пытаясь его успокоить... — По-моему, положительно невозможно...

— Невозможно, сэръ!.. А что, если бы произошло такое событіе, если бы существовало неопровержимое доказательство существованія въ живыхъ этихъ людей; если бы, наконецъ, эти несчастные, заброшенные судьбой, такъ сказать, на самый край земли, обратились за помощью къ людямъ?... Неужели и тогда нашелся бы человѣкъ, который, невзирая ни на что, отвѣтилъ бы: невозможно?

Съ этими словами — и это помѣшало мнѣ отвѣчать ему, потому что онъ меня все равно бы не услышалъ — капитанъ Ленъ Гай, грудь котораго душили рыданія, повернулся лицомъ по направленію къ югу и точно пытался проникнуть взоромъ далекій горизонтъ.

Я невольно спрашивалъ себя, чѣмъ, какими необыкновенными обстоятельствами въ жизни капитана Ленъ Гайя могло быть вызвано такое сильное умственное разстройство? Изъ чувства ли человѣколюбія, дошедшаго до безумія, интересовался онъ такъ этими потерпѣвшими крушеніе, никогда не терпѣвшими въ дѣйствительности никакого крушенія... по той простой причинѣ, что сами они никогда не существовали?...

Въ это время капитанъ Ленъ Гай приблизился ко мнѣ, положилъ мнѣ руку на плечо и прошепталъ на ухо:

— Нѣтъ, мистеръ Джіорлингъ, нѣтъ! До сихъ поръ еще никто не сказалъ послѣдняго слова о судьбѣ экипажа „Джэнъ“!..

И онъ ушелъ.

„Джэнъ“ — этимъ именемъ Эдгаръ Поэ назвалъ голетъ, подобравшій Артура Пима и Дерка Питерса на обломкахъ „Грампуса“,— и капитанъ Ленъ Гай произнесъ это имя въ первый разъ въ концѣ нашего разговора.

Странно, подумалъ я, фамилію Гай носилъ также и капитанъ „Джэнъ“... голета англійской національности, какъ и онъ самъ!... Но что же это доказываетъ, и какое заключеніе можно было бы изъ этого вывести?.. Капитанъ „Джэнъ“ никогда иначе и не жилъ, какъ въ воображеніи Эдгара Поэ, тогда какъ капитанъ „Гальбрана“ живъ... живехонекъ... У обоихъ общаго только одна фамилія Гай, чрезвычайно распространенная въ Великобританіи. Теперь я почти убѣжденъ, что случайное сходство фамилій именно и повліяло на разсудокъ нашего несчастнаго капитана!... Онъ вообразилъ себѣ, что состоитъ въ родствѣ съ семействомъ капитана „Джэнъ“!... Да! вотъ что довело его до того состоянія, въ какомъ онъ находится, и отчего онъ печалится о судьбѣ воображаемыхъ кораблекрушенцевъ.

Интересно было бы знать, извѣстно ли все это Джиму Весту?... Говорилъ ли ему что-нибудь его начальникъ изъ того, что онъ мнѣ только что сообщилъ въ припадкѣ безумнаго бреда? Но, во-первыхъ, тема разговора была бы слишкомъ щекотлива, потому что пришлось бы коснуться состоянія умственныхъ способностей Ленъ Гайя, а во-вторыхъ, лейтенантъ не любилъ пускаться въ бесѣду съ кѣмъ бы то ни было и ограничивался короткими отвѣтами на вопросы. Кромѣ того, съ нимъ, пожалуй, было бы даже и опасно до извѣстной степени заговаривать объ этомъ...

И я рѣшилъ пока молчать, тѣмъ болѣе, что мнѣ предстояло покинуть голетъ по прибытіи на Тристанъ-д'Акунью, а переѣздъ туда занялъ бы всего нѣсколько дней... Но я все-таки былъ очень удивленъ словами капитана и, признаюсь, никогда даже и представить себѣ не могъ, что встрѣчу человѣка, который считаетъ за дѣйствительность фантастическія лица и событія романа Эдгара Поэ!

Черезъ день, т. е. 22 августа, при первыхъ проблескахъ утренней зари, мы увидѣли сначала влѣво островъ Маріонъ и вулканъ, который поднимается на южной оконечности его на высоту въ четыре тысячи футовъ, а затѣмъ показались и первыя очертанія острова Принца Эду-

арда, лежащаго подъ 46° 55′ южной широты и 37° 46′ восточной долготы. Этотъ островъ остался у насъ вправо, а еще черезъ двѣнадцать часовъ послѣ того послѣднія высоты его слились на горизонтѣ въ вечерней мглѣ.

На слѣдующій день „Гальбранъ“ взялъ курсъ на сѣверо-западъ, къ самой сѣверной изъ параллелей южнаго полушарія, которой онъ долженъ былъ достигнуть не останавливаясь.

ГЛАВА V.

Романъ Эдгара Поэ.

Вотъ краткій разборъ романа нашего знаменитаго американскаго писателя, впервые напечатаннаго въ Ричмондѣ подъ такимъ заглавіемъ:

Приключенія Артура Гордона Пима.

Прежде всего я долженъ изложить содержаніе этого романа. Тогда даже незнакомый съ этимъ произведеніемъ читатель увидитъ, есть ли какое-нибудь основаніе сомнѣваться въ томъ, что не только всѣ приключенія героя этого романа, но даже и самый герой, вымышлены. Что же касается тѣхъ, кто читалъ этотъ романъ, — а такихъ людей было не мало, — я убѣжденъ, что никому изъ нихъ и въ голову никогда не приходило принять вымыселъ за дѣйствительность; исключеніе составляетъ, впрочемъ, капитанъ Ленъ Гай.

Эдгаръ Поэ ведетъ разсказъ отъ имени главнаго дѣйствующаго лица. Въ самомъ началѣ предисловія къ книгѣ Артуръ Пимъ — герой романа — разсказываетъ, что по возвращеніи изъ путешествія въ антарктическія моря, онъ въ числѣ людей, интересовавшихся его открытіями, познакомился, между прочимъ, въ Виргиніи и съ Эдгаромъ Поэ, состоявшимъ въ то время издателемъ журнала „Southern Literary Messenger“. Затѣмъ Пимъ будто бы объявляетъ, что предоставилъ Эдгару Поэ право помѣстить въ своемъ журналѣ, „подъ плащемъ вымысла“, разсказъ о первой части его приключеній. А такъ какъ это изданіе было принято публикой благосклонно, то вскорѣ послѣ этого появилась еще и вторая часть, заключавшая въ себѣ описаніе всего путешествія полностью и уже выпущенное въ свѣтъ за подписью Эдгара Поэ.

Какъ извѣстно уже изъ моего разговора съ капитаномъ Ленъ Гаемъ, Артуръ Гордонъ Пимъ родился въ Нантукетѣ, гдѣ и обучался въ Нью-Бедфордской школѣ до шестнадцатилѣтняго возраста.

По окончанію курса въ школѣ онъ поступилъ въ академію М. Э. Рональда и во время своего пребыванія въ академіи близко сошелся съ сыномъ капитана корабля, Августомъ Бернардомъ, который былъ двумя годами старше его. Августъ Бернардъ много путешествовалъ и даже сопровождалъ уже своего отца на китоловномъ суднѣ въ южныя моря, и въ вакаціонные часы распалялъ воображеніе Артура Пима разсказами о своемъ путешествіи.

Новый другъ имѣлъ очень большое вліяніе на Артура Пима, а его разсказы способствовали проявленію въ послѣднемъ непреодолимаго стремленія къ смѣлымъ путешествіямъ и почти инстинктивнаго влеченія въ неизслѣдованную часть Антарктическаго пояса.

Августъ Бернардъ и Артутъ Пимъ первое свое путешествіе совершили на полупалубной лодкѣ „Аріэль“, принадлежавшей семейству послѣдняго. Однажды вечеромъ, въ холодный октябрьскій день, оба сильно навеселѣ, они украдкой овладѣли лодкой, подняли кливеръ и большой парусъ, и съ распущенными парусами смѣло пустились въ открытое море, пользуясь свѣжимъ юго-западнымъ вѣтромъ.

Попутный вѣтеръ и отливъ быстро гнали лодку въ открытое море, и скоро она была уже очень далеко отъ земли. Въ это самое время разразилась жестокая буря. Подвыпившіе юноши не могли, конечно, протрезвиться такъ скоро и замѣтить угрожавшую имъ опасность; напротивъ, они захмелѣли даже какъ будто сильнѣе и, укачиваемые волненіемъ, сладко спали, не заботясь о томъ, что дѣлалось въ это время съ ихъ лодкой. А ее жестоко трепала буря, вѣтеръ рвалъ паруса и, наконецъ, унесъ и весь рангоутъ. Въ довершеніе несчастія лодка налетѣла на большой корабль, который и прошелъ по „Аріэлю“ точно такъ же, какъ если бы самъ „Аріэль“ встрѣтилъ на пути своемъ плававшую по морю щепку или даже перышко.

Разсказывая объ этомъ приключеніи, Артуръ Пимъ вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ и самыя точныя подробности о томъ, какъ удалось спастись ему вмѣстѣ съ товарищемъ, хотя имъ и пришлось пережить очень тяжелыя минуты. Въ концѣ концовъ, благодаря подшкиперу „Пингвина“, изъ Нью-Лондона, прибывшему во-время на мѣсто катастрофы, оба они полумертвыми были вытащены изъ воды и доставлены въ Нантукетъ.

Подобное приключеніе само по себѣ не имѣетъ ничего невѣроятнаго, и я даже допускаю, что оно списано, такъ сказать, прямо съ натуры, хотя героями его, конечно, были не Артуръ Пимъ и не его другъ. Но такъ или иначе, а только это было ловкое вступленіе, и изъ него какъ бы само собою вытекало и все слѣдующее. Точно такъ же, т. е. совершенно правдоподобно, разсказаны и остальныя приключенія героя романа Эдгара Поэ, вплоть до того дня, когда Артуръ Пимъ пересѣкъ полярный кругъ. Всѣ событія излагаются въ строгой послѣдовательности и никакой даже самый строгій критикъ не могъ бы сказать, что они идутъ въ разрѣзъ съ правдой. Но... но зато разсказъ о приключеніяхъ по ту сторону полярнаго круга, за границей южныхъ сплошныхъ льдовъ, — тамъ совсѣмъ другое дѣло, — и если авторъ, хотя и мастерски, не разсказываетъ намъ плоды своей богатой фантазіи, пусть меня... Впрочемъ, не будемъ забѣгать впередъ.

Первое приключеніе не охладило въ молодыхъ людяхъ страсти къ путешествіямъ. Артуръ Пимъ приходилъ положительно въ экстазъ, слушая необыкновенныя исторіи изъ жизни на морѣ, которыя ему разсказывалъ Августъ Бернардъ, хотя впослѣдствіи онъ и сталъ подозрѣвать, что его другъ „сильно преувеличивалъ“.

Черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ исторіи съ „Аріэлемъ“ — въ іюнѣ 1827 г., фирма Ллойда и Вреденбурга снарядила бригъ „Грампусъ“ для ловли китовъ въ южныхъ моряхъ. Этотъ бригъ, командовать которымъ былъ приглашенъ м-ръ Бернардъ, отецъ Августа, былъ не что иное, какъ старый, кое-какъ заплатанный, корабельный остовъ. Сынъ капитана, отправлявшійся на бригѣ, усердно уговаривалъ Артура Пима ѣхать вмѣстѣ съ ними. Послѣдній былъ бы очень радъ совершить это

путешествіе, но боялся, что его родные, и въ особенности мать, ни за что не согласятся отпустить его.

Но это не могло, конечно, остановить предпріимчиваго мальчика, меньше всего думавшаго о необходимости подчиняться отцовской волѣ. Уговоры Августа не давали ему ни минуты покоя, и онъ, наконецъ, рѣшился тайно уѣхать на „Грампусѣ“, потому что м-ръ Бернардъ, конечно, тоже не взялъ бы его на бригъ безъ согласія родителей. И вотъ Артуръ Пимъ говоритъ дома, что одинъ изъ друзей приглашаетъ его къ себѣ въ гости на нѣсколько дней въ Нью-Берфордъ, и уѣзжаетъ. На бригъ онъ попалъ за двое сутокъ до выхода его въ море и, проскользнувъ какимъ-то чудомъ незамѣтно, укрылся въ заранѣе заготовленное для него Августомъ укромное мѣстечко, о чемъ, конечно, ничего не зналъ ни капитанъ Бернардъ и никто изъ экипажа.

Изъ каюты Августа Бернарда можно было проникнуть черезъ опускную дверь въ трюмъ „Грампуса“, заваленный боченками, тюками и вообще всевозможнымъ грузомъ. При помощи своего друга Артуръ Пимъ черезъ эту дверь пробрался въ свой тайникъ, — собственно говоря, простой ящикъ, одна изъ сторонъ котораго открывалась съ боку. Предусмотрительный другъ положилъ въ ящикъ матрацъ, одѣяло, поставилъ кружку воды и, въ качествѣ съѣстного, запасъ сухарей, колбасы, большой кусокъ жареной баранины и, наконецъ, нѣсколько бутылокъ съ крѣпкими напитками и ликерами, а также письменныя принадлежности.

Артуръ Пимъ, кромѣ того, запасся еще фонаремъ, свѣчами и спичками, и провелъ, такимъ образомъ, три дня и три ночи въ своемъ тайникѣ. Августъ Бернардъ не могъ, конечно, зайти къ нему раньше, чѣмъ „Грампусъ“ снимется съ якоря.

Уже черезъ часъ Артуръ Пимъ, сидя въ своемъ убѣжищѣ, почувствовалъ килевую и боковую качку брига. Если пребываніе въ ящикѣ было еще сносно, пока бригъ стоялъ у пристани на якорѣ, то оно сдѣлалось положительно нестерпимымъ, когда судно вышло въ открытое море, и потому Артуръ вылѣзъ изъ ящика и ощупью пробрался черезъ весь трюмъ до опускной двери въ каюту своего товарища. Дверь оказалась запертой, и Августъ поневолѣ долженъ былъ вернуться назадъ въ ящикъ; тамъ онъ поѣлъ, какъ слѣдуетъ, а затѣмъ легъ спать.

Такъ прошло еще нѣсколько дней, а, между тѣмъ, Августъ Бернардъ и не думалъ показываться. Можетъ-быть, онъ по какой-нибудь причинѣ не могъ улучить минуты провѣдать своего друга, а можетъ-быть, боялся, что отецъ его откроетъ ихъ продѣлку, а, между тѣмъ, не настало еще время объявить ему объ этомъ.

Но какъ бы тамъ ни было, а только страшная жара и недостатокъ свѣжаго воздуха давали себя сильно знать, и задыхающійся Артуръ Пимъ началъ сильно страдать. Въ виски стучало, и онъ началъ даже бредить. Тщетно искалъ онъ въ загроможденномъ доверху трюмѣ свободнаго мѣстечка, гдѣ онъ могъ бы свободно дышать. Во время одного изъ припадковъ бреда ему показалось, что онъ въ когтяхъ у тропическаго льва, и со страху онъ началъ было кричать, но тутъ же потерялъ сознаніе.

Въ этомъ случаѣ, какъ это ни удивительно, онъ не бредилъ. Артуръ Пимъ на груди своей чувствовалъ вовсе не льва, это былъ его

молодой щенокъ Тигръ, водолазъ, котораго какими-то судьбами провелъ на судно Августъ Бернардъ, не бывъ никѣмъ замѣченъ, — обстоятельство довольно неправдоподобное, надо сознаться. Въ ту минуту, когда Артуръ Пимъ умиралъ отъ страха, вѣрное животное, которому удалось разыскать хозяина, лизало ему лицо и руки и, какъ умѣло, выражало знаки своей радости.

Итакъ, у заключеннаго былъ товарищъ. Къ несчастью, въ то время, пока Пимъ лежалъ въ обморокѣ, его товарищъ по заключенію выпилъ всю воду изъ кружки и, когда Пимъ захотѣлъ утолить жажду, въ ней не было уже ни капельки. Фонарь потухъ, потому что обморокъ продолжался нѣсколько дней, и Пимъ, не находя спичекъ, рѣшился снова повторить попытку проникнуть къ Августу Бернарду. Выйдя изъ тайника, онъ добрался по веревкѣ, протянутой черезъ весь трюмъ до опускной двери, хотя и очень сильно ослабѣлъ, вслѣдствіе обморока и недостатка воздуха. Въ то время, какъ онъ пробирался по трюму, одинъ изъ ящиковъ, вслѣдствіе сильной качки, свалился съ своего мѣста и закрылъ ему проходъ. Какія усилія долженъ былъ онъ употребить на преодолѣніе этого препятствія и, какъ оказалось, совершенно напрасно, потому что, добравшись до двери, находившейся подъ каютой Августа Бернарда, онъ не могъ ея открыть!.. Произошло это потому, что, просунувъ ножъ въ одинъ изъ пазовъ, онъ, къ удивленію своему, сдѣлалъ открытіе, что какая-то тяжелая желѣзная масса лежала на двери, точно это было сдѣлано нарочно. Сколько ни бился онъ, а отворить дверь ему не удалось, и онъ, черезъ силу, опять медленно потащился къ своему ящику, гдѣ и упалъ въ изнеможеніи, а рядомъ съ нимъ, тутъ же въ ящикѣ, помѣстился и Тигръ.

Хозяинъ и собака умирали отъ жажды, и когда Артуръ Пимъ протягивалъ руку, онъ нащупывалъ Тигра, который лежалъ на спинѣ, лапами вверхъ, со взъерошенной шерстью. Поглаживая собаку, онъ совершенно неожиданно для себя нащупалъ веревочку, обвязанную вокругъ туловища собаки. Къ этой веревочкѣ былъ привязанъ лоскутъ бумаги, какъ разъ подъ лѣвымъ плечомъ животнаго.

Артуръ Пимъ былъ такъ слабъ, что почти умиралъ отъ истощенія и недостатка воздуха. Но, несмотря на это, онъ собралъ послѣднія силы, слегка приподнялся и, найдя фосфоръ, которымъ его снабдилъ Августъ, натеръ имъ бумагу и тутъ — нечего, конечно, и говорить съ какими мельчайшими подробностями было все это описано въ романѣ Эдгара Поэ — передъ глазами его появились страшныя слова... собственно говоря, всего нѣсколько словъ изъ фразы, которую слабый свѣтъ фосфора освѣтилъ всего на какую-нибудь четверть секунды: .... *кровью... не выходи... отъ этого зависитъ спасеніе твоей жизни...*

Трудно представить себѣ что-нибудь печальнѣе положенія Артура Пима: въ ящикѣ на днѣ трюма, въ потемкахъ, безъ воды, вмѣсто которой для утоленія жажды въ его распоряженіи имѣлись лишь одни спиртные напитки!.. А тутъ еще этотъ совѣтъ не выходить и передъ нимъ зачѣмъ-то написано „кровью“ или „кровь“ — вѣдь одно это слово само по себѣ такъ многозначительно, что въ состояніи привести въ трепетъ даже и неробкое сердце... Тутъ какая-то тайна, страданія, а можетъ-быть, и смерть! Можетъ-быть, на „Грампусѣ“ происходила битва?.. Можетъ-быть, на бригъ нападали пираты?.. Можетъ-быть, было возмуще-

ніе экипажа?.. Сколько времени прошло съ того момента, какъ были написаны эти слова?..

Вы, можетъ-быть, подумаете, что, описывая весь ужасъ этого положенія, знаменитый поэтъ истощилъ весь запасъ своей богатой фантазіи и дальше итти уже было бы некуда?... Ничего подобнаго... Его бьющая черезъ край геніальность увлекла его еще гораздо дальше!..

А вотъ вамъ и доказательство! Артуръ Пимъ, лежа въ полузабытьи на своемъ матрацѣ, слышитъ какой-то странный свистъ, рѣзкое прерывистое дыханіе... Это задыхается Тигръ... это Тигръ дышитъ такъ тяжело со свистомъ... его глаза горятъ какъ угольки въ темнотѣ... это Тигръ скрежещетъ зубами... Тигръ бѣсился...

Страхъ удесятерилъ силы Артура Пима, и, только благодаря этому, ему удалось увернуться отъ зубовъ бѣшеной собаки, кинувшейся на него. Завернувшись въ одѣяло, которое уже рвали острые бѣлые клыки собаки, онъ кинулся вонъ изъ ящика, крышка котораго сейчасъ же захлопнулась надъ Тигромъ, бившимся въ судорогахъ.

Артуръ Пимъ ползкомъ началъ пробираться по трюму, между грузомъ тюковъ и ящиковъ. Но, нахонецъ, у него закружилась голова, и онъ упалъ на тюкъ и, падая, выронилъ ножъ, который держалъ въ рукѣ.

Въ ту минуту, когда онъ готовъ уже былъ испустить послѣднее дыханіе, онъ услышалъ, какъ гдѣ-то близко произнесли его имя... Къ его губамъ поднесли бутылку воды, которую онъ и выпилъ всю до капли... Онъ оживалъ по мѣрѣ того, какъ поглощалъ живительную жидкость — величайшее изъ всѣхъ наслажденій!..

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого въ одномъ углу трюма, при свѣтѣ потайного фонаря, Августъ Бернардъ разсказывалъ своему товарищу о томъ, что произошло на суднѣ, вскорѣ послѣ выхода его въ открытое море...

До сихъ поръ, повторяю, разсказъ не имѣлъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, ничего такого, что не могло бы случиться и съ простыми смертными; но это потому, что мы еще не дошли до описанія событій не только необычайныхъ, но прямо таки превосходящихъ всякое вѣроятіе, такъ сказать, сверхъестественныхъ.

Экипажъ „Грампуса“ состоялъ изъ тридцати-шести человѣкъ, считая въ томъ числѣ Бернарда отца и сына. Послѣ выхода брига въ открытое море, 20-го іюня, Августъ Бернардъ дѣлалъ неоднократныя попытки проникнуть къ Артуру Пиму въ его тайникъ, но всѣ его старанія не увѣнчались успѣхомъ. Дня черезъ три или черезъ четыре на бригѣ вспыхнулъ бунтъ. Душою заговора, или бунта, былъ корабельный кокъ — негръ, въ родѣ нашего Эндикотта на „Гальбранѣ“, который, спѣшу, между прочимъ, замѣтить, вовсе не такой человѣкъ, чтобы сталъ когда-нибудь бунтовать.

Въ романѣ съ необыкновенной подробностью разсказывается вся исторія бунта, сопровождавшаяся избіеніемъ большинства матросовъ, оставшихся вѣрными капитану Бернарду. Бунтовщики, впрочемъ, по какимъ-то соображеніямъ, не убили капитана и на траверсѣ Бермудскихъ острововъ покинули его и еще четверыхъ матросовъ въ маленькомъ вельботѣ на произволъ судьбы; этимъ и заканчивается исторія бунта, и о пассажирахъ вельбота въ романѣ уже больше не упоминается.

Августу Бернарду, навѣрное, тоже не удалось бы избѣгнуть смерти, если бы не заступничество стараго канатчика на „Грампусѣ“. Это былъ нѣкто Деркъ Питерсъ, метисъ изъ племени упсарокасовъ, сынъ торговца мѣхами и индѣянки съ Черныхъ-Горъ, — тотъ самый, о которомъ уже говорилось раньше и котораго капитанъ Ленъ Гай такъ хотѣлъ найти въ Иллинойсѣ!...

...Лодка стремилась къ водопаду... (Стр. 59.)

„Грампусъ“ направился къ юго-западу подъ командой подшкипера, который имѣлъ въ виду сдѣлаться пиратомъ и заняться грабежомъ въ южныхъ моряхъ.

Въ виду такихъ печальныхъ событій Августу Бернарду очень хотѣлось укрыться въ тайникъ къ Артуру Пиму. Но его заперли въ кубрикѣ, заковали руки и ноги въ кандалы, и корабельный *кокъ* объявилъ

ему, что онъ выйдетъ изъ своей тюрьмы только тогда, „когда бригъ перестанетъ быть бригомъ“. Однако, нѣсколько дней спустя, Августу Бернарду удалось избавиться отъ ручныхъ кандаловъ, прорѣзать тонкую перегородку, отдѣлявшую его отъ трюма, и въ сопровожденіи Тигра, онъ сталъ пробираться къ тайнику своего товарища. Ему это не удалось; но, къ счастью, собака, „почуяла“ Артура Пима, и это подало Августу Бернарду мысль привязать къ шеѣ Тигра записочку со словами: *Я нацарапалъ это кровью... не выходи... отъ этого зависитъ спасеніе твоей жизни...*

Какъ уже извѣстно, Артуръ Пимъ получилъ эту записку. И вотъ тогда-то, умирая отъ голода и жажды и спасаясь отъ бѣшеной собаки, онъ сталъ пробираться по трюму, гдѣ стукъ отъ паденія ножа, вырвавшагося у него изъ рукъ, привлекъ вниманіе его товарища, которому и удалось, наконецъ, добраться до него.

Разсказавъ все это Артуру Пиму, Августъ Бернардъ въ заключеніе прибавилъ, что въ средѣ бунтовщиковъ нѣтъ согласія. Одни хотятъ вести „Грампусъ“ къ островамъ Зеленаго Мыса; другіе — и Деркъ Питерсъ въ томъ числѣ — рѣшили направиться къ островамъ Тихаго океана.

Что касается Тигра, котораго его хозяинъ считалъ бѣшенымъ, онъ, какъ оказывается, и не думалъ вовсе бѣситься. Въ такое сильное возбужденное состояніе онъ, видите ли, былъ приведенъ снѣдающей его жаждой и, въ концѣ концовъ, вѣроятно, впалъ бы и въ бѣшенство, если бы о немъ не вспомнилъ и не позаботился Августъ Бернардъ.

На коммерческихъ судахъ весьма важную роль играетъ правильное распредѣленіе груза, особенно въ трюмѣ, — несоблюденіе этого правила влечетъ иногда за собой даже гибель судна. Нагрузка „Грампуса“ производилась очень небрежно, и наполнявшіе трюмъ ящики, бочки и тюки сталкивались и перескакивали съ одного мѣста на другое, даже при сравнительно легкомъ волненіи. При такихъ условіяхъ Артуру Пиму было бы крайне опасно оставаться въ трюмѣ, гдѣ его могло изувѣчить или даже убить паденіе какого-нибудь большого ящика. Къ счастью, онъ теперь былъ уже не одинъ, и съ помощью Августа Бернарда ему удалось благополучно пробраться въ междудечное пространство, гдѣ они и помѣстились въ одномъ изъ темныхъ уголковъ, около кубрика.

Деркъ Питерсъ все это время продолжалъ все также дружелюбно относиться къ сыну капитана Бернарда. Послѣднее обстоятельство подавало даже Августу надежду съ помощью старшаго канатчика снова овладѣть кораблемъ...

Черезъ тринадцать дней послѣ выхода брига изъ Нантукета, 4 іюля, у бунтовщиковъ затѣялась сильная ссора по поводу маленькаго брига, замѣченнаго въ открытомъ морѣ, который одни хотѣли непремѣнно преслѣдовать, а другіе предлагали оставить въ покоѣ. Ссора, какъ, впрочемъ, это и всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, закончилась дракой, во время которой былъ убитъ одинъ изъ матросовъ, принадлежавшій къ партіи враждебной подшкиперу; къ первымъ, т. е. къ противникамъ подшкипера принадлежалъ также и Деркъ Питерсъ.

На бригѣ оставалось теперь всего тринадцать человѣкъ, считая въ томъ числѣ и Артура Пима.

Вдругъ совершенно неожиданно разразилась страшная буря... „Грам-

пусъ" бросало съ волны на волну, какъ щепку, и онъ, въ концѣ концовъ, далъ течь въ пазахъ. Пришлось безостановочно работать помпами и даже подводить парусъ подъ носъ кузова, потому что иначе трюмъ могъ переполниться водой и бригъ бы затонулъ.

Буря окончилась только 9-го іюля, и въ этотъ же день Деркъ Питерсъ выразилъ намѣреніе отдѣлаться отъ подшкипера. Намѣреніе это какъ нельзя болѣе пришлось по сердцу Августу Бернарду, и онъ сейчасъ же предложилъ ему свои услуги, хотя и не нашелъ пока возможнымъ открыть ему присутствіе Артура Пима на бригѣ.

На слѣдующій день одинъ изъ матросовъ, по имени Роджеръ, вѣрный корабельному коку, умеръ въ судорогахъ, и на суднѣ всѣ были увѣрены въ томъ, что его отравилъ подшкиперъ. Теперь число сторонниковъ корабельнаго кока ограничивалось всего только четырьмя человѣками, однимъ изъ которыхъ былъ Деркъ Питерсъ. У подшкипера въ это время было пять пособниковъ, и онъ, по всей вѣроятности, долженъ былъ одержать верхъ надъ партіей корабельнаго кока.

Корабельному коку и его сторонникамъ нельзя было терять ни минуты. Поэтому когда Деркъ Питерсъ объявилъ Августу, что настало время дѣйствовать, послѣдній сейчасъ же разсказалъ ему исторію приключеній Артура Пима.

Но въ то время, пока оба они сговаривались относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій, для того, чтобы вновь овладѣть бригомъ, налетѣвшій шквалъ повалилъ бригъ на бокъ. „Грампусъ", впрочемъ, поднялся, хотя при этомъ и захватилъ громадное количество воды; затѣмъ, выдержавъ еще нѣсколько шкваловъ, онъ былъ, наконецъ, приведенъ къ вѣтру, взявъ нижній рифъ у фока.

Случай этотъ казался благопріятнымъ для того, чтобы начать борьбу, хотя бунтовщики на время бури и заключили между собою перемиріе. А между тѣмъ, на кубрикѣ было всего три человѣка, Деркъ Питерсъ, Августъ Бернардъ и Артуръ Пимъ, тогда какъ внизу въ каютѣ ихъ было девять. Изъ оружія только у одного старшаго канатчика было два пистолета и матросскій ножъ. Поэтому нужно было дѣйствовать крайне осторожно.

Артуру Пиму, присутствія котораго на бригѣ бунтовщики, конечно, не могли подозрѣвать, пришла въ голову мысль употребить хитрость, которая имѣла нѣкоторые шансы на успѣхъ. Тѣло матроса, умершаго отъ отравы, все еще лежало на палубѣ, и Артуръ Пимъ предполагалъ, что, если надѣть его одежду и появиться передъ суевѣрными матросами, очень возможно, что страхъ передъ сверхъестественнымъ парализуетъ ихъ силы и отдастъ ихъ во власть Дерка Питерса.

Въ глубокую полночь Деркъ Питерсъ направился къ кормѣ; тутъ онъ бросился на рулевого, приподнялъ его на воздухъ и отправилъ его за бортъ.

Августъ Бернардъ и Артуръ Пимъ поспѣшили къ нему, захвативъ съ собой на всякій случай, въ видѣ оружія, мѣдные наконечники отъ помпъ. Деркъ Питерсъ сталъ на мѣсто рулевого, а Артуръ Пимъ, переодѣтый въ платье убитаго матроса, и Августъ Бернардъ направились къ лѣстницѣ, которая вела къ каютѣ. Тамъ собрались подшкиперъ, какъ и всѣ остальные матросы,—одни изъ нихъ спали, другіе пили и болтали всякій вздоръ, держа подъ руками пистолеты и ружья.

Буря рвала и метала, какъ бѣшеная, и на палубѣ едва-едва можно было стоять.

Въ эту минуту подшкиперъ приказалъ одному изъ матросовъ позвать Августа Бернарда и Деркa Питерса. Посланный передалъ это приказаніе руловому, обязанности котораго исполнялъ не кто иной, какъ старшій канатчикъ. Послѣдній и Бернардъ-сынъ направились въ каюту, а слѣдомъ за ними туда же заявился и Артуръ Пимъ.

Появленіе его произвело эффектъ поразительный! При видѣ воскресшаго изъ мертвыхъ матроса подшкиперъ въ ужасѣ вскочилъ съ мѣста, взмахнулъ руками и упалъ мертвый. Деркъ Питерсъ въ ту же минуту бросился на остальныхъ; примѣру его не замедлили послѣдовать Августъ Бернардъ и Артуръ Пимъ, которымъ дѣятельно помогалъ Тигръ. Въ нѣсколько минутъ всѣ, находившіеся въ каютѣ, были перебиты или задушены, за исключеніемъ матроса Ричарда Паркера, котораго нашли возможнымъ пощадить.

Такимъ образомъ, оставалось всего четыре человѣка для борьбы съ ураганомъ, который свирѣпствовалъ со страшной силой и бросалъ бригъ изъ стороны въ сторону, какъ легкую щепку, несмотря на то, что въ трюмѣ воды было на цѣлые семь футовъ. Волей-неволей пришлось срубить гротъ, а къ разсвѣту сбросить въ море и фокъ-мачту. Ужасный день и еще болѣе ужасная ночь! Если бы Деркъ Питерсъ и трое его спутниковъ не привязали себя крѣпко-накрѣпко къ остаткамъ брашпиля, они были бы снесены шкваломъ, затопившимъ люки „Грампуса“.

Затѣмъ въ романѣ слѣдуетъ подробное, до мелочей, описаніе всего, что случилось въ періодъ времени съ 14 іюля по 7 августа: добываніе провизіи изъ затопленнаго водой трюма; появленіе таинственнаго брига, который, будучи переполненъ трупами, заражаетъ воздухъ и носится, какъ огромный гробъ, по волѣ вѣтра; муки голода и жажды; невозможность добраться до кладовой съ провіантомъ; бросаніе жребія соломинками, который рѣшилъ, что Ричардъ Паркеръ долженъ погибнуть для того, чтобы спасти жизнь остальнымъ; смерть этого несчастнаго, убитаго Деркомъ Питерсомъ и затѣмъ съѣденнаго!... Наконецъ, имъ удалось выудить изъ трюма кое-что съѣстное: окорокъ ветчины, кувшинъ съ оливками, затѣмъ маленькую черепаху... „Грампусъ“ тѣмъ временемъ все болѣе и болѣе расползался по швамъ, а слѣдовательно, и вода въ трюмѣ прибывала все больше и больше... При той адской жарѣ, какая бываетъ въ этихъ широтахъ, недостатокъ въ водѣ — истинное бѣдствіе, и неутоленная жажда вызываетъ такія страданія, перенести которыя въ состояніи не всякій человѣкъ... Августъ Бернардъ умираетъ 1-го августа... Бригъ перевернулся килемъ кверху въ ночь съ 3 на 4-е... Артуръ Пимъ и Деркъ Питерсъ, взобравшись на подводную часть судна, принуждены были питаться *cyrrhopodes*'ами, или моллюсками особой породы, которыми обыкновенно бываютъ сплошь покрыты кузова судовъ ниже ватерлиніи, а кругомъ — цѣлая стая алчныхъ акулъ, жадно стерегущихъ добычу... Наконецъ, вблизи показывается голетъ „Джэнъ“, изъ Ливерпуля, подъ командой капитана Уилльяма Гайя... Надо замѣтить, между прочимъ, что за все время бури „Грампусъ“, который носился по волнамъ, подвинулся приблизительно градусовъ на двадцать-пять къ югу.

До сихъ поръ все идетъ довольно правдоподобно и автора, если и можно было бы упрекнуть въ чемъ-нибудь, такъ развѣ въ томъ, что

онъ, такъ сказать, слишкомъ сгустилъ краски; но онъ имѣлъ на это полное право и какъ романистъ и какъ великій писатель-поэтъ, не знавшій трудностей тамъ, гдѣ, навѣрное, не удалось бы справиться съ задачей писателю, не обладающему такимъ изъ ряда выдающимся вонъ талантомъ. Но этимъ и заканчивается вся реальность романа американ скаго поэта, и слѣдующія главы покажутъ только, до какой степени пылкая фантазія поэта увлекла его за предѣлы дѣйствительности.

Съ Артуромъ Пимомъ и Деркомъ Питерсомъ, взятыми на англійскій голетъ, обращались хорошо. Черезъ двѣ недѣли, оправившись послѣ перенесенныхъ страданій, они больше о нихъ уже не вспоминали.

Несмотря на перемѣнчивую погоду—то хорошую, то дурную,—„Джэнъ“ 13-го октября подходила уже къ острову Принца Эдуарда, оттуда къ островамъ Кросэ; она шла тѣмъ же курсомъ, которымъ шелъ и „Гальбранъ“, но только въ противоположномъ направленіи — и, наконецъ, подошла къ островамъ Кергуэленъ, которые я покинулъ всего только одиннадцать дней тому назадъ.

На Кергуэленахъ „Джэнъ“ простояла три недѣли, и экипажъ занимался охотой на нерпъ, которыя доставили голету изрядный грузъ. И вотъ во время этой стоянки капитанъ „Джэнъ“ оставилъ на островѣ бутылку, въ которой его тезка съ „Гальбрана“ будто бы нашелъ письмо, объявлявшее во всеобщее свѣдѣніе, что Уильямъ Гай имѣлъ намѣреніе проникнуть, насколько возможно, дальше въ Южный Ледовитый океанъ.

12-го ноября голетъ покинулъ Кергуэлены и пошелъ на западъ къ Тристань-д'Акуньѣ, какъ это дѣлаемъ и мы въ настоящую минуту. Къ острову онъ прибылъ черезъ двѣ недѣли, простоялъ тамъ недѣлю, и 5-го декабря отправился на розыски острововъ Авроры подъ 53° 15′ южной широты и 47° 38′ западной долготы, которыхъ ему такъ и не удалось найти.

12-го декабря „Джэнъ“ направилась къ антарктическому поясу, а 26-го съ голета замѣтили уже первыя ледяныя горы выше семьдесятъ-третьей параллели, а за ними сплошный ледъ.

Съ 1-го января 1828 г. по 14-е января изслѣдователи съ трудомъ подвигались впередъ, пересѣкли полярный кругъ среди льда и, наконецъ, обогнувъ громадное пространство сплошного льда, вышли въ свободное море, открытое имъ подъ 81° 21′ южной долготы и 42° западной долготы, при температурѣ въ воздухѣ 47° по Фаренгейту (8° 33 С. выше нуля) и въ водѣ 34° (1° 11 С. выше нуля).

Надо сознаться, что тутъ Эдгаръ Поэ далъ полную свободу своей пылкой фантазіи. До сихъ поръ, какъ извѣстно, никому изъ мореплавателей не удавалось проникнуть такъ далеко за южный полярный кругъ. Даже самому Джемсу Уэделлю — капитану англійскаго флота — и тому не удалось проникнуть за семьдесятъ-четвертую параллель, въ 1822 году.

Но предположимъ, что капитану „Джэнъ“ посчастливилось больше, чѣмъ кому-нибудь другому, и что онъ, дѣйствительно, проникъ за восемьдесятъ-первую параллель,—это все-таки еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ, о чемъ повѣствуется въ романѣ дальше! И при этомъ Артуръ Пимъ, или, правильнѣе сказать, Эдгаръ Поэ, разсказываетъ все это такъ наивно, что остается только удивляться. Читая его записки, право,

можно подумать, что онъ, и въ самомъ дѣлѣ, пробирался къ самому полюсу!..

Странное это открытое море у полюса!.. Кругомъ нигдѣ не видно было ни одной ледяной горы. Безсчисленныя стаи птицъ летаютъ по его поверхности; между прочимъ, одинъ пеликанъ, котораго убиваютъ выстрѣломъ изъ ружья. На льдинѣ, — значитъ, льдины все-таки еще попадались! — они видятъ медвѣдя арктической породы, поражающаго ихъ своими гигантскими размѣрами. Наконецъ, впереди на штирбортѣ замѣчаютъ и землю... Это островокъ всего въ одну милю въ окружности, который они назвали именемъ Беннета, въ честь одного изъ владѣльцевъ голета „Джэнъ“...

Островокъ этотъ расположенъ подъ 82° 50′ южной широты и 42° 20′ западной долготы,— говоритъ Артуръ Пимъ въ своемъ дневникѣ. Но я, съ своей стороны, совѣтую гидрографамъ не составлять карты антарктическихъ странъ, руководствуясь такими фантастическими данными!

Затѣмъ, само собою разумѣется, что по мѣрѣ того, какъ голетъ спускался къ югу, уменьшалось уклоненіе стрѣлки компаса, и въ то же время температура воздуха и воды постепенно поднималась, при постоянно ясномъ небѣ и легкомъ сѣверномъ вѣтрѣ.

Къ несчастью, въ средѣ матросовъ появилась болѣзнь съ несомнѣнными признаками скорбута, и очень возможно, что капитанъ Уилльямъ Гай повернулъ бы назадъ, если бы его не отговорилъ отъ этого Артуръ Пимъ.

Нечего, конечно, и говорить, что подъ этой широтой, да еще въ январѣ, стоялъ вѣчный день, и „Джэнъ“, въ сущности, даже хорошо сдѣлала, что продолжала все также смѣло подвигаться къ полюсу, потому что 18-го января подъ 83° 20′ широты и 43° 51′ долготы была замѣчена земля.

Это былъ тоже островокъ, принадлежавшій, какъ оказалось, къ довольно большому архипелагу, разбросанному на западѣ.

Голетъ подошелъ къ островку и бросилъ якорь на глубинѣ въ шесть брасовъ. Гребныя суда спустили на воду. Артуръ Пимъ и Деркъ Питерсъ заняли мѣсто въ одномъ изъ нихъ и первыми поплыли къ берегу; но на пути ихъ совершенно неожиданно встрѣтили четыре лодки, наполненныя вооруженными людьми,— „новыми людьми“! — говоритъ неустрашимый Артуръ Пимъ, онъ же и Эдгаръ Поэ.

Туземцы эти были чернокожіе и въ одеждахъ, сшитыхъ изъ шкуръ какихъ-то черныхъ звѣрей; повидимому, они даже и понятія не имѣли о „бѣломъ цвѣтѣ“. Въ такомъ случаѣ (ничего другого и въ голову прійти не можетъ), зимой, когда идетъ снѣгъ,— если, конечно, тамъ когда-нибудь идетъ снѣгъ, — когда окружающее острова море сковывается льдомъ, — если опять-таки тамъ море замерзаетъ зимою, — и снѣгъ и ледъ должны быть тамъ такъ же черны, какъ черна кожа туземцевъ!.. Все это, конечно, одно воображеніе!..

Островитяне, какъ замѣтилъ Артуръ Пимъ, не выказывали враждебныхъ намѣреній и, не переставая, кричали слѣдующія два слова: „*анамоо-моо*“ и „*лама-лама*“. Когда лодки ихъ подошли къ бригу, капитанъ разрѣшилъ начальнику дикарей, Ту-Уитъ, взойти на палубу „Джэнъ“, куда онъ и взобрался по трапу съ двадцатью туземцами. Они, какъ дѣти, любовались всѣми неизвѣстными имъ чудесами цивилизаціи

и, повидимому, принимали голетъ за живое существо, нѣжно ласкали и гладили не только снасти, но даже и борты брига. Рулевой, руководствуясь указаніями дикарей, направилъ судно между утесами въ бухту, дно которой было покрыто чернымъ пескомъ. Наконецъ, бригъ остановился и бросилъ якорь всего въ одной милѣ отъ берега. Капитанъ Уилльямъ Гай, оставивъ часть туземцевъ на бригѣ въ качествѣ заложниковъ, высадился на островъ.

Какой это былъ необыкновенный островъ, если только вѣрить Артуру Пиму! Туземцы называли его Тсалаль! Деревья тамъ не были похожи ни на одну изъ древесныхъ породъ, извѣстныхъ на земномъ шарѣ. Утесы представляли въ своемъ составѣ наслоенія, не извѣстныя геологамъ. Въ ручьяхъ текло жидкое, непрозрачное вещество съ отчетливо видными жилками, которыя не соединялись, какъ всѣ капиллярныя жидкости, если ихъ раздѣлить лезвеемъ ножа...

Путешественникамъ пришлось сдѣлать цѣлыхъ три мили, раньше чѣмъ они достигли Клокъ-Клока, главнаго поселка острова. Тамъ они не нашли ничего, кромѣ жалкихъ жилищъ, сооруженныхъ, или, лучше сказать, покрытыхъ черными кожами; изъ четвероногихъ они нашли тамъ животныхъ, похожихъ на обыкновенную домашнюю свинью, и затѣмъ еще странную какую-то разновидность барана, тоже съ чернымъ руномъ; царство пернатыхъ имѣло гораздо больше представителей, и путешественники насчитали до двадцати породъ птицъ: они видѣли тутъ ручныхъ альбатросовъ, утокъ и др., а изъ земноводныхъ — большое количество черепахъ.

Число жителей Клокъ-Клока, по словамъ Артура Пима, доходило до десяти тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и если капитану Уилльяму Гайю можно было и не бояться этихъ дикарей, то, во всякомъ случаѣ, слѣдовало держать себя осторожно, потому что дикари могли быть опасны по своей пылкой, увлекающейся натурѣ. Капитанъ и его спутники пробыли въ деревнѣ довольно долго, при чемъ въ это время жили въ домѣ Ту-Уита; затѣмъ они, въ сопровожденіи туземцевъ, отправились къ берегу и здѣсь узнали, что у береговъ въ изобиліи водится такъ называемая морская лань — самый любимый китайцами моллюскъ; открытіе это очень обрадовало капитана и обѣщало ему богатый уловъ весьма цѣннаго груза для „Джэнъ“.

Заготовленіе морской лани впрокъ дѣло довольно сложное и требуетъ извѣстныхъ приспособленій. Поэтому капитанъ Уилльямъ Гай обратился къ Ту-Уиту съ просьбой разрѣшить выстроить на берегу сараи, въ которыхъ часть экипажа „Джэнъ“ могла бы производить заготовку морской лани въ то время, пока голетъ будетъ продолжать свой путь къ полюсу. Ту-Уитъ охотно изъявилъ на это свое согласіе и заключилъ договоръ, на основаніи котораго подчиненные ему туземцы обязаны были помогать матросамъ въ ихъ работѣ.

Черезъ мѣсяцъ всѣ предварительныя работы были окончены. Капитанъ рѣшилъ оставить на островѣ всего трехъ человѣкъ. За все время стоянки туземцы ни разу не подали повода заподозрить ихъ дружелюбное расположеніе къ бѣлымъ. Передъ отъѣздомъ капитанъ Уилльямъ Гай пожелалъ въ послѣдній разъ посѣтить деревушку Клокъ-Клокъ; при чемъ, на всякій случай, оставилъ на бригѣ шесть человѣкъ и приказалъ имъ держать пушки заряженными, развѣсить бортовыя сѣти и

при этомъ имѣть якорь апанёръ; этимъ шестерымъ матросамъ строгонастрого было приказано не допускать приближенія лодокъ туземцевъ къ бригу.

Ту-Уитъ, вмѣстѣ съ сотней воиновъ, одѣтыхъ въ черныя шкуры, вышелъ навстрѣчу гостямъ. Они прошли по узкому ущелью, между холмами, образуемыми мыльнымъ камнемъ, похожимъ на жировикъ, какого Артуръ Пимъ раньше нигдѣ еще не видѣлъ. Проводники повели своихъ гостей кратчайшей дорогой по извилинамъ, вдоль откосовъ, высотой отъ шестидесяти до восьмидесяти футовъ и шириною въ сорокъ футовъ.

Капитанъ Уилльямъ Гай и его спутники шли тѣсно прижавшись другъ къ другу, вполнѣ увѣренные въ миролюбіи туземцевъ, хотя они и проходили по мѣстамъ, вполнѣ подходящимъ для устройства засады.

Направо, немного впереди, шли Артуръ Пимъ, Деркъ Питерсъ и еще одинъ матросъ Алленъ.

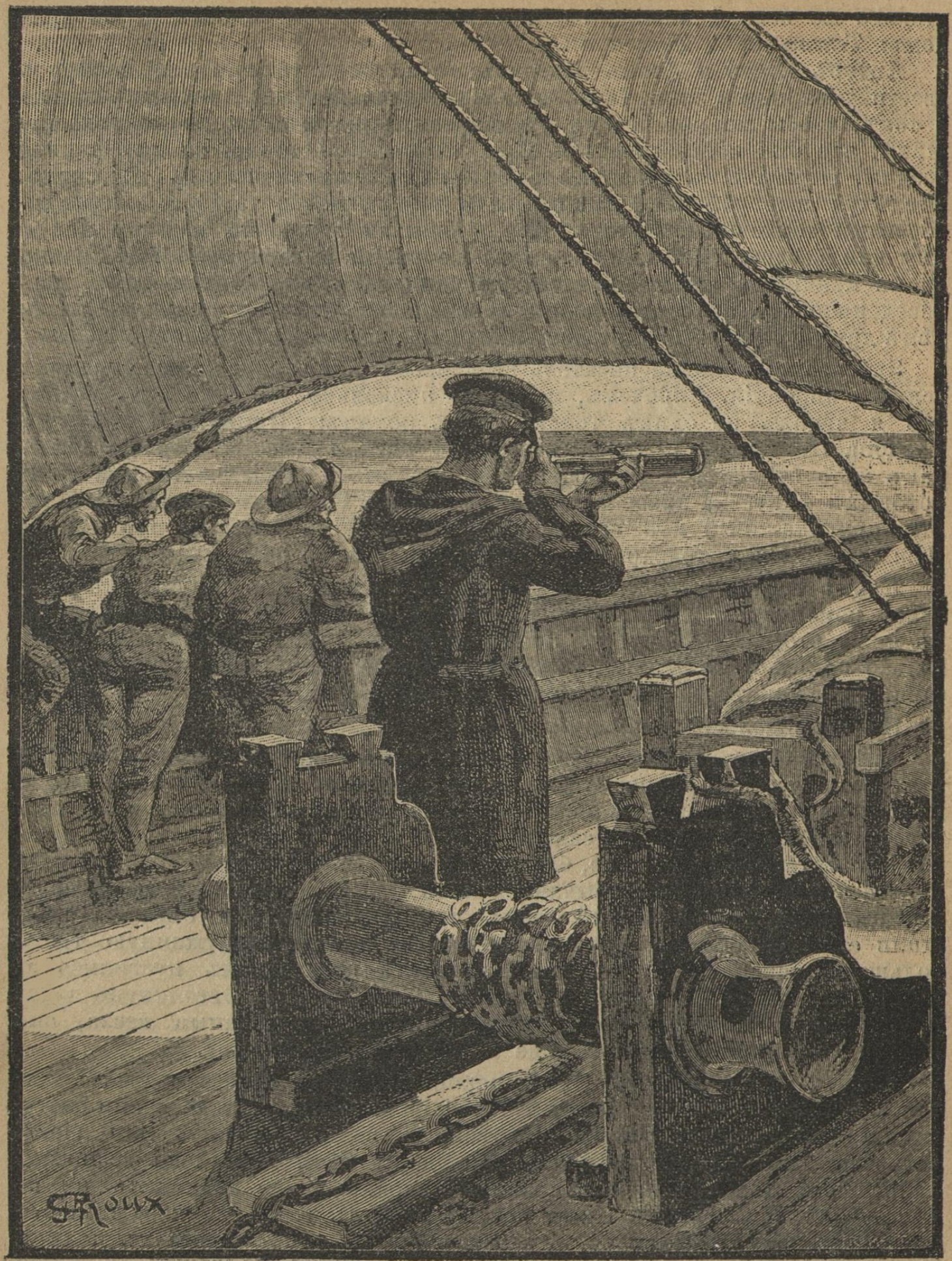
Дойдя до разсѣлины, открывавшейся въ боковомъ склонѣ холма, Артуру Пиму пришло въ голову проникнуть туда, для того, чтобы сорвать нѣсколько, орѣховъ, висѣвшихъ кистями на большомъ деревѣ. Нарвавъ орѣховъ, онъ хотѣлъ уже возвращаться назадъ, когда обернувшись замѣтилъ, что онъ не одинъ, — примѣру его послѣдовали Деркъ Питерсъ и Алленъ, тоже пожелавшіе полакомиться орѣхами. И они весело повернули втроемъ къ выходу изъ ущелья, какъ вдругъ внезапное сильное сотрясеніе почвы повергло ихъ на землю. Въ ту же минуту съ грохотомъ посыпались обломки рушившихся утесовъ. Первое, что имъ пришло въ голову, былъ страхъ, что они будутъ заживо погребены подъ грудой обломковъ.

Живы... всѣ трое?.. Нѣтъ!.. На несчастнаго Аллена обрушилась такая груда камней, что его едва было видно, и онъ лежалъ мертвый.

Ползкомъ, на колѣняхъ, прочищая себѣ дорогу ножами, громадными американскими *bowie-knife*'ами, Артуру Пиму и Дерку Питерсу удалось, хотя и съ трудомъ, выбраться на уцѣлѣвшій край естественной площадки въ концѣ густо обросшаго лѣсомъ овражка, надъ которымъ виднѣлся кусочекъ голубого неба. Съ этого пункта они могли однимъ взглядомъ окинуть всю окружающую мѣстность.

Тутъ произошелъ обвалъ, — искусственный обвалъ. Да, искусственный, устроенный туземцами! Капитанъ Уилльямъ Гай и двадцать-восемь человѣкъ матросовъ, раздавленные болѣе, чѣмъ милліономъ тоннъ земли и камней, исчезли...

Вся окружающая мѣстность буквально кишѣла дикарями, прибывшими съ сосѣднихъ острововъ, по всей вѣроятности, спеціально за тѣмъ, чтобы принять участіе въ разграбленіи „Джэнъ". Семьдесятъ лодокъ, съ балансирами для плаванія по морю, быстро понеслись къ голету. Шестеро бѣлыхъ, оставшіеся на бригѣ, встрѣтили ихъ залпомъ изъ всѣхъ пушекъ; за первымъ залпомъ, пущеннымъ почти безъ прицѣла, такъ сказать, наудачу, послѣдовалъ второй залпъ картечи и ядеръ, дѣйствіе которыхъ было ужасно. Несмотря на это, дикари смѣло стремились къ бригу, взобрались на палубу, перебили защитниковъ и подожгли судно... Пожаръ быстро дѣлалъ свое дѣло, и, въ то время, какъ дикари еще хозяйничали на бригѣ, огонь достигъ крюйтъ-камеры. Произошелъ страшный взрывъ, уничтожившій около тысячи туземцевъ и



...То былъ не живой человѣкъ, а трупъ... (Стр. 66.)

столько же искалѣчившій, а остальные обратились въ бѣгство съ крикомъ: *Текели ли!.. Текели ли!*

Артуръ Пимъ и Деркъ Питерсъ не осмѣлились, конечно, покинуть своего убѣжища и жили тамъ, питаясь ложечной травой, заботясь только о томъ, чтобы не попасть въ руки туземцевъ, даже и не подозрѣвавшихъ, что они остались живы. Они скрывались точно на днѣ черной бездны, вырытой въ жировикѣ и мергелѣ съ металлическимъ отблескомъ. Изслѣдуя свое убѣжище, они открыли другія, почти такія же, воронкообразныя котловины. Эдгаръ Поэ, описывая подробно каждую такую яму или бездну, составляетъ въ то же время и геометрическій планъ этихъ мрачныхъ гнѣздъ, и тутъ, къ удивленію, получается слово, произведенное отъ арабскаго корня и означающее „бѣлое существо“, и затѣмъ другое слово — египетское ПФUГРНС, означающее — „область юга“.

Здѣсь американскій писатель уже, несомнѣнно, перешелъ за границы всякаго вѣроятія. Впрочемъ, меня это нисколько не удивляло, потому что я читалъ не одинъ только этотъ романъ: „Приключенія Артура Гордона Пима“, но и другія сочиненія Эдгара Поэ. Я хорошо зналъ, какъ надо относиться къ произведеніямъ этого геніальнаго поэта, въ которыхъ фантазія преобладала надъ всѣмъ. Развѣ не правъ былъ самый оригинальный изъ его критиковъ, который сказалъ про Эдгара Поэ: „Фантазія и только фантазія царитъ у него надо всѣмъ...“

Кромѣ того, можно съ увѣренностью сказать, что никому изъ читателей романовъ Эдгара Поэ и въ голову никогда не приходило видѣть въ нихъ что-нибудь другое, кромѣ плодовъ пылкой фантазіи!.. Развѣ только одинъ сумасшедшій, въ родѣ капитана Ленъ Гайя, могъ принять за чистую монету этотъ чисто фантастическій разсказъ?..

Но я продолжаю:

Артуръ Пимъ и Деркъ Питерсъ не могли, конечно, навсегда остаться въ своемъ убѣжищѣ, несмотря на безопасность послѣдняго, и послѣ нѣсколькихъ безплодныхъ попытокъ, имъ удалось выбраться наверхъ и спуститься по одному изъ склоновъ холма. Въ ту же минуту на нихъ напали пятеро дикарей; но, благодаря тому, что бѣлые имѣли при себѣ пистолеты, и благодаря необычайной силѣ Дерка Питерса, — четверо островитянъ были убиты. Пятый сталъ просить пощады, и бѣглецы потащили его съ собой къ берегу, гдѣ нашли лодку, нагруженную тремя большими черепахами. Человѣкъ двадцать островитянъ пустились за ними вдогонку, но бѣглецы на много опередили ихъ. Оттолкнувъ лодку и усердно работая гребками, замѣнявшими обыкновенныя весла, они быстро вышли въ открытое море и направились къ югу.

Въ это время Артуръ Пимъ перешелъ даже за восемьдесятъ-четвертый градусъ южной широты. Было начало марта, т. е. время наступленія антарктической зимы. На западѣ виднѣлось пять или шесть острововъ, но бѣглецы рѣшили пока держаться, насколько возможно, дальше отъ дикарей и безъ крайней надобности не подходить ни къ одному острову. Артуръ Пимъ почему-то былъ увѣренъ, что температура постепенно будетъ повышаться по мѣрѣ приближенія къ полюсу. На оконечности двухъ гребковъ, поставленныхъ въ передней части лодки, устроенъ былъ парусъ, сдѣланный изъ связанныхъ вмѣстѣ рубашекъ Дерка Питерса и его спутника; рубашки у нихъ были бѣлыя,

и этотъ цвѣтъ, видимо, производилъ сильное впечатлѣніе на плѣнника, котораго звали, какъ онъ самъ объяснилъ, Ну-Ну.

Цѣлыя восемь сутокъ продолжалось это странное плаваніе подъ легкимъ сѣвернымъ вѣтеркомъ, при незаходящемъ солнцѣ и по совершенно спокойному морю, на которомъ нигдѣ не видно было ни одного кусочка льда,—да какъ же иначе оно и быть могло при такой высокой температурѣ какъ въ воздухѣ, такъ и въ водѣ, неизмѣнно державшейся на одномъ уровнѣ съ той поры, какъ они достигли острова Беннета!

Дальше Артуръ Пимъ и Деркъ Питерсъ увидѣли нѣчто такое, что должно было поставить втупикъ и не такихъ людей, какъ они. Передъ ними на горизонтѣ вырисовывалась необъятной ширины преграда. Это были легкіе полупрозрачные пары, сѣроватаго оттѣнка, а надъ ними, какъ султанъ, колебались въ воздухѣ длинныя лучистыя полосы, въ родѣ тѣхъ, какія отбрасываетъ отъ себя сѣверное сіяніе.

Сильное теченіе неудержимо влекло впередъ легкое суденышко, которое быстро летѣло по волнующейся поверхности, жидкой и въ то же время горячей, какъ если бы ее кипятили на сильномъ огнѣ. Сверху падалъ бѣловатый пепелъ, и это еще болѣе усугубило страхъ Ну-Ну, губы котораго судорожно открывались надъ черными зубами...

Начиная съ 9 марта, дождь изъ пепла замѣтно усился, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣтно повысилась и температура воды, до такой степени, что въ нее уже нельзя было опустить руку. Огромная завѣса пара, простирающаяся надъ всѣмъ периметромъ южнаго горизонта, походила на безбрежный водопадъ, скатывающійся съ высоты какого-то огромнаго вала, затерявшагося въ небесныхъ высотахъ. Еще черезъ двѣнадцать дней вѣчный день смѣняется непроницаемою тьмой...

Лодка стремилась къ водопаду съ неудержимою быстротой, причина которой совсѣмъ не объяснена въ повѣствованіи Артура Пима. По временамъ завѣса какъ бы разрывалась, и тогда путешественники видѣли носившіеся въ этомъ хаосѣ какіе-то неясные туманные образы...

Надъ лодкой въ темнотѣ проносились стаи гигантскихъ птицъ, мертвенной бѣлизны, испускавшія одинъ и тотъ же тревожный крикъ: *Текели-ли*... Все это было такъ необычайно и дѣйствовало такъ сильно на умъ бѣднаго дикаря, что онъ не вынесъ и умеръ, такъ сказать, отъ одного только страха.

И вотъ подхваченная какой-то невидимою силой лодка съ головокружительною быстротой кинулась въ пучину водопада, гдѣ передъ пловцами уже открывалась бездна, готовая ихъ поглотить... Но вотъ вдругъ передъ ними показывается фигура человѣка гигантскаго роста... И цвѣтъ кожи у этого человѣка былъ бѣлый, какъ снѣгъ.

Вотъ въ чемъ заключается содержаніе этого страннаго романа, составляющаго плодъ фантазіи величайшаго изъ поэтовъ Новаго Свѣта. Этимъ онъ и кончается... или, лучше сказать, не кончается. Чувствуя себя не въ силахъ придумать подходящую развязку для такихъ приключеній, Эдгаръ Поэ—такъ, по крайней мѣрѣ, кажется мнѣ—ничего не могъ сдѣлать лучше, какъ прервать разсказъ вслѣдствіе будто бы внезапной смерти автора записокъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, главнаго героя романа. При этомъ, какъ бы въ утѣшеніе читателю, онъ обѣщаетъ, что если ему удастся добыть двѣ или три недостающія главы, онѣ непремѣнно будутъ напечатаны.

ГЛАВА VI.

Человѣкъ на льдинѣ.

Плаваніе „Гальбрана“ пока все еще продолжалось при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ,—море было спокойно и вѣтеръ дулъ попутный. Если только погода не измѣнится, то они пройдутъ разстояніе, отдѣляющее островъ Принца Эдуарда отъ Тристанъ д'Акуньи—около двухъ тысячъ трехсотъ миль—не больше, какъ въ двѣ недѣли, какъ это и предсказывалъ боцманъ,—и даже, пожалуй ни разу не придется и переставлять паруса. Съ тѣхъ поръ, какъ установился юговосточный вѣтеръ, вся работа экипажа ограничивается тѣмъ, что по временамъ приходится убирать верхніе паруса.

Впрочемъ управленіе голетомъ капитанъ Ленъ Гай всецѣло возложилъ на своего помощника, лейтенанта Джима Веста, а смѣлый морякъ отдавалъ приказаніе брать рифы только въ ту минуту, когда являлось опасеніе, что вѣтеръ сорветъ и унесетъ рангоутъ. Но я, вообще, не изъ робкихъ, а съ такимъ морякомъ можно было было и подавно не бояться ничего. Ужъ слишкомъ хорошо этотъ человѣкъ зналъ свое дѣло.

— Другого такого не найдешь, какъ нашъ лейтенантъ, — сказалъ мнѣ однажды Герлигерли.—Ему бы, по-настоящему, надо командовать адмиральскимъ кораблемъ!

— Что вѣрно, то вѣрно, — отвѣчалъ я. — Мнѣ и самому Джимъ Вестъ кажется настоящимъ морскимъ волкомъ.

— Ну, да вѣдь и корабль же какой нашъ „Гальбранъ“! Вы можете только радоваться этому, мистеръ Джіорлингъ, да, кстати, похвалить и меня, потому что именно мнѣ удалось заставить капитана Ленъ Гайя измѣнить свое рѣшеніе относительно васъ!

— Если я, и въ самомъ дѣлѣ, попалъ на голетъ только по вашему ходатайству, боцманъ, то благодарю васъ.

— Да и есть за что, потому что капитанъ дьявольски долго колебался, несмотря на просьбы кума Аткинса! Но мнѣ удалось урезонить его.

— Я этого не забуду, боцманъ, ни за что не забуду, потому что, благодаря вашему вмѣшательству, я, вмѣсто того, чтобы пропадать съ тоски на Кергуэленахъ, скоро увижу Тристанъ д'Акунью.

— Черезъ нѣсколько дней, мистеръ Джіорлингъ. Я вотъ еще что хотѣлъ сказать вамъ. Я слышалъ, что и въ Англіи и въ Америкѣ начинаютъ строить теперь такіе корабли, на которыхъ въ трюмѣ будетъ находиться машина, а по бокамъ колеса, которыми они дѣйствуютъ, какъ утка лапами. Ну, что же? Пусть!.. Поживемъ — увидимъ, а не увидимъ, такъ услышимъ, какъ-то еще будутъ ходить на колесахъ эти корабли. А если они даже и будутъ ходить по морю, я увѣренъ, что имъ все-таки никогда не сравниться съ хорошимъ фрегатомъ, когда онъ бѣжитъ на всѣхъ парусахъ подъ свѣжимъ вѣтромъ. Хорошему кораблю, мистеръ Джіорлингъ, нѣтъ надобности въ колесахъ для того, чтобы плавать по морю,—ему не страшенъ никакой штиль!

Я ровно ничего не могъ сказать въ опроверженіе мнѣнія боцмана относительно примѣненія пара въ мореплаваніи. Дѣло это въ то время было еще совсѣмъ новое, и винтъ не успѣлъ еще замѣнить колесныя лопасти. А что будетъ потомъ... отвѣтить на это я, конечно, не могъ въ то время.

Въ эту минуту мнѣ почему-то вспомнилось, что „Джэнъ“,—тотъ самый голетъ „Джэнъ“, о которомъ капитанъ Ленъ Гай говорилъ мнѣ съ такой увѣренностью, какъ если бы онъ существовалъ и въ самомъ дѣлѣ, какъ если бы самъ капитанъ видѣлъ его своими собственными глазами, — прошелъ разстояніе отъ острова Принца Эдуарда до Тристанъ д'Акунь и ровно въ пятнадцать дней. Правда, ему помогало при этомъ то обстоятельство, что Эдгаръ Поэ управлялъ стихіями по своему собственному желанію.

Тутъ я долженъ замѣтить, что въ продолженіе слѣдующихъ двухъ недѣль капитанъ Ленъ Гай не заговаривалъ со мной больше объ Артурѣ Пимѣ. Казалось, что онъ будто никогда ничего мнѣ даже и не говорилъ о приключеніяхъ этого героя южныхъ морей. Впрочемъ, если бы онъ не отказался отъ надежды убѣдить меня въ истинѣ того, о чемъ трактуется въ романѣ Эдгара Поэ, это доказывало бы только, что онъ, если и не сумасшедшій, то, во всякомъ случаѣ, человѣкъ съ умомъ очень ограниченнымъ. Не понимаю, какъ могъ разумный человѣкъ отнестись такъ серьезно къ этой фантастической сказкѣ? Никто, повторяю еще разъ, не могъ принять романъ Эдгара Поэ за что-нибудь другое, кромѣ какъ за плодъ фантазіи писателя. Исключеніе составлялъ развѣ только одинъ капитанъ Ленъ Гай, своего рода маніакъ, для котораго это была уже не сказка, а преслѣдовавшая его idée fixe.

Подумайте только! Англійскій голетъ достигъ восемьдесятъ четвертаго градуса южной широты, и такое событіе, по какимъ-то необъяснимымъ причинамъ, не сдѣлалось достояніемъ ученаго міра!.. Артуръ Пимъ, совершившій путешествіе чуть не къ самому южному полюсу, остался все тѣмъ же никому неизвѣстнымъ человѣкомъ, и имя его не произносится учеными географами рядомъ съ именами Кука, Уэделля и Бискоё!.. Неужели ему и Дерку Питерсу, этимъ двумъ знаменитостямъ съ голета „Джэнъ“, проникнувшимъ даже за восемьдесятъ четвертую параллель, не были бы оказаны должныя почести? Затѣмъ, можно ли вѣрить, что имъ удалось открыть свободное море? Это необыкновенно быстрое теченіе, увлекавшее ихъ къ полюсу; ненормально высокая температура морской воды, подогрѣваемой снизу до такой степени, что въ воду нельзя было даже опустить руку; эта завѣса изъ паровъ, застилавшая горизонтъ; этотъ водопадъ, который раскрывается, и позади котораго появляется человѣческая фигура гигантскаго роста?..

Кромѣ того, мнѣ любопытно еще было бы узнать, какимъ образомъ удалось вернуться Артуру Пиму и Дерку Питерсу изъ такого далека, на жалкой лодченкѣ, похищенной у дикарей острова Тсалаль. Проплыть разстояніе чуть не въ двадцать градусовъ на лодкѣ съ гребками, вмѣсто веселъ, пробиться сквозь границу сплошного льда и затѣмъ добраться до ближайшей земли, — все это такіе важные факты, что можно только удивляться, что Артуръ Пимъ умеръ раньше, чѣмъ успѣлъ дописать послѣднія главы своего разсказа... Согласенъ! Ну, а можно ли повѣрить тому, что онъ ни слова не сказалъ обо всемъ

этомъ издателю „Southern Literary Messenger“?.. Зачѣмъ и почему бы, наконецъ, Деркy Питерсу, нѣсколько лѣтъ прожившему въ Иллинойсѣ, такъ упорно хранить молчаніе о томъ, что составляло самую интересную часть ихъ приключеній? Остается предположить только одно, что у него была какая-нибудь особенная причина молчать.

Правда, капитанъ Ленъ Гай, по его же словамъ, былъ въ Вандаліи, гдѣ, какъ увѣряетъ романистъ, будто бы жилъ Деркъ Питерсъ, и не нашелъ тамъ его... Еще бы найти! Деркъ Питерсъ, какъ и Артуръ Пимъ, существовали только въ разстроенномъ воображеніи американскаго поэта... И, согласитесь сами, развѣ все это не доказываетъ необычайной мощи этого генія, разъ онъ могъ повліять на нѣкоторыхъ людей такъ сильно, что они приняли за дѣйствительное то, что было только плодомъ фантазіи?

Я, конечно отлично понималъ, что капитанъ отнесся бы ко мнѣ очень недружелюбно, если бы я опять сталъ спорить съ нимъ по этому поводу, и всѣ мои доказательства разбились бы о неприступную скалу — объ его idée fixe! Онъ сталъ какъ будто еще угрюмѣе, еще больше замкнулся въ себя и не показывался уже больше на палубѣ голета, за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда это было необходимо... И тогда взоры его все время упрямо были обращены на южную сторону горизонта, который они пытались проникнуть. Кто знаетъ, можетъ-быть, ему казалось, что онъ видитъ эту туманную завѣсу и лучезарный блескъ, вырывавшійся изъ глубинъ моря и бѣлаго великана, показывающаго ему путь черезъ бездны водопада.

Странный маніакъ, нашъ капитанъ! Къ счастью, во всемъ остальномъ, что не касалось пункта его помѣшательства, умъ его сохранялъ обычную ясность. Что же касается его способностей и познаній какъ моряка, то онѣ тоже остались нетронутыми, и боязнь, что онъ не въ состояніи будетъ командовать голетомъ, не имѣла основаній.

Я долженъ сознаться, что мнѣ очень хотѣлось узнать настоящую причину, почему именно капитанъ Ленъ Гай такъ интересовался воображаемыми матросами и капитаномъ брига „Джэнъ“. Если даже и повѣрить въ истину разсказа Артура Пима и допустить, что англійскій голетъ прошелъ черезъ эту недоступную часть океана,— это все-таки не даетъ отвѣта на вопросъ о причинѣ скорби Лена Гайя. Если даже кой-кто изъ матросовъ „Джэнъ“ и капитанъ или нѣкоторые изъ офицеровъ и остались живы, несмотря на страшный взрывъ и провалъ почвы, устроенный туземцами острова Тсалаля, — есть ли какое-нибудь основаніе разсчитывать, что они живы еще и до сихъ поръ? Съ того времени, какъ происходили эти событія, прошло одиннадцать лѣтъ, основываясь на числовыхъ данныхъ, указанныхъ Артуромъ Пимомъ; а поэтому, если даже и допустить, что эти несчастные какимъ-то чудомъ и не попали затѣмъ въ руки островитянъ,—не могли же они существовать, питаясь однимъ воздухомъ и, навѣрное, должны были давнымъ-давно погибнуть всѣ до послѣдняго.

Эге! Однако, я дошелъ до того, что уже и самъ началъ серьезно оспаривать подобныя гипотезы, хотя онѣ и ровно ни на чемъ не основываются!.. Еще немного, и я готовъ былъ повѣрить въ существованіе Артура Пима, Деркa Питерса, ихъ спутниковъ и даже голета „Джэнъ“!.. Неужели и я заразился безуміемъ отъ капитана Ленъ Гайя?.. Да, — и

въ самомъ дѣлѣ, развѣ не поймалъ я недавно себя самого за такимъ страннымъ дѣломъ, какъ сравненіе дороги, по которой проходила „Джэнъ“, поднимаясь на западъ, и той, по которой шелъ „Гальбранъ“, приближаясь къ Тристанъ д'Акуньѣ?..

Настало 3-е сентября. Если не произойдетъ никакой задержки,— а она могла бы произойти только вслѣдствіе какой-нибудь непредвидѣнной морской аваріи,— черезъ три дня нашъ голетъ будетъ уже въ виду порта. Впрочемъ, высота горныхъ вершинъ главнаго острова группы такова, что въ хорошую погоду ихъ видно на очень большомъ разстояніи.

Въ этотъ день, между десятью и одиннадцатью часами утра, я прогуливался по подвѣтряной сторонѣ палубы отъ носу къ кормѣ и обратно. Голетъ тихо скользилъ по слегка волновавшейся поверхности океана. Въ это время „Гальбранъ“ можно было бы принять за большую птицу,— за одинъ изъ видѣнныхъ Артуромъ Пимомъ гигантскихъ альбатросовъ,— раскрывшую свои широкія крылья и уносившую цѣлый экипажъ въ пространство. Да! Для мечтательнаго ума это уже было не обыкновенное плаваніе — это былъ полетъ, а трепетанье парусовъ — взмахи крыльевъ!

Джимъ Вестъ, стоя у брашпиля, подъ защитой форъ-стакселя, съ зрительной трубкой у глаза, разсматривалъ за вѣтромъ съ бакборда предметъ, плававшій въ двухъ или трехъ миляхъ отъ голета, на который матросы, перевѣсившись за бортъ, указывали пальцами.

Это была какая-то неопредѣленная масса, занимавшая пространство въ десять-двѣнадцать квадратныхъ ярдовъ, неправильной формы, съ выпуклостью въ центральной части. Масса эта то поднималась, то опускалась вмѣстѣ съ волнами, перемѣщавшимися въ сѣверозападномъ направленіи.

Я направился къ носовой части судна и внимательно сталъ разсматривать загадочный предметъ.

Съ того мѣста, гдѣ я находился, мнѣ были отлично слышны разговоры матросовъ, очень живо интересующихся всѣмъ, что попадается на глаза въ океанѣ.

— Это вовсе не китъ, — объявилъ старшій канатчикъ, Мартинъ Гольтъ.— Онъ уже, навѣрное, выдулъ бы изъ себя воду одинъ или два раза съ тѣхъ поръ, какъ мы на него смотримъ!

— Ужъ, конечно, здѣсь и рѣчи не можетъ быть о китѣ,— подтвердилъ Гарди, старшій конопатчикъ. — Можетъ-быть, это кузовъ какого-нибудь покинутаго корабля...

— Чортъ бы его побралъ! — проворчалъ Роджерсъ. — Не дай Богъ наскочить на него ночью! Тутъ есть чѣмъ продырявить себѣ скулы и пойти ко дну раньше, чѣмъ успѣешь опомниться!

— Это правда, — добавилъ Дрэпъ. — Всѣ такіе обломки гораздо опаснѣе утеса, потому что одинъ день они здѣсь, другой тамъ, и никакъ отъ нихъ не убережешься!..

Тутъ подошелъ Герлигерли.

— Что это, по вашему мнѣнію, боцманъ? — спросилъ я его, когда онъ сталъ, облокотившись возлѣ меня.

Герлигерли внимательно смотрѣлъ нѣсколько минутъ, и такъ какъ голетъ, благодаря свѣжему вѣтру, быстро приближался къ намѣченной цѣли, ему уже было гораздо легче опредѣлить, что именно видитъ онъ впереди.

— По моему, мистеръ Джіорлингъ, — сказалъ боцманъ, — то, что тамъ плаваетъ, не похоже ни на дельфина-великана ни на обломки корабля, а просто-напросто льдина...

— Льдина!..— вскричалъ я.

— Герлигерли говоритъ правду, — подтвердилъ Джимъ Вестъ. — Это льдина, кусокъ ледяной коры, которую занесло сюда теченіе.

— Не можетъ быть! — продолжалъ я. — Теченіе загнало льдину до сорокъ-пятой параллели!

— Это бываетъ, сэръ, — отвѣчалъ лейтенантъ. — Льдины встрѣчаются иногда даже на траверсѣ Капа, по словамъ одного французскаго мореплавателя, капитана Блосвиля, видѣвшаго льдины подъ этой широтой въ 1828 году.

— Во всякомъ случаѣ, она должна скоро растаять, — проговорилъ я, очень удивленный, что лейтенантъ Джимъ Вестъ почтилъ меня такимъ длиннымъ отвѣтомъ.

— Она, должно-быть, уже и такъ много убавилась дорогой, — подтвердилъ лейтенантъ.— Этотъ кусокъ — все, что осталось отъ ледяной горы, которая вѣсила, навѣрное, тысячи тоннъ.

Капитанъ Ленъ Гай только что вышелъ изъ рубки и, увидѣвъ группу матросовъ, сбившихся около Джима Веста, направился къ нимъ.

Послѣ нѣсколькихъ словъ, произнесенныхъ шопотомъ, лейтенантъ передалъ ему свою зрительную трубку.

Ленъ Гай направилъ ее на плававшій предметъ, отъ котораго голетъ былъ теперь не больше, какъ въ одной милѣ, и смотрѣлъ на него съ минуту.

— Это льдина, — сказалъ онъ, — которая, къ счастью, таетъ! „Гальбранъ“ могъ бы получить очень серьезныя поврежденія, если бы налетѣлъ на нее ночью...

Меня очень удивило то вниманіе, съ какимъ капитанъ Ленъ Гай дѣлалъ наблюденіе. Казалось, глазъ его не могъ оторваться отъ стекла зрительной трубки, ставшаго, такъ сказать, зрачкомъ его глаза. Онъ стоялъ совершенно неподвижно, точно онъ былъ прибитъ къ палубѣ. Нечувствительный къ боковой и килевой качкѣ, благодаря долгой привычкѣ, онъ твердо держалъ въ рукахъ зрительную трубку и не спускалъ глазъ со льдины. На его загорѣломъ лицѣ, какъ мнѣ показалось, игралъ подозрительный чахоточный румянецъ и съ устъ его срывались какія-то непонятныя слова.

Прошло нѣсколько минутъ. „Гальбранъ“ шелъ очень быстро, и льдина, которую теченіемъ относило въ сторону, скоро должна была остаться за кормой.

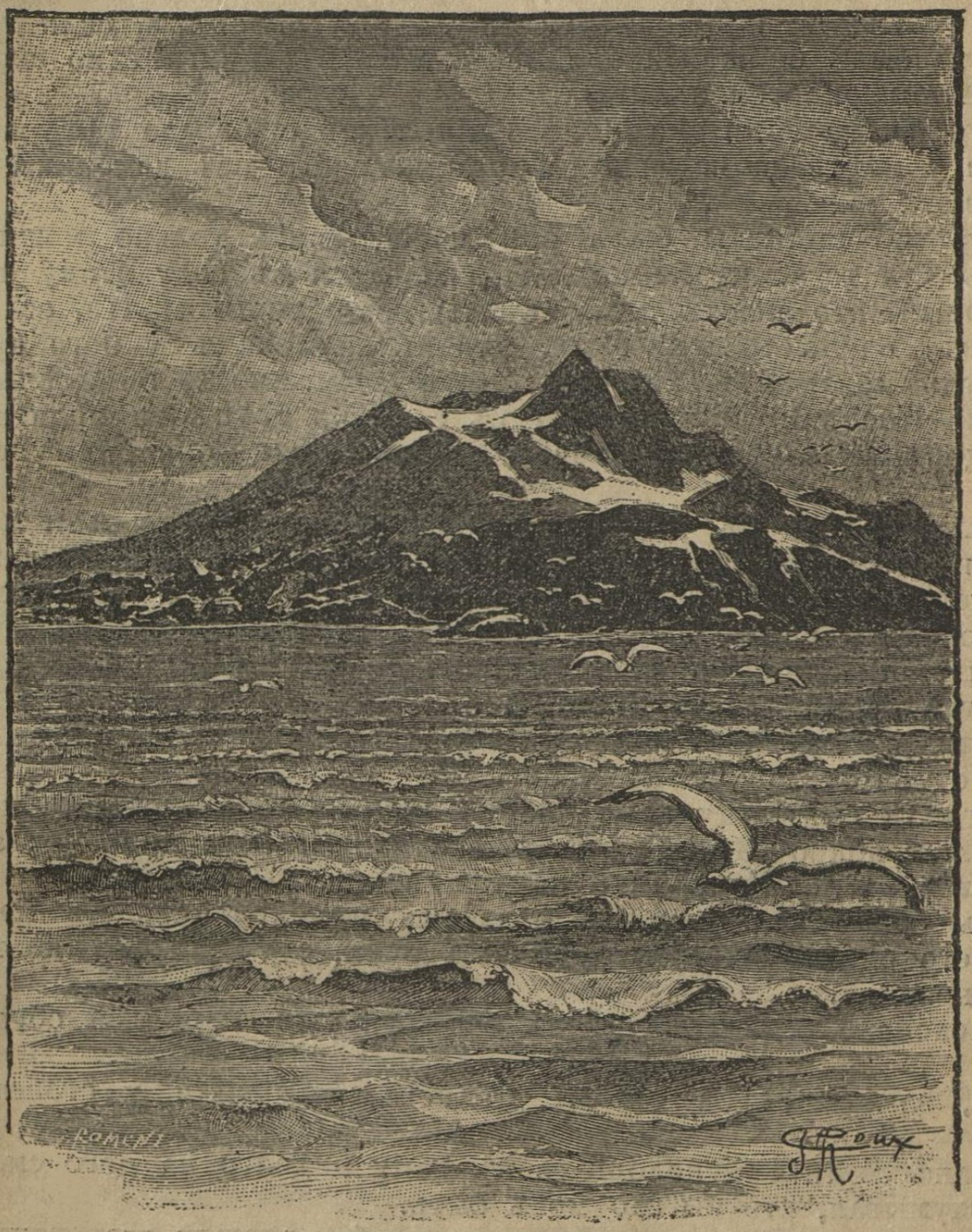
— Держите на льдину, — сказалъ капитанъ Ленъ Гай, не опуская своей зрительной трубки.

Я понималъ, что происходило въ это время въ умѣ этого человѣка, подъ вліяніемъ его idée fixe. Этотъ кусочекъ льда плылъ изъ тѣхъ мѣстъ, куда такъ неотступно влекло самого капитана... Онъ хотѣлъ видѣть ее ближе... можетъ-быть, даже подойти къ ней... можетъ-быть, онъ даже надѣялся найти на ней какой-нибудь обломокъ...

Между тѣмъ, по приказанію, отданному Джимомъ Вестомъ, боцманъ слегка ослабилъ шкоты, и голетъ, сдѣлавъ поворотъ въ четверть румба, направился къ льдинѣ.

Скоро мы были отъ нея всего въ двухъ кабельтовахъ, и я могъ видѣть льдину уже простыми глазами.

Какъ я уже говорилъ и какъ замѣтили уже и матросы, центральная выпуклость таяла со всѣхъ сторонъ. Струйки воды сбѣгали въ море. Въ сентябрѣ солнце въ этихъ широтахъ припекаетъ очень сильно, и



Тристанъ д'Акунья.

къ концу дня, навѣрное, ничего не останется отъ этой льдины, загнанной теченіями къ сорокъ-пятой параллели.

Капитанъ Ленъ Гай все еще продолжалъ смотрѣть на нее, не имѣя уже надобности прибѣгать къ зрительной трубкѣ. Можно было даже различить какое-то постороннее тѣло, которое мало-по-малу освобождалось, по мѣрѣ того, какъ происходило таяніе, — предметъ темноватаго цвѣта, распростертый на бѣломъ ложѣ.

Каково же было наше удивленіе, смѣшанное съ ужасомъ, когда мы увидѣли сначала руку, потомъ ногу, потомъ туловище и, наконецъ, голову...

Одну минуту мнѣ показалось даже, что человѣкъ этотъ шевелится... протягиваетъ руки къ намъ...

Матросы невольно вскрикнули, и крикъ этотъ долженъ былъ непремѣнно услышать находившійся на льдинѣ человѣкъ, если только...

Нѣтъ! то былъ не живой человѣкъ, а трупъ, и онъ тихо скользилъ по гладкой поверхности льдины...

Я смотрѣлъ на капитана Ленъ Гайя. Лицо его было такъ же блѣдно, какъ и у мертвеца на льдинѣ, приплывшаго изъ далекихъ странъ южнаго пояса!

Сейчасъ же приняты были всѣ мѣры, какія только можно было употребить для того, чтобы не дать свалиться въ воду этому несчастному, который, кто знаетъ, можетъ-быть, еще дышитъ! Но, если даже это и трупъ, очень можетъ быть, что въ карманахъ у него найдется какой-нибудь документъ, который дастъ возможность опредѣлить, кто онъ такой! Послѣ того, зашитый въ саванъ, трупъ съ молитвой будетъ опущенъ въ глубины океана, — это кладбище моряковъ, умершихъ въ морѣ!

Спустили лодку. Въ нее помѣстился боцманъ у руля и матросы, Грэціанъ и Фрэнсисъ, на веслахъ. При помощи особой постановки парусовъ, пересѣченіемъ форъ-стакселя и кливеровъ и вытягиваніемъ всѣхъ шкотовъ и косого грота, Джимъ Вестъ остановилъ ходъ голета, который почти неподвижно стоялъ на одномъ мѣстѣ, то поднимаясь, то опускаясь на длинныхъ волнахъ.

Я слѣдилъ глазами за лодкой, которая осторожно приблизилась къ льдинѣ, подтачиваемой волнами.

Герлигерли выпрыгнулъ на льдину въ такомъ мѣстѣ, гдѣ на глаза ледъ казался попрочнѣе. Грэціанъ послѣдовалъ его примѣру, а Фрэнсисъ остался въ лодкѣ, крѣпко прицѣпившись къ льдинѣ.

Затѣмъ боцманъ и матросъ ползкомъ приблизились къ мертвецу, схватили его одинъ за ноги, другой за руки, стащили его внизъ и положили въ лодку.

Въ нѣсколько взмаховъ веселъ боцманъ уже вернулся обратно къ голету.

Трупъ, замерзшій съ головы до ногъ, положили у степса фокъ-мачты.

Капитанъ Ленъ Гай подошелъ къ нему и долго на него смотрѣлъ, точно раздумывая, кто бы это могъ быть.

Это былъ трупъ моряка, одѣтаго въ грубую одежду, шерстяныя панталоны, заплатанную голланку, рубашку изъ толстаго мультона и, кромѣ того, на немъ былъ поясъ, дважды обвивавшій его станъ. Не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что смерть его послѣдовала уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, — немного спустя послѣ того, какъ этотъ несчастный былъ увлеченъ вмѣстѣ съ льдиной въ открытый океанъ.

Человѣкъ, котораго привезли на голетъ, казался не старше сорока лѣтъ, хотя волосы у него и посѣдѣли. Онъ былъ худъ ужасно — это былъ скелетъ, кости котораго выдавались изъ-подъ кожи. Онъ долженъ былъ выносить всѣ эти ужасныя мученія голода въ продолженіе длиннаго

пути на пространствѣ, по крайней мѣрѣ, въ двадцать градусовъ отъ антарктическаго пояса.

Капитанъ Ленъ Гай осторожно сдвинулъ примерзшіе ко лбу волосы у мертвеца, приподнялъ голову, открылъ вѣки, долго смотрѣлъ въ тусклые глаза покойника и, наконецъ, вмѣстѣ съ рыданіемъ, у него вырвалось восклицаніе:

— Паттерсонъ!.. Паттерсонъ!..

— Паттерсонъ!.. — вскричалъ я.

И мнѣ показалось, что это имя, хотя оно было и очень обыкновенно, напоминаетъ мнѣ что-то знакомое! Гдѣ и когда слышалъ я это имя?.. Или, можетъ-быть, я только читалъ?..

Въ это время капитанъ Ленъ Гай медленно обводилъ глазами горизонтъ и, казалось, точно собирался отдать приказаніе повернуть голетъ и итти на югъ.

Тѣмъ временемъ боцманъ, по приказанію Джима Веста, запустилъ свою руку въ карманы мертвеца. Онъ вытащилъ оттуда ножъ, обрывокъ нитки, пустую табакерку и, наконецъ, записную книжку въ кожаномъ переплетѣ, съ маленькимъ металлическимъ карандашомъ.

Капитанъ Ленъ Гай обернулся въ ту минуту, когда Герлигерли протягивалъ книжку Джиму Весту, и сказалъ:

— Дай мнѣ.

Въ книжкѣ было исписано нѣсколько листковъ, хотя написанное и было почти все уничтожено сыростью. Но зато на послѣдней страницѣ виднѣлись слова, которыя еще можно было разобрать, и можно себѣ вообразить, какое охватило меня волненіе, когда я услышалъ, какъ капитанъ Ленъ Гай прочелъ дрожащимъ голосомъ:

„Джэнъ“... островъ Тсалаль... подъ восемьдесятъ третьей... Тамъ... одиннадцать лѣтъ... капитанъ... пять матросовъ остались живы... Спѣшите къ нимъ на помощь...

Дальше слѣдовала подпись: *Паттерсонъ.*

Паттерсонъ!.. Тутъ я все вспомнилъ!.. Это былъ подшкиперъ „Джэнъ“... подшкиперъ того голета, который спасъ Артура Пима и Дерка Питерса съ обломковъ „Грампуса“... „Джэнъ“, значитъ, и въ самомъ дѣлѣ проникала такъ далеко и была у острова Тсалаль... „Джэнъ“, на которую потомъ напали островитяне и которая затѣмъ погибла во время пожара, вслѣдствіе взрыва крюйтъ-камеры!

Итакъ, значитъ, все это правда?.. Эдгаръ Поэ писалъ не какъ романистъ, а какъ историкъ?.. Значитъ, у него, и въ самомъ дѣлѣ, былъ въ рукахъ дневникъ Артура Гордона Пима?.. Значитъ, онъ не выдумалъ героя своего романа, — онъ лицо живое?.. Артуръ Пимъ существуетъ, или, правильнѣе сказать, существовалъ... онъ... не плодъ фантазіи художника!.. И онъ умеръ... внезапно, при самыхъ необыкновенныхъ, оставшихся невыясненными, обстоятельствахъ раньше, чѣмъ докончилъ описаніе своего необыкновеннаго путешествія!.. Какъ далеко удалось ему проникнуть къ югу, послѣ того, какъ онъ бѣжалъ съ острова Тсалаль вмѣстѣ съ Деркомъ Питерсомъ... и какимъ образомъ могли они оба возвратиться назадъ въ Америку?..

Мнѣ начинало казаться, что меня постигла участь капитана Ленъ Гайя, и я такъ же, какъ и онъ, схожу съ ума. Нѣтъ! я просто ослышался... я не такъ понялъ. Это мнѣ померещилось!..

А между тѣмъ, какъ не обратить самаго серьезнаго вниманія на документальное доказательство, найденное въ карманахъ одежды подшкипера „Джэнъ“, Паттерсона, неопровержимо подтверждающее истину словъ Артура Пима?.. Затѣмъ можетъ ли еще остаться какое-нибудь сомнѣніе, послѣ того, какъ Джиму Весту, волновавшемуся менѣе всѣхъ остальныхъ, удалось разобрать остальные обрывки фразъ:

„3 іюня меня унесло теченіемъ къ сѣверу отъ острова Тсалаль!.. Тамъ... еще остались... капитанъ Уилльямъ Гай и пятеро изъ матросовъ съ голета „Джэнъ“... мою льдину несетъ вѣтромъ и теченіемъ черезъ сплошные льды... Провизіи у меня очень мало... 13 іюня... провизія вся вышла... Сегодня... 16 іюня... я умру...“

Такимъ образомъ, тѣло Паттерсона уже около трехъ мѣсяцевъ носилось по волнамъ на льдинѣ, встрѣченной нами по пути отъ Кергуэленъ къ Тристанъ д'Акуньѣ!.. Ахъ! почему намъ не посчастливилось спасти подшкипера „Джэнъ“!.. Онъ могъ бы разсказать намъ все то, чего мы не знали и чего, можетъ-быть, и никогда не узнаемъ, — окончаніе этого таинственнаго и въ то же время ужаснаго приключенія!..

Я долженъ былъ, наконецъ, повѣрить тому, что казалось мнѣ до сихъ поръ химерой. Капитанъ Ленъ Гай зналъ раньше Паттерсона и теперь въ моемъ присутствіи призналъ въ этомъ замерзшемъ трупѣ своего стараго знакомаго!.. Онъ сопровождалъ капитана „Джэнъ“, когда тотъ во время стоянки на Кергуэленахъ зарывалъ бутылку, въ которую было вложено извѣстное письмо; а между тѣмъ я ни за что не хотѣлъ вѣрить въ подлинность этого письма!.. Оказывается, что бывшій капитанъ и матросы „Джэнъ“, не погибнувшіе во время катастрофы, уже цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ жили на островѣ Тсалаль, тщетно ожидая помощи!

Такъ постепенно совершилось въ моемъ возбужденномъ умѣ сближеніе двухъ именъ, которое и должно было объяснить мнѣ интересъ, который возбуждало въ нашемъ капитанѣ все, что напоминало о приключеніяхъ Артура Пима.

Ленъ Гай обернулся ко мнѣ и, смотря на меня въ упоръ, сказалъ:

— Теперь вы вѣрите?..

— Да... да!.. — пробормоталъ я. — Но капитанъ Уилльямъ Гай съ голета „Джэнъ“...

— И капитанъ Ленъ Гай съ „Гальбрана“ родные братья!— крикнулъ онъ мнѣ въ отвѣтъ громовымъ голосомъ, который былъ слышенъ всѣмъ экипажемъ.

Потомъ, когда наши глаза снова направились на то мѣсто, гдѣ плавала льдина, оказалось, что двойное вліяніе солнечныхъ лучей и воды сдѣлало свое дѣло, и на поверхности океана не видно уже было и слѣдовъ отъ громаднаго куска льда, приплывшаго чуть не отъ южнаго полюса.

ГЛАВА VII.

Тристанъ д'Акунья.

Черезъ четыре дня „Гальбранъ“ уже подходилъ къ острову Тристанъ д'Акуньѣ.

Нечего, конечно, и говорить, какъ странно казалось это случайное совпаденіе фактовъ!... Эта удивительная находка льдины и на ней трупа Паттерсона больше, чѣмъ въ пятистахъ миляхъ отъ южнаго полярнаго круга! А тутъ еще оказывается, что командиръ „Гальбрана“ капитанъ Ленъ Гай и командиръ „Джэнъ“ — родные братья!.. Да, все это должно казаться больше, чѣмъ невѣроятнымъ... А между тѣмъ, все это ровно ничто въ сравненіи съ тѣмъ, о чемъ я еще долженъ разсказать!..

Я не говорю уже о томъ, — и это удивляло и поражало и меня самого, — что записки Артура Пима не вымыселъ, а самая настоящая дѣйствительность. Прежде всего возмутился мой умъ... Я рѣшилъ закрыть глаза и не видѣть и не слышать того, что говорило само за себя!

Въ концѣ концовъ, пришлось сдаться, и послѣднія мои сомнѣнія исчезли вмѣстѣ съ тѣломъ Паттерсона въ глубинахъ океана.

Кромѣ того, оказалось, что не только капитанъ Ленъ Гай связанъ былъ узами родства съ героями этой драматической и правдивой исторіи, но, какъ я узналъ — и очень скоро — нашъ парусный старшина тоже имѣлъ родственника на „Грампусѣ“. Оказывалось, что Мартинъ Гольтъ былъ братомъ одного изъ лучшихъ матросовъ „Грампуса“, погибшаго вмѣстѣ съ другими товарищами передъ тѣмъ, какъ голетъ „Джэнъ“ принялъ на бортъ Артура Пима и Дерка Питерса.

Итакъ, на островѣ Тсалаль между восемьдесятъ-третьей и восемьдесятъ-четвертой параллелями южной широты жили въ настоящее время англійскіе моряки, въ числѣ шести человѣкъ, которыхъ забросила туда судьба одиннадцать лѣтъ тому назадъ... Капитанъ Уилльямъ Гай, подшкиперъ Паттерсонъ и пять матросовъ съ голета „Джэнъ“ какимъ-то чудомъ не попали въ руки дикарей Клокъ-Клока!..

Интересно бы знать, что предприметъ теперь капитанъ Ленъ Гай?.. Могла ли быть хоть тѣнь сомнѣнія въ томъ, что онъ сдѣлаетъ все, чтобы спасти всѣхъ оставшихся живыми?.. Онъ поведетъ свой „Гальбранъ“ къ меридіану, указанному Артуромъ Пимомъ!.. Онъ поведетъ его до острова Тсалаль, упомянутаго въ записной книжкѣ Паттерсона... Его лейтенантъ Джимъ Вестъ поѣдетъ туда, куда онъ ему прикажетъ... Его экипажъ, не задумываясь, послѣдуетъ за нимъ, и страхъ передъ опасностями, которыя, можетъ-быть, ждутъ экспедицію на пути, не остановитъ ихъ... Духъ капитана вдохновитъ ихъ, твердая рука лейтенанта поведетъ ихъ...

Такъ вотъ почему капитанъ Ленъ Гай такъ упрямо отказывался принимать пассажировъ на свой голетъ!.. Вотъ почему онъ сказалъ мнѣ, что маршрутъ его голета никогда не бываетъ точно опредѣленъ!.. Онъ все это время надѣялся, что ему представится случай предпринять путешествіе въ полярное море!..

И я даже имѣю причины предполагать, что если бы „Гальбранъ“ могъ сейчасъ же отправиться въ эту экспедицію, капитанъ Ленъ Гай отдалъ бы приказаніе измѣнить курсъ и итти на югъ... И, какъ я, впрочемъ, и предвидѣлъ передъ отъѣздомъ, я не могъ бы заставить его отказаться отъ этого намѣренія и высадить меня на Тристанъ д'Акуньѣ.

Впрочемъ, прежде, чѣмъ плыть къ южному полюсу, онъ все равно долженъ былъ бы зайти на этотъ островъ запастись прѣсной водой, тѣмъ болѣе, что до Тристанъ д'Акуньи намъ оставалось итти всего какихъ-нибудь трое сутокъ. Можетъ-быть, тамъ окажется еще возможнымъ немного перестроить голетъ и привести его въ такой видъ, что онъ будетъ въ состояніи бороться съ ледяными горами и достигнуть свободнаго моря, разъ оно свободно по ту сторону восемьдесятъ-второй параллели, и пройти дальше, чѣмъ удавалось проникнуть Куку, Уеделю, Биское и Кемпъ... Можетъ-быть, наконецъ, онъ рискнетъ совершить то же самое, что пытается въ это время сдѣлать лейтенантъ американскаго флота Уилькъ!

Меня, впрочемъ, это мало касается, и, высадившись на Тристанъ д'Акуньѣ, я подожду тамъ прихода другого корабля. Затѣмъ, если бы „Гальбранъ“ даже и былъ въ этомъ видѣ пригоденъ для совершенія подобной экспедиціи, — теперь было не время отправляться въ путешествіе съ цѣлью пересѣчь южный полярный кругъ. И въ самомъ дѣлѣ, сентябрь только еще начался, и должно было пройти, по крайней мѣрѣ, еще два мѣсяца, прежде чѣмъ южное лѣто разорветъ сплошной ледъ и начнется таяніе снѣговъ.

Въ южномъ полушаріи — мореплавателямъ это, впрочемъ, хорошо извѣстно — только съ половины ноября до начала марта можно предпринимать подобныя смѣлыя попытки съ надеждой на нѣкоторый успѣхъ. Температура тогда бываетъ болѣе сносна, бури не такъ часты, въ ледяныхъ поляхъ образуются удобные проходы для судовъ и незаходящее солнце освѣщаетъ эти отдаленныя области. Отправляясь въ такое путешествіе, нужно строго соблюдать всѣ необходимыя правила предосторожности, и капитану „Гальбрана“ нельзя было ничего упускать изъ вида. Поэтому, если даже такое путешествіе и должно совершиться, нашъ голетъ сначала долженъ будетъ запастись на Тристанъ д'Акуньѣ прѣсной водой и свѣжей провизіей, а потомъ уже итти или къ Фалькландскимъ островамъ, или въ какой-нибудь изъ американскихъ портовъ, гдѣ ему, конечно, гораздо легче будетъ заняться починкой и исправленіями, чѣмъ на этомъ островѣ, уединенно лежащемъ среди водяной пустыни южной атлантики.

Когда атмосфера чиста, то островъ виденъ за восемьдесятъ-пять и даже за девяносто миль. Всѣ эти свѣдѣнія о Тристанъ д'Акуньѣ я добылъ отъ боцмана. Онъ бывалъ тамъ уже нѣсколько разъ, и поэтому слова его заслуживали полнаго довѣрія.

Тристанъ д'Акунья лежитъ на югѣ пояса правильныхъ юго-западныхъ вѣтровъ. Климатъ тамъ теплый и сырой, и температура тамъ не бываетъ ниже двадцати-пяти градусовъ по Фаренгейту (около 4° С. ниже нуля) и выше шестидесяти-восьми (20° С. выше нуля). Господствующіе вѣтры западные и сѣверо-западные, а зимой — августъ и сентябрь — южные.

Островъ сталъ обитаемъ съ 1811 года. Первыми появились на немъ американцы во главѣ съ Ламбертомъ, снарядившіе сюда экспедицію для охоты на морскихъ млекопитающихъ. Послѣ нихъ здѣсь поселились англійскіе солдаты, которымъ поручено было наблюдать за тою частью океана, которая окружала „Св. Елену"; они уѣхали съ острова только послѣ смерти Наполеона въ 1821 г.

Лѣтъ черезъ тридцать или сорокъ Тристанъ д'Акунья насчитывалъ уже сотню жителей, довольно красиваго типа, происшедшихъ отъ смѣшанныхъ браковъ европейцевъ, американцевъ и голландцевъ съ Кала, и на островѣ образовалась республика съ патріархомъ во главѣ, — тѣмъ изъ отцовъ семействъ, у котораго было больше дѣтей. Кончилось все это тѣмъ, что республика признала верховную власть Великобританіи; но въ 1839 году, т. е. въ то время, когда меня везъ туда „Гальбранъ", дѣло еще до этого не доходило.

Впрочемъ, какъ я скоро и самъ въ этомъ убѣдился, Тристанъ д'Акунья вовсе не стоила того, чтобы особенно интересоваться такимъ пріобрѣтеніемъ. А между тѣмъ, какъ это ни странно, въ XVI вѣкѣ этотъ островъ почему-то назывался не иначе, какъ „Земля жизни". Если у нея и имѣется своя спеціальная флора, то вся эта флора ограничивается исключительно папоротниками, плавунами, кое-какими злаками и ковылемъ, покрывающимъ нижніе склоны горъ. Что касается домашнихъ животныхъ, то быки, овцы и свиньи составляютъ единственное богатство и служатъ даже предметомъ хотя и очень незначительной торговли съ островомъ Св. Елены. Зато на всемъ островѣ нѣтъ ни одного пресмыкающагося, ни одного насѣкомаго, а лѣса даютъ пріютъ не особенно опасному хищнику — кошкѣ, вернувшейся къ дикому состоянію.

Изъ деревьевъ въ дикомъ состояніи здѣсь растетъ только одна придорожная игла, высотою отъ восемнадцати до двадцати футовъ. Впрочемъ, обитатели острова не чувствуютъ недостатка въ древесномъ матеріалѣ, потому что теченіями прибиваетъ къ острову немало плавучихъ деревьевъ, которыя и идутъ частью на топливо, а частью — на поддѣлки и на постройки. Изъ огородныхъ растеній здѣсь можно было получить капусту, свекловицу, лукъ, рѣпу, тыкву, а въ качествѣ лакомства — груши, персики и виноградъ, нельзя сказать, чтобы особенно хорошій. Затѣмъ я еще долженъ прибавить, что орнитологу-коллекціонеру можно было бы охотиться только на чаекъ, глупышей, пингвиновъ и альбатросовъ. Царство пернатыхъ Тристанъ д'Акуньи не могло бы доставить ему ничего другого.

Утромъ, 5-го сентября, наконецъ, показалась впереди вершина вулкана главнаго острова — снѣговая масса, поднимающаяся на высоту въ тысячу двѣсти туазовъ, — потухшій кратеръ которой обратился въ маленькое озеро. На слѣдующій день можно было видѣть уже почти весь островъ и даже различить потоки застывшей лавы ниже снѣговой линіи. Хотя мы были сравнительно еще и далеко отъ острова, но гигантскія водоросли уже покрывали поверхность моря, — эти водоросли настоящіе растительные канаты длиною отъ шестисотъ до тысячи двухсотъ футовъ.

Я долженъ замѣтить еще, что въ теченіе первыхъ трехъ дней послѣ того, какъ мы встрѣтили среди океана льдину, капитанъ Ленъ Гай показывался на палубѣ только для того, чтобы брать высоты. Покончивъ

съ этимъ дѣломъ, онъ сейчасъ же уходилъ къ себѣ въ каюту, и, за исключеніемъ этого времени, я могъ видѣть его еще только въ нашей, такъ называемой, каютъ-компаніи въ опредѣленные часы за столомъ. Нечего было и думать заставить говорить этого человѣка, разъ онъ рѣшилъ молчать и разыгрывать изъ себя чуть не нѣмого. По моему мнѣнію, это не удалось бы даже и Джиму Весту. Я рѣшилъ выжидать и не дѣлать перваго шага самому. Мнѣ почему-то казалось, что капитанъ Ленъ Гай очень скоро и самъ заговоритъ со мной о своемъ братѣ Уильямѣ, а слѣдовательно, и о томъ, что онъ намѣренъ предпринять для спасенія какъ его, такъ и его спутниковъ. Но, повторяю еще разъ, для этого прежде всего нужно было выждать наступленія болѣе удобнаго для такихъ экспедицій времени года и отнюдь не пускаться въ путь сейчасъ же, т. е. послѣ того, какъ 6-го сентября голетъ сталъ на якорь на восьмидесяти-брасовой глубинѣ вблизи главнаго острова, на сѣверо-западной сторонѣ, въ Анзидлунгѣ, въ такъ называемой Фальмутской бухтѣ, — какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по словамъ Артура Пима, нѣкогда стояла на якорѣ и „Джэнъ“.

Я сказалъ главный островъ потому, что группа Тристанъ д'Акунья, кромѣ главнаго, состоитъ еще изъ двухъ меньшихъ острововъ. Въ восьми миляхъ къ юго-западу отъ главнаго острова лежитъ островъ „Недоступный“, а въ пяти миляхъ къ юго-востоку отъ послѣдняго островъ „Найтиньгэль“. На картахъ архипелагъ значится подъ 37° 8′ южной широты и 12° 8′ западной долготы.

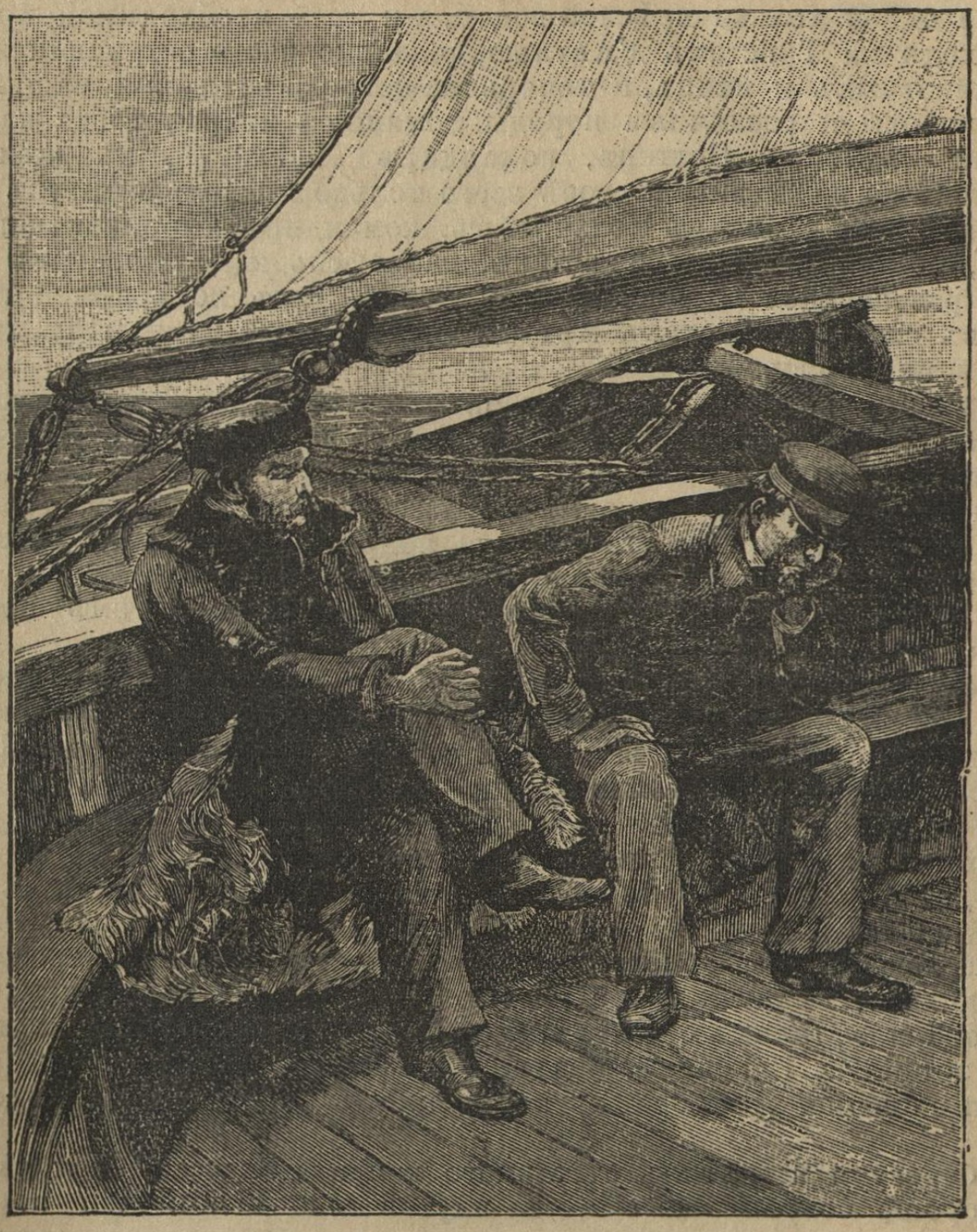
Всѣ эти острова имѣютъ почти правильную круглую форму. Если составить рельефную карту Тристанъ д'Акуньи, — она имѣла бы видъ гигантскаго раскрытаго зонтика пятнадцать миль въ окружности, сильно выпуклаго въ центрѣ, т. е. тамъ, гдѣ помѣщается центральный вулканъ.

Эта группа составляетъ почти независимое океанское владѣніе. Она была открыта португальцемъ, давшимъ ей свое имя; затѣмъ ее посѣщали голландцы въ 1643 и французы въ 1767 годахъ и, наконецъ, здѣсь поселились нѣсколько американцевъ, занявшихся охотой на нерпъ, которыми изобилуютъ эти мѣста. Спустя немного времени, къ нимъ не замедлили присоединиться и англичане.

Въ то время, когда у береговъ Тристанъ д'Акуньи стояла на якорѣ „Джэнъ“, отставной капралъ англійской артиллеріи, по имени Глассъ, управлялъ маленькой колоніей изъ двадцати шести человѣкъ, занимавшихся торговлею съ Капштадтомъ и обладавшихъ единственнымъ судномъ,—голетъ средней вмѣстимости. При нашемъ появленіи капралъ Глассъ имѣлъ уже около пятидесяти подданныхъ и, какъ замѣтилъ и Артуръ Пимъ, царствовалъ надъ ними внѣ всякаго вліянія британскаго государства.

Группа расположена среди океана, глубина котораго въ этихъ мѣстахъ колеблется между тысячью двумя стами и тысячью пятью стами брасами; мимо нея проходитъ экваторіальное теченіе, направляющееся на западъ. Здѣсь дуютъ правильные юго-западные вѣтры. Бури свирѣпствуютъ очень рѣдко. Зимой льдины часто переходятъ за ея параллель на цѣлые десять градусовъ, но никогда не спускаются до траверса Св. Елены, точно такъ же, какъ и дельфины-великаны, которые не особенно долюбливаютъ такія теплыя воды.

Всѣ три острова, расположенные треугольникомъ, отдѣлены одинъ отъ другого нѣсколькими проходами, шириной около десяти миль, плаваніе по которымъ очень легко. Берега острововъ вездѣ доступны, и вокругъ Тристанъ д'Акуньи море имѣетъ сто брасовъ глубины.



...Капитанъ сѣлъ рядомъ со мной... (Стр. 85)

По прибытіи „Гальбрана" сейчасъ же завязались сношенія съ отставнымъ капраломъ. Онъ отнесся къ намъ очень благосклонно. Джимъ Вестъ, на котораго капитанъ возложилъ заботу возобновить запасы прѣсной воды и закупить свѣжаго мяса и различныхъ овощей, не могъ нахвалиться любезностью капрала Гласса, который, впрочемъ, былъ заранѣе увѣренъ, что ему хорошо заплатятъ за такую любезность, — въ чемъ онъ и не ошибся.

Съ перваго же дня съ увѣренностью можно было уже сказать, что „Гальбранъ“ не найдетъ на Тристанъ д'Акуньѣ всего, что нужно для того, чтобы какъ слѣдуетъ подготовиться къ предполагаемому путешествію въ антарктическій океанъ. Но это, конечно, не умаляло значенія Тристанъ д'Акуньи, какъ этапнаго пункта, гдѣ суда могли запасаться не одной только прѣсной водой, а и всей необходимой провизіей. Суда, заходя на Тристанъ д'Акунью, довольно часто оставляли здѣсь на племя животныхъ и птицъ, и теперь на островѣ водятся домашнія овцы, свиньи, коровы и различныя породы домашней птицы, тогда какъ американскій капитанъ Пэттенъ, командиръ „Industry“, въ концѣ прошлаго столѣтія видѣлъ на островѣ всего только нѣсколько штукъ дикихъ козъ. Послѣ него капитанъ Колькхойнъ, командиръ американскаго брига „Бетси“, посадилъ на островѣ лукъ, картофель и другіе сорта овощей, отлично разросшіеся на плодородной почвѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ въ своихъ запискахъ Артуръ Пимъ и, по-моему, нѣтъ никакихъ основаній не вѣрить ему.

Мнѣ могутъ замѣтить, что я уже начинаю упоминать имя Артура Пима, какъ человѣка, въ существованіи котораго я уже не сомнѣваюсь. Да, это такъ, и я только удивляюсь, почему капитанъ Ленъ Гай до сихъ поръ ни разу не заводилъ со мной разговора на эту тему. Нельзя же думать, въ самомъ дѣлѣ, что всѣ эти подробныя свѣдѣнія, оказавшіяся въ записной книжкѣ Паттерсона, были тоже выдуманы, хотя и очень кстати, и съ моей стороны было бы даже больше, чѣмъ некрасиво, не сознаться въ моей ошибкѣ.

Кромѣ того, если у меня еще и могло оставаться какое-нибудь колебаніе, то одно новое и притомъ неопровержимое доказательство только подтвердило печальное извѣстіе, принесенное подшкиперомъ „Джэнъ“.

На слѣдующій день я вышелъ на берегъ въ Анзидлунгѣ, на прекрасное песчаное побережье черноватаго цвѣта. Мнѣ тутъ же пришло въ голову, что такое именно побережье должно быть и на островѣ Тсалаль, гдѣ царствуетъ одинъ только этотъ траурный цвѣтъ въ ущербъ бѣлому, вызывающему у островитянъ сильныя конвульсіи, за которыми слѣдуетъ разслабленіе и даже полное оцѣпенѣніе. Но очень возможно, что, выдавая такое необычайное явленіе за истину, Артуръ Пимъ говорилъ, такимъ образомъ, подъ вліяніемъ какой-нибудь иллюзіи... обмана зрѣнія?... Впрочемъ, будущее покажетъ, насколько все это вѣрно, если, конечно, „Гальбранъ“ когда-нибудь доберется до острова Тсалаля...

На берегу я встрѣтилъ отставного капрала Гласса,— человѣка сильнаго, хорошо сохранившагося, съ плутоватой физіономіей и, судя по его подвижности, казавшагося гораздо моложе своихъ шестидесяти лѣтъ. Кромѣ торговли съ Капштадтомъ и Фальклandами, онъ велъ еще значительную торговлю тюленьими шкурами, жиромъ морскихъ слоновъ, и дѣла его процвѣтали.

Самозванный царекъ или, если хотите, губернаторъ колоніи показался мнѣ большимъ любителемъ поболтать при случаѣ, и я, какъ это теперь въ большой модѣ, рѣшилъ сейчасъ же интервьюировать повелителя пятидесяти обитателей Тристанъ д'Акуньи. Мнѣ почему-то казалось, что я добуду отъ этого человѣка очень и очень интересныя свѣдѣнія.

— Часто заходятъ корабли на Тристанъ д'Акунью? — спросилъ я его.

— Такъ часто, какъ это намъ нужно, сэръ, — отвѣтилъ онъ мнѣ, потирая руки за спиной, — повидимому, застарѣлая привычка.

— Въ хорошее время года? — продолжалъ я.

— Да... въ хорошее время года, если только можно сказать, что въ этихъ мѣстахъ бываетъ когда-нибудь и дурное.

— Съ чѣмъ васъ и поздравляю, мистеръ Глассъ! Жаль только, что Тристанъ д'Акунья не имѣетъ ни одного порта, потому что, когда кораблю приходится стоять на якорѣ въ открытомъ морѣ...

— Въ открытомъ морѣ, сэръ?.. Что вы считаете открытымъ моремъ? — перебилъ меня отставной капралъ съ оживленіемъ, доказывавшимъ что этотъ человѣкъ прежде всего очень самолюбивъ.

— Я думаю, мистеръ Глассъ, что если бы у васъ здѣсь была пристань для выгрузки товаровъ и высадки людей...

— Зачѣмъ это нужно, сэръ, если сама природа устроила намъ такую хорошую бухту, гдѣ корабль прекрасно защищенъ отъ шкваловъ и когда можно подойти бортомъ прямо къ самымъ утесамъ?.. Нѣтъ! Хотя Тристанъ, по-вашему, и не имѣетъ порта, но онъ отлично можетъ обойтись безъ него.

Можно ли было еще спорить съ такимъ человѣкомъ? Онъ гордился своимъ островомъ, какъ принцъ Монако имѣетъ право гордиться своимъ маленькимъ княжествомъ...

Я, конечно, не сталъ настаивать на своемъ мнѣніи, и поспѣшилъ перемѣнить разговоръ. Капралъ, между прочимъ, предложилъ мнѣ устроить экскурсію въ лѣса, покрывавшіе нижнюю часть центральнаго конуса.

Я поблагодарилъ его и сказалъ, что, къ сожалѣнію, не могу принять его любезнаго предложенія, потому что расчитываю заняться кое-какими минералогическими изслѣдованіями. Кромѣ того, насколько я знаю, „Гальбранъ“ долженъ поднять якорь, какъ только будетъ окончена нагрузка прѣсной воды и съѣстныхъ припасовъ.

— А вашъ капитанъ удивительно спѣшитъ! — сказалъ мнѣ губернаторъ Глассъ.

— Вы находите?..

— Онъ такъ спѣшитъ, что его лейтенантъ даже не заговариваетъ со мной о покупкѣ кожъ или жира...

— Намъ нужно только запастись съѣстными припасами и прѣсной водой, мистеръ Глассъ.

— Ну что жъ, сэръ,— отвѣчалъ мнѣ, видимо, нѣсколько раздосадованный губернаторъ, — чего не увезетъ „Гальбранъ“, увезутъ другіе корабли!.. А куда пойдетъ вашъ голетъ отъ насъ?

— Вѣроятно, на Фалькланды, гдѣ ему можно будетъ починиться.

— А вы, сэръ, какъ мнѣ кажется, не принадлежите къ экипажу и просто-напросто пассажиръ?..

— Да, мистеръ Глассъ. Я даже имѣлъ намѣреніе прожить на Тристанъ д'Акуньѣ нѣсколько недѣль... Но мнѣ пришлось измѣнить этотъ планъ...

— Очень жаль, сэръ, очень жаль!..— объявилъ губернаторъ.— Намъ доставило бы большое удовольствіе, если бы вы пожили здѣсь нѣкоторое время до прихода другого корабля.

— Очень вамъ благодаренъ, — отвѣчалъ я. — Къ несчастью, мнѣ нельзя будетъ воспользоваться... Дѣло въ томъ, что я принялъ твердое рѣшеніе не покидать голета. „Гальбранъ“ уйдетъ отсюда, какъ только окончится нагрузка, и возьметъ курсъ на Фальклапды, гдѣ будутъ произведены всѣ необходимыя исправленія для предстоящей экспедиціи въ антарктическія моря. Итакъ, я доѣду до Фальклапдскихъ острововъ, гдѣ безъ труда найду возможность доѣхать до Америки; да навѣрное, и самъ капитанъ Ленъ Гай не откажется отвезти меня туда.

Тогда отставной капралъ сказалъ мнѣ съ нѣкоторой досадой:

— Къ слову сказать, я не видѣлъ еще ни цвѣта волосъ ни цвѣта лица... вашего капитана?..

— Я не думаю, чтобы онъ сошелъ на берегъ, мистеръ Глассъ.

— Развѣ онъ боленъ?

— Насколько мнѣ извѣстно, нѣтъ! Но вѣдь вамъ то все равно, разъ его съ такимъ успѣхомъ замѣняетъ лейтенантъ...

— О! съ этимъ человѣкомъ не очень-то разговоришься! Изъ него чуть не насильно приходится вытягивать слова!.. Къ счастью, піастры изъ его кошелька вылетаютъ гораздо легче, чѣмъ слова изъ его устъ!

— Это самое важное, мистеръ Глассъ.

— Совершенно вѣрно, мистеръ?..

— Мистеръ Джіорлингъ, изъ Коннектикута.

— Отлично! Вотъ теперь я знаю ваше имя... тогда какъ о томъ, кто такой капитанъ „Гальбрана“, мнѣ надо еще спрашивать...

— Его фамилія Гай... Ленъ Гай...

— Онъ англичанинъ?..

— Да... англичанинъ.

— Онъ могъ бы побезпокоиться и сдѣлать визитъ соотечественнику, мистеръ Джіорлингъ! Но... позвольте... я знаю одного капитана съ этой фамиліей... Гай... Гай...

— Уилльямъ Гай? — спросилъ я поспѣшно.

— Именно... Уилльямъ Гай...

— Командиръ „Джэнъ“?

— Да, именно „Джэнъ“.

— Англійскій голетъ, заходившій на Тристанъ д'Акунью одиннадцать лѣтъ тому назадъ?

— Одиннадцать лѣтъ, мистеръ Джіорлингъ! Я поселился на островѣ за семь лѣтъ до того, какъ меня нашелъ здѣсь въ 1824 г. капитанъ Джефрей, командиръ „Бервика“, изъ Лондона. Я хорошо помню Уилльяма Гайя... точно сейчасъ его вижу... прекрасный человѣкъ, открытаго характера... я ему продалъ порядочную партію тюленьихъ кожъ... Онъ смотрѣлъ настоящимъ джентльменомъ... немного гордый... но очень добрый.

— А „Джэнъ“?.. — спросилъ я.

— Я вижу ее какъ сейчасъ, на томъ же мѣстѣ, гдѣ стоитъ и „Гальбранъ“... въ глубинѣ бухты... хорошенькое судно въ сто восемьдесятъ тоннъ... съ острымъ... острымъ носомъ... Она, если не ошибаюсь, была приписана къ Ливерпулю.

— Да... это правда... все это правда! — повторялъ я.

— А что „Джэнъ“ все еще продолжаетъ плавать, мистеръ Джіорлингъ?..

— Нѣтъ, мистеръ Глассъ.

— Неужели она погибла?..

— Къ несчастью, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія... и въ тотъ же самый день погибла и большая часть экипажа!

— Разскажите мнѣ, пожалуйста, какъ случилось это несчастіе, мистеръ Джіорлингъ?..

— Охотно, мистеръ Глассъ. Покинувъ Тристанъ д'Акунью, „Джэнъ“ направилась къ островамъ Авроры и другимъ, которые Уилльямъ Гай надѣялся найти, руководствуясь свѣдѣніями...

— Которыя онъ отъ меня же и получилъ, мистеръ Джіорлингъ! — перебилъ меня отставной капралъ. — А не могу я узнать отъ васъ, удалось или нѣтъ „Джэнъ“ открыть эти острова?..

— Нѣтъ... точно такъ же, какъ и острова Авроры, хотя Уилльямъ Гай и провелъ нѣсколько недѣль въ тѣхъ мѣстахъ, крейсеруя съ востока на западъ и держа постоянно часового на мачтѣ...

— Должно-быть, ему не удалось это случайно, мистеръ Джіорлингъ, потому что, если вѣрить китоловамъ, которыхъ нельзя подозрѣвать во лжи, острова эти существуютъ, и былъ даже поднятъ вопросъ о томъ, чтобы дать имъ мое имя!..

— И это было бы вполнѣ справедливо, — вѣжливо отвѣтилъ я.

— Если ихъ никогда не откроютъ, это, право, будетъ обидно, — добавилъ губернаторъ тономъ, доказывавшимъ не малую дозу тщеславія.

— И вотъ тутъ-то, — продолжалъ я, — капитану Уилльяму Гайю и пришло въ голову привести въ исполненіе проектъ, созрѣвшій у него уже давно, и къ чему его побуждалъ еще одинъ пассажиръ, находившійся на „Джэнъ“...

— Артуръ Гордонъ Пимъ, — вскричалъ Глассъ, — и его товарищъ, нѣкій Деркъ Питерсъ... которые оба были найдены въ морѣ голетомъ!..

— Вы ихъ развѣ знавали, мистеръ Глассъ? — перебилъ я.

— Зналъ ли я ихъ, мистеръ Джіорлингъ!.. О, странная была личность, этотъ Артуръ Пимъ!.. Онъ только и мечталъ о приключеніяхъ... надо сказать правду, онъ-таки смѣлый американецъ... и могъ отправиться даже и на луну!.. Ужъ не леталъ ли онъ и туда, чего добраго?..

— Нѣтъ, мистеръ Глассъ; но во время ихъ путешествія голетъ Уилльяма Гайя перешелъ за полярный кругъ черезъ сплошной ледъ и пробрался къ югу гораздо дальше, чѣмъ это удавалось кому-нибудь другому до него!..

— Вотъ интересное-то было путешествіе! — перебилъ меня Глассъ.

— Да... но, къ несчастью, „Джэнъ“ не возвратилась!..

— Итакъ, мистеръ Джіорлингъ, значитъ, они оба погибли, Артуръ Пимъ и Деркъ Питерсъ — что-то въ родѣ метиса индѣйца; страшный силачъ, котораго шесть человѣкъ не могли бы свалить?..

— Нѣтъ, мистеръ Глассъ, Артуру Пиму и Дерку Питерсу удалось спастись послѣ катастрофы, жертвою которой сдѣлалась „Джэнъ“ и большинство экипажа и они благополучно возвратились въ Америку... Какимъ образомъ, этого я не знаю. Затѣмъ Артуръ Пимъ вскорѣ умеръ; но чѣмъ была вызвана его смерть, этого я тоже не знаю. Что же касается Дерка Питерса, то онъ сначала поселился было въ глуши Иллинойса,

а потомъ въ одинъ прекрасный день оттуда уѣхалъ, не сказавъ никому ни слова, и съ той поры никто не знаетъ, гдѣ онъ и что съ нимъ...

— А Уилльямъ Гай?.. — спросилъ мистеръ Глассъ.

Я разсказалъ ему, какимъ образомъ трупъ Паттерсона, подшкипера „Джэнъ“, былъ найденъ нами на льдинѣ, носившейся по океану, и тутъ же высказалъ ему свои соображенія, на основаніи которыхъ можно было предполагать, что капитанъ „Джэнъ“ и пятеро матросовъ должны находиться на одномъ изъ острововъ южной области, градусахъ въ восьми отъ полюса.

— Ахъ, мистеръ Джіорлингъ! — проговорилъ Глассъ. — Какъ бы я желалъ, чтобы удалось спасти Уилльяма Гайя и его матросовъ!.. Они казались мнѣ всѣ такими хорошими людьми!

— „Гальбранъ“ непремѣнно отправится за ними, какъ только будутъ произведены всѣ необходимыя исправленія, потому что капитанъ Ленъ Гай родной братъ Уилльяма Гайя...

— Правда ли это, мистеръ Джіорлингъ? — перебилъ меня капралъ Глассъ.

— Да!

— А знаете, что я вамъ скажу? Я хоть и не знакомъ съ капитаномъ Ленъ Гайемъ, а, навѣрное, могу сказать, что братья очень не похожи одинъ на другого; по крайней мѣрѣ, они не похожи въ томъ, какъ отнеслись оба къ губернатору Тристанъ д'Акуньи.

Я видѣлъ, что отставной капралъ былъ очень обиженъ невниманіемъ къ его особѣ капитана Ленъ Гайя, который не былъ у него даже съ визитомъ. Подумайте только, вѣдь онъ все-таки повелитель, и не одного только этого независимаго острова, но власть его простиралась даже и на два сосѣднихъ острова: Недоступный и Найтингэль! Но, если самолюбіе его и было уязвлено немножко, онъ могъ утѣшать себя тѣмъ, что продаетъ свой товаръ на двадцать-пять процентовъ дороже дѣйствительной его стоимости.

Какъ это ни странно, а только капитанъ Ленъ Гай не выразилъ ни разу намѣренія сойти на берегъ. Это было тѣмъ страннѣе, что ему было небезызвѣстно, что „Джэнъ“ останавливалась именно у сѣверо-западнаго берега Тристанъ д'Акуньи, прежде чѣмъ отправиться въ южныя моря... Желать увидѣться съ европейцемъ, послѣднимъ пожимавшимъ руку его брата, было бы такъ понятно...

Тѣмъ не менѣе, Джимъ Вестъ и матросы одни сходили на берегъ. Они съ необыкновеннымъ усердіемъ торопились окончить выгрузку оловянной и мѣдной руды, составлявшей грузъ голета, а затѣмъ принять съѣстные припасы и запасъ прѣсной воды.

Все это время капитанъ Ленъ Гай проводилъ въ каютѣ и даже не поднимался на палубу; чрезъ иллюминаторъ его каюты я постоянно видѣлъ его наклонившимся надъ столомъ.

Передъ нимъ на столѣ лежали географическія карты и раскрытыя книги. Нечего, конечно, и говорить, что это были карты южныхъ областей, а книги тѣ, въ которыхъ говорилось о путешествіяхъ предшественниковъ „Джэнъ“ въ таинственныя области Антарктиды.

На столѣ лежала также книга, сто разъ читанная и перечитанная, большинство страницъ которой были загнуты, а на поляхъ виднѣлись многочисленныя замѣтки карандашомъ...

На обложкѣ ясно видно было названіе книги, точно оно было напечатано огненными буквами: *Приключенія Артура Гордона Пима.*

ГЛАВА VIII.

По пути къ Фальклавдскимъ островамъ.

Вечеромъ, 8-го сентября, я простился съ его превосходительствомъ генералъ-губернаторомъ архипелага Тристанъ д'Акуньи, — такимъ офиціальнымъ титуломъ именовалъ себя Глассъ, отставной капралъ британской артиллеріи.

На слѣдующій день, еще задолго до восхода солнца, „Гальбранъ" распустилъ паруса.

Понятно, что я получилъ отъ капитана Ленъ Гайя позволеніе остаться на голетѣ пассажиромъ до Фальклавдскихъ острововъ. Намъ предстоялъ переѣздъ въ двѣ тысячи миль, на который потребуется всего двѣ недѣли, конечно, если погода будетъ намъ такъ же благопріятствовать, какъ и во время нашего плаванія отъ Кергуэленовъ до Тристанъ д'Акуньи. Капитанъ Ленъ Гай, видимо, даже не былъ удивленъ моей просьбой: точно онъ этого именно и ждалъ. Но зато онъ самъ ни за что не хотѣлъ исполнить того, что я ждалъ отъ него съ такимъ нетерпѣніемъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ заговорилъ со мной объ Артурѣ Пимѣ; а онъ, какъ будто бы нарочно, избѣгалъ говорить со мной объ этомъ съ того дня, когда несчастный Паттерсонъ помогъ ему одержать надо мной побѣду по отношенію къ книгѣ Эдгара Поэ.

Но я не думаю, чтобы онъ хранилъ молчаніе очень долго и, по всей вѣроятности, просто выжидаетъ подходящаго момента. Впрочемъ, пока это было, пожалуй, даже и не нужно, тѣмъ болѣе, что результатъ нашей будущей бесѣды не могъ имѣть никакого вліянія на измѣненіе курса голета, если онъ даже и рѣшился непремѣнно вести „Гальбранъ" въ тѣ далекія области, гдѣ погибла „Джэнъ".

Голетъ обогнулъ Геральдъ Поинтъ, и вскорѣ послѣ того за выступами Фальмутъ-Бэй исчезли немногіе домики Анзидлунга. Затѣмъ голетъ взялъ курсъ на юго-западъ и, пользуясь свѣжимъ восточнымъ вѣтромъ, побѣжалъ подъ всѣми парусами.

Бухта Элефантенъ, Гарди-Рокъ, Вестъ-Поинтъ, Коттонъ-Бэй и мысъ Далей были оставлены далеко позади еще задолго до полудня. Но какъ ни быстро шелъ голетъ, а все-таки въ теченіе всего дня съ палубы виденъ былъ вулканъ Тристанъ-д'Акуньи, высотой въ восемь тысячъ футовъ, и покрытая снѣгомъ вершина его исчезла въ туманной дали только съ наступленіемъ сумерекъ.

Всю слѣдующую недѣлю плаваніе продолжалось при неизмѣнно благопріятныхъ условіяхъ, и, если и дальше будетъ стоять такая же хорошая погода, мы увидимъ первыя высоты Фальклавдской группы даже еще въ концѣ сентября. Идя къ Фальклавдамъ, которые лежатъ гораздо южнѣе Тристанъ-д'Акуньи, голету придется спуститься съ тридцать-восьмого до пятьдесятъ-пятаго градуса южной широты.

А такъ какъ капитанъ Ленъ Гай имѣетъ намѣреніе проникнуть еще дальше къ югу, мнѣ кажется, что даже необходимо вкратцѣ припомнить себѣ всѣ попытки мореплавателей, ставившихъ себѣ задачей

достиженіе южнаго полюса или, по крайней мѣрѣ, того обширнаго континента, центральной точкой котораго онъ могъ бы быть. Мнѣ тѣмъ легче исполнить это, что капитанъ Ленъ Гай предоставилъ въ мое полное распоряженіе всѣ свои книги, въ которыхъ съ мельчайшими подробностями излагаются описанія всѣхъ подобныхъ путешествій, а также и трудъ Эдгара Поэ, который, подъ живымъ впечатлѣніемъ всего пережитаго за эти послѣдніе дни, я читалъ и перечитывалъ чуть не ежедневно.

Если Артуръ Пимъ и считалъ себя почему-то обязаннымъ привести перечень всего того, что было сдѣлано его предшественниками, то, само собою разумѣется, онъ долженъ былъ закончить свой разсказъ 1828 годомъ, когда онъ самъ отправился къ южному полюсу. А такъ какъ я пишу черезъ двѣнадцать лѣтъ послѣ него,—мнѣ надо упомянуть еще и о томъ, что сдѣлали его преемники до 1839—1840 г., т. е. до того времени, когда въ тѣ же области отправился и „Гальбранъ".

Границей, собственно, антарктическаго пояса, по моему мнѣнію, должна считаться шестидесятая параллель.

Въ 1772 г. „Résolution", подъ командой капитана Кука, и „Adventure", подъ командой капитана Фюрно, встрѣтили льдины подъ пятьдесятъ-восьмымъ градусомъ южной широты, которыя занимали громадное пространство по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Пробираясь сквозь этотъ ледяной лабиринтъ, экспедиція съ большимъ трудомъ, рискуя при этомъ быть затертой льдами, въ первой половинѣ декабря достигла шестьдесятъ-четвертой параллели, затѣмъ въ январѣ перешла за полярный кругъ и остановилась передъ сплошными льдами, толщиною отъ восьми до двадцати футовъ, подъ 67° 15′ южной широты, — всего въ нѣсколькихъ минутахъ разстоянія отъ южнаго полярнаго круга *).

Въ ноябрѣ слѣдующаго года, капитанъ Кукъ предпринялъ новую экспедицію въ тѣ же области. На этотъ разъ, пользуясь сильнымъ теченіемъ и не обращая вниманія ни на туманы, ни на шквалы, ни на стоявшіе все еще очень сильные холода, онъ проникъ почти на полградуса за семидесятую параллель и, наконецъ, подъ 71° 10′ южной широты и 106° 54′ западной долготы все-таки долженъ былъ остановиться; ему преградили дорогу грозныя *packs*, достигающія высоты отъ двухсотъ-пятидесяти до трехсотъ футовъ и почти соприкасавшіяся краями одна къ другой, а надъ ними высились чудовищныя ледяныя горы.

Отважному англійскому капитану такъ и не удалось проникнуть дальше въ моря Антарктиды.

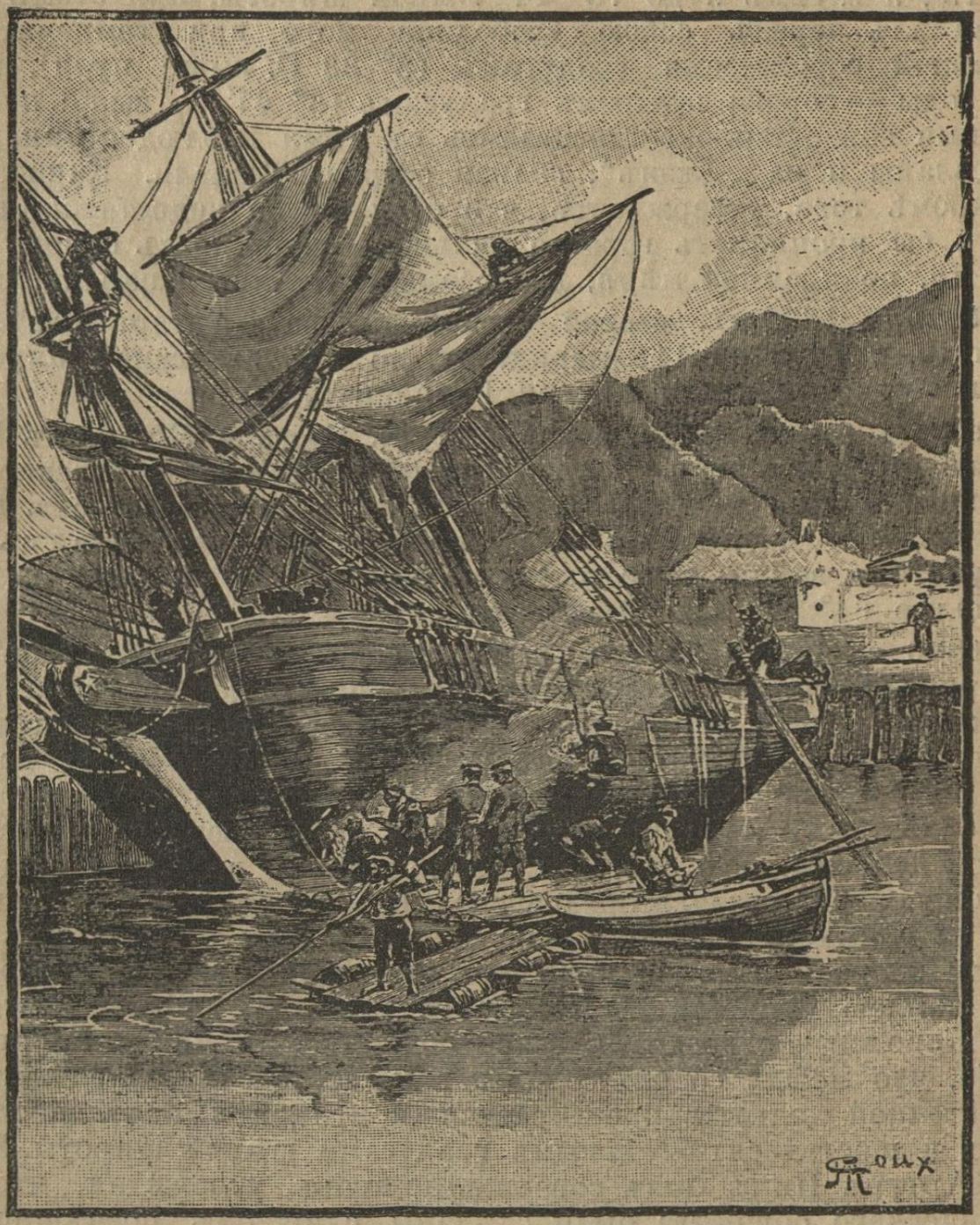
Тридцать лѣтъ спустя, въ 1803 г., русская эскадра подъ командою капитановъ Крузенштерна и Лисянскаго, вслѣдствіе южныхъ вѣтровъ, не могла подняться выше 59° 52′ южной широты — 70° 15′ западной долготы, хотя экспедиція и была предпринята въ мартѣ мѣсяцѣ и ни одна льдина не загораживала ей путь.

Въ 1818 г. Уилльямъ Смитъ, а затѣмъ Барнесфильдъ открыли Саутъ-Шетлэндсъ; въ 1820 г. Ботвель открылъ Саутъ-Оркнейсъ и, наконецъ, Пальмеръ вмѣстѣ съ другими тюленепромышленниками видѣли землю Троицы, но не рискнули итти далѣе.

---

*) 66° 32′ 3″.

Въ 1819 г. „Востокъ“ и „Мирный“, русскія суда, подъ командой капитана Беллинсгаузена и лейтенанта Лазарева, заходили на островъ Св. Георгія, и обогнувъ землю Сандвича, продвинулись на шестьсотъ миль къ югу до семидесятой параллели. Вторая попытка, по направленію 160 меридіана восточной долготы, тоже не увѣнчались успѣхомъ,



...Матросы переконопатили и осмолили всю обшивку... (Стр. 93.)

и они не могли пробраться ближе къ полюсу. Впрочемъ, труды ихъ не пропали даромъ, и они открыли острова Петра I и Александра I, которые, весьма возможно, примыкаютъ къ землѣ, открытой американцемъ Пальмеромъ.

Въ 1822 г. англійскій капитанъ Джэмсъ Уэделль открылъ, если только словамъ его можно безусловно вѣрить, свободное море подъ 74° 15′ южной широты,— и это подало ему поводъ отрицать существо-

ваніе полярнаго континента. Тутъ я замѣчу кстати, что Уэделль шелъ тѣмъ же самымъ курсомъ, которымъ, шесть лѣтъ спустя, должна была слѣдовать и „Джэнъ“ Артура Пима.

Въ 1823 г. американецъ Бенжаминъ Морелль, на голетѣ „Уошъ“, предпринялъ въ мартѣ мѣсяцѣ первую экспедицію и проникъ сначала до 69° 15′, а затѣмъ и до 70° 14′ южной широты; при этомъ онъ все время видѣлъ передъ собою свободное море, при температурѣ воздуха, равной сорока-семи градусамъ (8° 33 С. выше нуля), и температурѣ воды — сорока-четыремъ градусамъ (6° 67′ С. выше нуля). Всѣ эти данныя совершенно согласовались съ тѣми наблюденіями, которыя были сдѣланы и на „Джэнъ“, вблизи острова Тсалаль. Капитанъ Морелль, кромѣ того, утверждаетъ, что если бы не недостатокъ провизіи, онъ могъ бы проникнуть гораздо дальше,— если не къ самому южному полюсу, то, по крайней мѣрѣ, до восемьдесятъ-пятой параллели.

Въ 1829 и 1830 гг. второй экспедиціи на „Антарктикѣ“ удалось проникнуть, слѣдуя по 116 меридіану, до 70° 30′ южной широты, при чемъ была открыта земля Южной Гренландіи.

Какъ разъ въ то время, когда Артуръ Пимъ и Уилльямъ Гай такъ энергично стремились въ невѣдомыя области антарктическаго пояса, англичане Фостеръ и Кендэль, которымъ адмиралтействомъ поручено было произвести наблюденія надъ колебаніями маятника въ различныхъ пунктахъ земли, тоже пытались пробраться къ югу, но не проникли далѣе 64° 15′ южной широты.

Въ 1830 г. Джону Бискоэ, командовавшему судами „Tuba“ и „Lively“, принадлежавшими братьямъ Эндерби, было поручено изслѣдовать южную область, занимаясь въ то же время охотой на китовъ и тюленей. Въ январѣ 1831 г. онъ пересѣкъ шестидесятую параллель, достигъ 68° 51′ южной широты при 10° восточной долготы, и остановился передъ сплошными льдами; дорогой подъ 65° 57′ южной широты и 45° восточной долготы, онъ открылъ землю, которой далъ имя Эндерби. Въ 1832 г. онъ предпринялъ вторую экспедицію и проникъ на двадцать-семь минутъ за семидесятую параллель; въ этотъ разъ онъ открылъ островъ Аделаиду впереди высокой и далеко тянувшейся земли, которая была названа землею Грахама. На основаніи данныхъ, добытыхъ этой экспедиціей, Королевское географическое общество, въ Лондонѣ, вывело заключеніе, что между сорокъ-седьмымъ и шестьдесятъ-девятымъ градусами восточной долготы простирается континентъ подъ шестьдесятъ-шестымъ и шестьдесятъ-седьмымъ градусами южной широты. Несмотря на это, Артуръ Пимъ былъ совершенно правъ, утверждая, что выводы географическаго общества были сдѣланы слишкомъ поспѣшно, потому что Уэделль плавалъ по этимъ предполагаемымъ землямъ, а „Джэнъ“ прошла этимъ же самымъ курсомъ гораздо далѣе семьдесятъ-четвертой параллели.

Въ 1835 г. англійскій лейтенантъ Кэмпъ покинулъ Кергуэлены. Онъ тоже обозначилъ на картѣ очертаніе береговъ какой-то земли на 70° восточной долготы и, продолживъ свои изслѣдованія до шестьдесятъ-шестого градуса, опять встрѣтилъ землю, которая, можетъ-быть, примыкала къ землѣ Эндерби; этимъ онъ и закончилъ свое путешествіе къ южному полюсу.

Наконецъ, въ началѣ 1839 г. капитанъ Бэллени, на кораблѣ „Elisabeth Scott", 7-го февраля, перешелъ 67° 7′ южной широты, слѣдуя по 104° 25′ западной долготы, и открылъ группу острововъ, носящихъ его имя; потомъ, въ мартѣ, подъ 65° 10′ южной широты и 116° 10′ восточной долготы, онъ увидѣлъ землю, которой далъ имя Сабрина. Этотъ смѣлый изслѣдователь, простой китоловъ, какъ я узналъ гораздо позднѣе, тоже внесъ свою лепту въ сокровищницу науки и далъ поводъ предполагать существованіе полярнаго континента въ этой части Южнаго Ледовитаго океана.

Затѣмъ, какъ я уже и говорилъ еще въ началѣ этого разсказа, въ то время, пока капитанъ „Гальбрана" мечталъ объ экспедиціи въ тѣ области южнаго полушарія, куда до него въ періодѣ времени съ 1772 до 1839 г. не удалось проникнуть еще ни одному изъ его предшественниковъ, лейтенантъ сѣверо-американскаго флота Чарльзъ Уилксъ, командовавшій эскадрой изъ четырехъ большихъ судовъ: „Vincennes", „Peacock", „Porpoise", „Flying-fish" и нѣсколькихъ мелкихъ, пытался проложить себѣ дорогу къ полюсу, слѣдуя по сто-второму градусу восточной долготы. Но если бы капитанъ Ленъ Гай искалъ только одной славы, — ему, во всякомъ случаѣ, нечего было бояться конкуренціи въ этомъ отношеніи, потому что въ антарктическомъ поясѣ оставалось еще около пяти милліоновъ квадратныхъ миль неизслѣдованнаго пространства.

Вотъ и всѣ экспедиціи, отправлявшіяся для изслѣдованія Антарктиды, какъ это собирался сдѣлать и „Гальбранъ" подъ командой капитана Ленъ Гайя. Изъ сопоставленія результатовъ всѣхъ этихъ экспедицій получаются слѣдующія данныя, при этомъ я беру въ расчетъ только наиболѣе удачныя: Кэмпъ не проникъ далѣе шестьдесятъ-шестой параллели, Бэллени — далѣе шестьдесятъ-седьмой, Бискоэ — далѣе шестьдесятъ-восьмой, Беллингсгаузенъ и Морелль — далѣе семидесятой, Кукъ — далѣе семьдесятъ - первой, Уэделль — далѣе семьдесятъ-четвертой... А „Гальбрану" предстояло проникнуть гораздо дальше, за восемьдесятъ-третью параллель, чтобы оказать помощь уцѣлѣвшимъ послѣ страшной катастрофы!..

До встрѣчи съ льдиной, на которой мы нашли трупъ Паттерсона, я имѣлъ полное прово считать себя человѣкомъ практическимъ, не увлекающимся никакими фантазіями, а теперь я вдругъ точно забылъ кто я такой и нервничалъ и волновался, какъ никогда. Эта странная нервозность не давала мнѣ ни минуты покоя. Меня преслѣдовали видѣнія: я во снѣ и наяву видѣлъ предъ собою лица Артура Пима и его спутниковъ, покинутыхъ среди пустынь Антарктиды. У меня явилось непреодолимое желаніе принять участіе въ экспедиціи, задуманной капитаномъ Ленъ Гайемъ. Я теперь только объ этомъ и думалъ. Въ сущности, мнѣ вовсе не зачѣмъ было особенно спѣшить въ Америку. Пробуду ли я въ отсутствіи шесть мѣсяцевъ или же цѣлый годъ,—это не дѣлало никакой разницы и для меня было совершенно безразлично. Правда, я долженъ былъ прежде всего заручиться согласіемъ командира „Гальбрана"... Но что можетъ онъ имѣть противъ меня и почему не согласится онъ считать меня своимъ пассажиромъ еще на нѣсколько мѣсяцевъ? Наконецъ, развѣ не обязанъ онъ былъ до нѣкоторой степени доказать мнѣ фактами, что онъ былъ правъ, и даже имѣлъ бы полное право насильно везти меня

въ тѣ мѣста, гдѣ разыгралась ужасная катастрофа, которую я считалъ плодомъ фантазіи писателя, показать мнѣ остатки „Джэнъ“, высадить меня на тотъ самый островъ Тсалаль, существованіе котораго я такъ упорно отрицалъ, показать мнѣ своего брата Уилльяма, наконецъ, поставить меня лицомъ къ лицу съ неопровержимыми фактами?..

Несмотря на это, я все-таки рѣшилъ ждать момента, когда мнѣ удастся переговорить съ капитаномъ Ленъ Гайемъ, чтобы послѣ этого принять окончательное рѣшеніе.

Впрочемъ, пока и надобности не было особенно спѣшить. Первые десять дней со времени нашего отъѣзда изъ Тристанъ д'Акуньи погода стояла великолѣпная, лучше которой нельзя было бы и желать, а потомъ дувшій до сихъ поръ попутный вѣтеръ смѣнился двадцати-четырехъ часовымъ штилемъ. Затѣмъ вѣтеръ потянулъ съ юга. „Гальбранъ“, идя въ бейдевиндъ, долженъ былъ уменьшить парусность, потому что вѣтеръ началъ замѣтно крѣпчать. Благодаря этому, мы не могли уже разсчитывать дѣлать въ среднемъ по сотнѣ миль отъ одного восхода солнца до другого, и поэтому поѣздка могла продолжиться гораздо дольше, чѣмъ мы предполагали, если только не разразится одна изъ тѣхъ бурь, которыя заставляютъ или лечь судно въ дрейфъ и вступить въ борьбу съ ураганомъ, или же бѣжать впереди вѣтра.

Къ счастью, — я успѣлъ уже въ этомъ убѣдиться, — голетъ былъ выстроенъ по всѣмъ правиламъ судостроительной техники и могъ выдержать какую угодно бурю. Намъ нечего было бояться потери рангоута даже и въ то время, когда онъ несъ всѣ свои паруса и при очень сильномъ вѣтрѣ. Къ тому же и лейтенантъ, несмотря на всю свою отвагу, не рисковалъ судномъ безъ крайней надобности и бралъ рифы, какъ только скорость вѣтра переходила извѣстную норму и грозила опасностью голету. Мнѣ положительно не было основанія бояться, что такой образцовый морякъ, какъ Джимъ Вестъ, пуститъ насъ ко дну, вслѣдствіе незнанія дѣла или непредусмотрительности.

Съ 22 сентября по 3-е октября, въ теченіе двѣнадцати дней, мы подвинулись впередъ очень немного. Насъ такъ замѣтно относило къ американскому берегу, что, если бы не теченіе, которое до извѣстной степени помогало голету бороться съ вѣтромъ, мы, по всей вѣроятности, вмѣсто Фальклавдовъ, увидѣли бы Патагонію.

Во все это время я тщательно искалъ удобнаго случая побесѣдовать одинъ на одинъ съ капитаномъ Ленъ Гайемъ. Въ промежутки между обѣдомъ и ужиномъ онъ сидѣлъ запершись въ своей каютѣ, предоставивъ, по обыкновенію, управленіе голетомъ лейтенанту, и показывался на палубѣ только для того, чтобы опредѣлить долготу и широту по картѣ, когда солнце выглядывало на минуту изъ-за тучъ. Я считаю себя обязаннымъ отдать должное и экипажу, который, съ боцманомъ во главѣ, работалъ на славу, исполняя приказанія Джима Веста. Мнѣ даже кажется, что было бы очень трудно, если не невозможно подобрать еще десятокъ такихъ людей — ловкихъ, смѣлыхъ и рѣшительныхъ.

Утромъ, 4-го октября, состояніе неба и моря замѣтно измѣнилось къ лучшему. Вѣтеръ стихъ; высокія волны постепенно спадали, и уже на слѣдующій день ураганъ перешелъ, повидимому, въ правильный пассатъ, который и началъ дуть въ сѣверо-западномъ направленіи.

Мы не могли даже и надѣяться на болѣе счастливую перемѣну. Матросы ослабили рифы, поставили верхніе паруса, марсель, брамъ-стэнгу и топсель, хотя вѣтеръ былъ еще очень свѣжъ. Если не произойдетъ никакой перемѣны, то самое позднее черезъ десять дней часовые увидятъ первыя высоты Фальклавдскихъ острововъ.

Съ 5 по 10 октября вѣтеръ дулъ съ постоянствомъ и правильностью пассата. Во все это время не пришлось ни подтянуть ни ослабить ни одного шкота. Вѣтеръ хотя и началъ слабѣть, но направленіе его пока не измѣнялось, и это было уже большимъ счастьемъ для насъ.

Наконецъ, мнѣ представился случай переговорить съ капитаномъ Ленъ Гайемъ, чего я, впрочемъ, и самъ ждалъ съ нетерпѣніемъ. Произошло это 11-го октября вскорѣ послѣ полудня и, какъ я и желалъ, первый шагъ сдѣланъ былъ не мною, а имъ самимъ, и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Я сидѣлъ возлѣ рубки въ самомъ началѣ узкаго прохода, когда капитанъ Ленъ Гай вышелъ изъ своей каюты и, окинувъ быстрымъ взглядомъ палубу, направился въ мою сторону и сѣлъ рѣдомъ со мной.

Онъ видимо хотѣлъ со мной поговорить и, конечно, ни о чемъ другомъ, какъ о томъ, что всецѣло его поглощало. Можетъ-быть, поэтому онъ даже измѣнилъ своему обыкновенію вести бесѣду чуть не шопотомъ и говорилъ довольно громко.

— Я еще не имѣлъ удовольствія бесѣдовать съ вами, мистеръ Джіорлингъ,— началъ онъ,— со времени нашего отъѣзда изъ Тристанъ д'Акуньи.

— Очень жалѣю объ этомъ, капитанъ, — отвѣчалъ я, не пускаясь пока ни въ какія откровенности и желая заставить сначала высказаться его самого.

— Прошу васъ извинить меня, — продолжалъ онъ. — У меня такъ много заботъ!.. Надо выработать планъ экспедиціи... все предусмотрѣть и стараться ничего не забыть... Поэтому не сердитесь на меня, пожалуйста...

— Я на васъ и не думаю сердиться, увѣряю васъ...

— И прекрасно, мистеръ Джіорлингъ... Я успѣлъ хорошо узнать васъ, оцѣнить васъ и очень радъ, что на мою долю выпала честь имѣть васъ пассажиромъ голета до нашего прибытія на Фальклавды.

— Я очень вамъ благодаренъ, капитанъ, за все, что вы для меня сдѣлали, и это даетъ мнѣ смѣлость...

Минута эта казалась мнѣ какъ разъ самой подходящей для того, чтобы высказать мою просьбу, но капитанъ Ленъ Гай предупредилъ меня:

— Ну, что же, мистеръ Джіорлингъ,— спросилъ онъ меня,— вѣрите вы теперь, что „Джэнъ“ и на самомъ дѣлѣ пыталась проникнуть къ южному полюсу или же и до сихъ поръ все еще считаете книгу Эдгара Поэ плодомъ фантазіи писателя?..

— Нѣтъ, капитанъ.

— Надѣюсь, вы теперь уже не сомнѣваетесь въ томъ, что и Артуръ Пимъ и Деркъ Питерсъ не выдуманы Эдгаромъ Поэ и что Уильямъ Гай, мой братъ, и пятеро матросовъ живы еще и до сихъ поръ?

— Послѣ всего того, что мнѣ пришлось узнать за эти дни, я не могу не вѣрить, капитанъ... Да, я вѣрю и отъ души желаю успѣха

вашей экспедиціи, которая имѣетъ цѣлью спасти несчастныхъ!..

— Я сдѣлаю все, что только буду въ силахъ сдѣлать, мистеръ Джіорлингъ, клянусь всемогущимъ Богомъ!.. И надѣюсь, что попытка моя увѣнчается успѣхомъ!

— Надѣюсь и я, капитанъ... даже увѣренъ въ этомъ... и если вы согласны...

— А развѣ вамъ такъ и не удалось поговорить обо всемъ этомъ съ нѣкіимъ Глассомъ, отставнымъ капраломъ англійской арміи, воображающимъ себя губернаторомъ Тристанъ д'Акуньи?..— освѣдомился капитанъ Ленъ Гай, не давъ мнѣ докончить начатой фразы.

— Да, я говорилъ съ нимъ,— отвѣтилъ я.— И то, что мнѣ сообщилъ этотъ человѣкъ, въ значительной степени способствовало превращенію моихъ сомнѣній въ увѣренность...

— А-а! онъ вамъ то же говорилъ объ этомъ?..

— Да... Онъ прекрасно все помнитъ и говорилъ, что видѣлъ „Джэнъ", когда она стояла у берега одиннадцать лѣтъ тому назадъ?..

— „Джэнъ"... а моего брата?..

— Онъ говорилъ мнѣ, что зналъ капитана Уилльяма Гайя...

— Онъ велъ торговлю съ „Джэнъ"?..

— Да... какъ дѣлалъ это въ послѣднее время и съ „Гальбраномъ"...

— Она стояла на якорѣ въ этой бухтѣ?...

— На томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ и вашъ голетъ, капитанъ.

— А... Артуръ Пимъ... Деркъ Питерсъ?..

— Онъ хорошо зналъ и ихъ обоихъ.

— А онъ спрашивалъ, гдѣ они теперь?..

— Конечно, спрашивалъ, и я сообщилъ ему о смерти Артура Пима, котораго онъ описывалъ мнѣ какъ смѣльчака... способнаго на самыя безумныя приключенія...

— Скажите лучше сумасшедшаго, опаснаго сумасшедшаго, мистеръ Джіорлингъ. Развѣ не онъ вовлекъ моего несчастнаго брата въ эту роковую экспедицію?..

— Судя по его разсказу, и въ самомъ дѣлѣ, приходится думать такъ...

— И никогда этого не забывать! — поспѣшно добавилъ капитанъ Ленъ Гай.

— Капралъ Глассъ, — продолжалъ я, — зналъ также и подшкипера „Джэнъ"... Паттерсона...

— Этотъ человѣкъ былъ превосходный морякъ, мистеръ Джіорлингъ, горячее сердце... смѣлый... храбрый!.. У Паттерсона вовсе не было враговъ... Онъ былъ тѣломъ и душой преданъ моему брату...

— Какъ Джимъ Вестъ преданъ вамъ, капитанъ!..

— Ахъ! Почему мы не встрѣтили льдину раньше?... Мы, можетъ-быть, нашли бы Паттерсона еще живымъ, а не мертвымъ... и всего бы только на нѣсколько дней раньше!..

— Его помощь была бы вамъ очень полезна! — замѣтилъ я.

— Да, мистеръ Джіорлингъ,— сказалъ капитанъ Ленъ Гай.— Ну, а знаетъ ли Глассъ, гдѣ находятся въ настоящее время капитанъ и матросы съ „Джэнъ"?..

— Я сообщилъ ему и это, капитанъ, точно такъ же, какъ и все что вы намѣрены сдѣлать для ихъ спасенія.

Я, конечно, ни однимъ словомъ не обмолвился о томъ, что капралъ Глассъ былъ очень удивленъ и даже обиженъ тѣмъ, что капитанъ Ленъ Гай не сдѣлалъ ему визита и этимъ нанесъ жестокій ударъ честолюбію губернатора Тристанъ д'Акуньи.

— Я хотѣлъ спросить васъ, мистеръ Джіорлингъ,— заговорилъ опять капитанъ Ленъ Гай послѣ короткаго молчанія: — какъ вы думаете, можно ли вѣрить безусловно всему тому, что разсказывается въ дневникѣ Артура Пима, изданномъ Эдгаромъ Поэ?..

— Мнѣ кажется, что къ нему нужно относиться съ большой осторожностью, принимая во вниманіе особенности характера героя этихъ приключеній, который, по моему мнѣнію, не всегда строго придерживается истины, — это между прочимъ видно изъ не совсѣмъ правдоподобнаго описанія катастрофы на островѣ Тсалаль. Возьмите хоть это: вашъ братъ Уилльямъ Гай и нѣсколько человѣкъ матросовъ спаслись, а, между тѣмъ, Артуръ Пимъ категорически утверждаетъ, что всѣ они погибли во время обвала холма Клокъ-Клока...

— О, нѣтъ!.. Онъ нигдѣ не говоритъ этого утвердительно, мистеръ Джіорлингъ!—возразилъ капитанъ Ленъ Гай. — Онъ просто говоритъ, что, когда Деркъ Питерсъ и онъ достигли отверстія, чрезъ которое могли видѣть окружающую ихъ мѣстность, они узнали секретъ искусственнаго землетрясенія... Какъ вы помните, вся стѣна холма обрушилась въ глубокій оврагъ, и на этомъ основаніи онъ вывелъ заключеніе, что подъ грудами обрушившейся земли погибли всѣ остальные его спутники. Это и только это дало ему поводъ думать, что Деркъ Питерсъ и онъ были единственными бѣлыми, оставшимися въ живыхъ на островѣ Тсалаль... Онъ говоритъ только это... и больше ничего!.. Это было только предположеніе... очень правдоподобное, согласитесь сами... но все-таки простое предположеніе!..

— Да, это, пожалуй, и вѣрно, капитанъ!

— Но теперь, благодаря записной книжкѣ Паттерсона, мы знаемъ, что моему брату и пятерымъ матросамъ какимъ-то чудомъ удалось избѣгнуть гибели и не попасться въ ловушку, устроенную дикарями.

— Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, капитанъ. Очень жаль только, что въ записной книжкѣ Паттерсона ничего не говорится о дальнѣйшей судьбѣ вашего брата и спасшихся съ нимъ матросовъ: попали ли они опять въ руки къ туземцамъ и находятся у нихъ въ плѣну и до сихъ поръ, или же бродятъ по острову Тсалаль... Нѣтъ ничего въ книжкѣ и о томъ, какимъ образомъ онъ отдѣлился отъ нихъ и попалъ на льдину, гдѣ и умеръ отъ голода.

— Все это... мы узнаемъ, мистеръ Джіорлингъ... Да... мы это узнаемъ... Самое важное то, что мы теперь навѣрное знаемъ, что мой братъ и пятеро матросовъ съ „Джэнъ“ были живы не больше четырехъ мѣсяцевъ тому назадъ и, можетъ-быть, и до сихъ поръ бродятъ по острову Тсалаль. Теперь для насъ съ вами уже не имѣетъ никакого значенія романъ за подписью Эдгара Поэ, а только правдивыя записки за подписью Паттерсона...

— Капитанъ, — сказалъ я тутъ, — хотите вы имѣть меня въ числѣ вашихъ спутниковъ до окончанія экспедиціи, которую предпринимаетъ „Гальбранъ“ къ антарктическому полюсу?..

Капитанъ Ленъ Гай бросилъ на меня такой взглядъ, точно старался пронизать насквозь. Этимъ, впрочемъ, онъ только и выказалъ свое удивленіе, когда я сдѣлалъ ему такое необыкновенное предложеніе, котораго онъ, можетъ-быть, ждалъ уже давно... и затѣмъ онъ произнесъ только одно слово:

— Съ удовольствіемъ.

ГЛАВА IX.

Снаряженіе „Гальбрана“.

Начертите прямоугольникъ длиною въ шестьдесятъ пять миль, съ востока на западъ, и шириной въ сорокъ миль, съ сѣвера на югъ, заключите въ этотъ треугольникъ два большихъ острова и около сотни маленькихъ островковъ, между 60°10′ и 64°36′ западной долготы и 51° и 52°45′ южной широты, — и вы получите группу, извѣстную у географовъ подъ названіемъ острововъ Фальклandскихъ или Малуинскихъ, которые, какъ передовой редутъ, стоятъ въ трехстахъ миляхъ отъ Магелланова пролива, на границѣ двухъ великихъ океановъ, Атлантическаго и Тихаго.

Въ 1592 г. Джонъ Дэвисъ первый открылъ этотъ архипелагъ, затѣмъ въ 1593 г. его посѣтилъ пиратъ Гаукинсъ, а въ 1689 г. на немъ побывалъ и Стронгъ, — все англичане, давшіе ему и настоящее названіе.

Спустя еще почти столѣтіе, французы, прогнанные изъ ихъ поселеній въ Канадѣ, пытались основать на этомъ архипелагѣ колонію и станцію, гдѣ могли бы запасаться провизіей тихоокеанскіе корабли, и такъ какъ большинство изъ нихъ были корсары родомъ изъ Сенъ-Мало, они дали этимъ островамъ имя Малуинскихъ, которое они съ той поры и носятъ вмѣстѣ съ прежнимъ названіемъ острововъ Фальклandскихъ. Ихъ соотечественникъ, Бугэнвилль, первый положилъ основаніе колоніи въ 1763 г., привезя съ собою двадцать семь человѣкъ, въ числѣ которыхъ было пять женщинъ; а десять мѣсяцевъ спустя, число колонистовъ доходило уже до ста пятидесяти.

Процвѣтаніе колоніи не замедлило вызвать протестъ со стороны Великобританіи. Англійское адмиралтейство отправило „Tamar“ и „Dauphin“, подъ командой командира Байрона. Въ 1766 г., по окончаніи плаванія въ Магеллановомъ проливѣ, англичане направились къ Фальклandамъ и, отмѣтивъ на западѣ островъ Портъ-Эгмонтъ, продолжали свое путешествіе къ южнымъ морямъ.

Французской колоніи, впрочемъ, не повезло, и очень скоро испанцы предъявили свои права на островъ. Послѣ долгихъ дипломатическихъ переговоровъ правительство Людовика XV рѣшилось, наконецъ, признать права испанцевъ за денежное вознагражденіе, и Бугэнвилль въ 1767 г. передалъ острова Фальклandскіе представителямъ испанскаго короля.

Всѣ эти обмѣны, всѣ эти „переходы“ изъ рукъ въ руки окончились такъ, какъ кончалось въ тѣ времена большинство такихъ предпріятій: совершенно неожиданно явились англичане и прогнали испан-

цевъ. Затѣмъ, начиная съ 1833 г., бритты являются уже одни полными хозяевами на Фальклавдахъ.

Когда 16 октября нашъ голетъ вошелъ въ Портъ-Эгмонтъ, группа эта уже цѣлыя шесть лѣтъ считалась въ числѣ британскихъ владѣній южной части Атлантическаго океана.

...«Гальбрану» пришлось все-таки бороться со шквалами... (Стр. 103.)

Два главныхъ острова по тому положенію, которое они занимаютъ по отношенію одинъ къ другому, называются Восточный Фальклавдъ, или Soledad, и Западный Фальклавдъ. И вотъ на сѣверной сторонѣ второго острова и находится Портъ-Эгмонтъ.

Когда „Гальбранъ“ сталъ на якорь въ глубинѣ этого порта, капитанъ Ленъ Гай далъ отпускъ всему экипажу на двѣнадцать часовъ,

Со слѣдующаго же дня долженъ былъ начаться самый тщательный и вмѣстѣ съ тѣмъ, крайне необходимый осмотръ кузова и такелажа, въ виду предстоявшаго очень продолжительнаго плаванія по антарктическимъ морямъ.

Капитанъ Ленъ Гай тоже съѣзжалъ въ этотъ день на берегъ повидаться и переговорить съ губернаторомъ архипелага — онъ назначается правительствомъ королевы — по поводу возможно скорой закупки провизіи для экипажа голета. Онъ рѣшилъ не жалѣть денегъ, потому что излишняя экономія, въ такихъ случаяхъ, можетъ очень вредно отозваться впослѣдствіи на успѣхѣ такой трудной экспедиціи. Впрочемъ, я съ удовольствіемъ готовъ былъ оказать ему денежную помощь, если бы она понадобилась и даже — я самъ сказалъ ему объ этомъ — я не прочь былъ принять на себя часть расходовъ по снаряженію экспедиціи. Да, теперь я былъ заполоненъ... захваченъ страннымъ стеченіемъ всѣхъ этихъ фактовъ. Мнѣ казалось, какъ и герою „Domaine Arnheim“, что путешествіе въ южныя моря необходимо совершить всѣмъ и каждому, кому нравится полное уединеніе и борьба со стихіями! Вотъ до чего я дошелъ, въ концѣ концовъ, благодаря чтенію фантастическихъ произведеній Эдгара Поэ!.. Кромѣ того тутъ шла рѣчь еще и о томъ, чтобы оказать помощь несчастнымъ, и мнѣ, понятно, очень хотѣлось бы принять участіе въ ихъ спасеніи.

Хотя капитанъ Ленъ Гай и съѣзжалъ на берегъ, это не послужило примѣромъ для Джима Веста, и онъ, слѣдуя своей привычкѣ, и не думалъ покидать голета. Помощникъ капитана не давалъ себѣ покоя даже и въ то время, когда отдыхалъ весь экипажъ, и до вечера былъ занятъ осмотромъ трюма.

Что касается меня, то я пожелалъ съѣхать на берегъ только на слѣдующій день. Во время нашей стоянки у меня съ избыткомъ хватитъ времени осмотрѣть окрестности Портъ-Эгмонта и заняться изслѣдованіемъ острова въ минералогическомъ и геологическомъ отношеніяхъ.

Для Герлигерли представлялся прекрасный случай возобновить со мной разговоръ и онъ не преминулъ имъ воспользоваться.

— Примите мои самыя искреннія и горячія поздравленія, мистеръ Джіорлингъ, — сказалъ онъ, подходя ко мнѣ.

— По какому поводу, боцманъ.

— По поводу того, что я узналъ, будто бы вы пожелали ѣхать съ нами чуть не на край свѣта, къ самому полюсу!..

— О... совсѣмъ не такъ далеко, какъ вамъ кажется, и, во всякомъ случаѣ, не дальше восемьдесятъ-четвертой параллели...

— Почемъ знать! — отвѣчалъ боцманъ. — Во всякомъ случаѣ, „Гальбранъ“ отхватитъ больше градусовъ по широтѣ, чѣмъ у него рифовыхъ сезней на бригантинѣ или выбленокъ у вантовъ!..

— Ну, тамъ увидимъ.

— А это васъ не пугаетъ?

— Нисколько.

— И насъ тоже, повѣрьте, мистеръ Джіорлингъ!.. Ге! ге! вотъ видите, хотя нашъ капитанъ и не разговорчивъ, а все-таки онъ добрый человѣкъ!.. Все зависитъ отъ того, чтобы умѣть съ нимъ ладить!.. Сначала онъ разрѣшилъ вамъ ѣхать до Тристанъ д'Акуньи, въ чемъ ранъ-

ше отказывалъ, а теперь онъ даетъ уже вамъ позволеніе проѣхаться и до самаго полюса.

— Кто же вамъ сказалъ, что мы собираемся ѣхать къ полюсу, боцманъ!

— Да ужъ дойдутъ же и до него когда-нибудь!

— До южнаго полюса?.. Я этому не вѣрю. Впрочемъ, это вѣдь и не представляетъ особеннаго интереса, и я не имѣю особеннаго желанія непремѣнно побывать тамъ!.. А теперь дѣло идетъ пока исключительно о томъ, чтобы добраться до острова Тсалаль!

— Островъ Тсалаль... Пусть такъ! — отвѣчалъ Герлигерли. — Но, все-таки, согласитесь сами, что нашъ капитанъ что-то особенно благоволитъ къ вамъ: такой несговорчивый человѣкъ и вдругъ согласился...

— И я за это очень благодаренъ ему, боцманъ, и вамъ, — поспѣшилъ я прибавить. — Такъ какъ, благодаря вашему ходатайству, я имѣю возможность совершить этотъ переѣздъ...

— И тотъ, который вамъ еще предстоитъ...

— Я знаю это, боцманъ.

Мнѣ кажется, что мой пріятель Герлигерли, любившій немножко прихвастнуть при случаѣ, почуялъ нѣкоторую дозу иронiи въ моемъ отвѣтѣ. Но, какъ человѣкъ умный, онъ даже и виду не подалъ, что понялъ ее, и продолжалъ по-старому разыгрывать роль моего покровителя. Сказать правду, я ровно ничего не имѣлъ противъ этого и охотно болталъ съ нимъ въ свободныя минуты, потому что онъ прекрасно зналъ не только Фальклaнды, но и всѣ вообще острова южной части Атлантическаго океана, гдѣ онъ плавалъ уже столько лѣтъ.

Изъ разсказовъ боцмана я основательно знакомился съ тѣми мѣстами, куда мы стремились, и такъ же хорошо успѣлъ изучить и Фальклaнды къ тому времени, когда лодка подвозила меня къ берегу, покрытому густой травой, какъ бы нарочно для того, чтобы не терлось дно лодки о песчаный грунтъ побережья.

Въ то время Фальклaнды далеко не имѣли того значенія, какъ теперь. Прошло не мало лѣтъ до тѣхъ поръ, пока на *Soledad'*ѣ былъ открытъ портъ Станлей, — тотъ самый портъ, который знаменитый французскій географъ Элизэ Реклю назвалъ „Идеальнымъ“, потому что онъ защищенъ со всѣхъ румбовъ компаса и могъ бы вмѣстить весь британскій флотъ. Но, когда мы подходили къ острову, этого еще не было, и „Гальбранъ“ направился въ Портъ-Эгмонтъ, на сѣверномъ берегу западнаго Фальклaнда или собственно Фальклaнда.

Странное впечатлѣніе произвели на меня въ первую минуту Фальклaнды!.. Если бы я просидѣлъ эти два мѣсяца въ особой каютѣ, съ повязкой на глазахъ, и не зналъ бы, куда идетъ голетъ, я очень затруднился бы отвѣтить на вопросъ, гдѣ мы: на Фальклaндахъ или въ Норвегіи?..

И на самомъ дѣлѣ, глядя на эти берега, изрѣзанные глубокими бухточками, на эти крутыя горы съ отвѣсными боками, на эти утесы съ острыми пиками — становится вполнѣ понятнымъ, что отвѣтить на этотъ вопросъ не легко. Даже самый чисто морской климатъ, безъ рѣзкихъ переходовъ отъ большихъ холодовъ зимой къ удушающему жару лѣтомъ, и тотъ можетъ ввести въ заблужденіе. Кромѣ того, частые дожди скандинавскаго неба изливаются въ такомъ же изобиліи и не-

бомъ Магелланова пролива. Наконецъ, здѣсь такъ же, какъ и на Скандинавскомъ полуостровѣ, весною и осенью бываютъ такіе же туманы и дуетъ такой же сильный вѣтеръ, который вырываетъ съ корнями даже овощи на огородахъ.

Но такъ могло показаться только въ первую минуту, а затѣмъ достаточно было бы нѣсколькихъ прогулокъ, чтобы догадаться, что экваторъ отдѣляетъ васъ отъ сѣверной Европы.

Меня могутъ спросить, что такое особенное я замѣтилъ въ первые дни моихъ экскурсій въ окрестностяхъ Портъ-Эгмонта? Ничего особеннаго, кромѣ ясныхъ указаній на болѣзненную растительность, нигдѣ не достигающую полнаго развитія и роста дерева. Тамъ и сямъ росъ только кустарникъ, вмѣсто гигантскихъ сосенъ и елей норвежскихъ горъ; таковъ здѣсь *bolaf*, нѣчто въ родѣ шпажника, тонкій, какъ тростникъ, высотою отъ шести до семи футовъ, доставляющій ароматическую камедь, валеріанъ, овсяница, ползучій ракитникъ, печеночникъ, фіалки и разведенный европейцами красный и бѣлый селлерей, отличающійся цѣлебными свойствами при цынготныхъ заболѣваніяхъ. Потомъ по поверхности торфяной почвы, мягкой какъ подушка, разстилался коверъ, испещренный мхами и лишаями. Нѣтъ! это не та привлекательная страна, гдѣ отдается эхо сагъ, это не поэтическая область Одина, Эрина и валькирій!

На поверхности глубокихъ водъ Фальклавдскаго пролива, раздѣляющаго два главныхъ острова, стлались необыкновенныя водяныя растенія, принадлежащія, исключительно, фальклавдской флорѣ, которыя поддерживаетъ цѣлая сѣть маленькихъ пузырьковъ, наполненныхъ воздухомъ. Кромѣ того, я долженъ замѣтить еще, что въ бухтахъ этого архипелага, гдѣ киты уже становятся рѣдки, водятся другія млекопитающія громаднаго роста, — тюлени съ гривой и цѣлыя стаи морскихъ слоновъ, волковъ или львовъ не менѣе гигантскихъ размѣровъ. Нельзя представить себѣ даже, какой крикъ поднимаютъ иногда эти земноводныя, въ особенности же самки и дѣтеныши. Можно подумать, что цѣлыя стада быковъ отчаянно мычатъ на этихъ побережьяхъ. Но охота, или, иначе, убой этихъ животныхъ не представляетъ ни затрудненій ни опасностей. Промышленники убиваютъ ихъ просто палками въ то время, когда они лежатъ, зарывшись въ песокъ на берегу.

Вотъ, повидимому, и все, чѣмъ разнится Скандинавія отъ Фальклавдовъ, не говоря уже о безчисленномъ количествѣ птицъ, поднимавшихся при моемъ приближеніи. Здѣсь водятся стрепеты, бакланы, гагары, черноголовые лебеди и цѣлыя стаи пингвиновъ, которыхъ ежегодно избиваютъ по нѣсколько сотенъ тысячъ.

Разъ какъ-то я пошелъ гулять, и вдругъ слышу откуда-то доносится оглушительный ослиный ревъ: я остановился, сталъ прислушиваться, а затѣмъ съ удивленіемъ спросилъ проходившаго мимо меня стараго рыболова:

— Развѣ тутъ въ окрестности есть ослы?..

— Сэръ, — отвѣчалъ онъ мнѣ, — это кричатъ вовсе не ослы... это орутъ во всю глотку пингвины...

Можетъ-быть, онъ и правъ, но мнѣ кажется, что, слушая дикій ревъ этихъ глупыхъ птицъ, даже и оселъ могъ бы подумать, что тутъ находятся гдѣ-то поблизости его сородичи!

Дни 17, 18 и 19-го октября Джимъ Вестъ употребилъ на самый тщательный осмотръ кузова голета. Результаты получились прекрасные, и осмотръ доказалъ, что кузовъ ни капельки не пострадалъ.

Форъ-штевень оказался достаточно крѣпкимъ, и могъ взламывать тонкій ледъ, подходя къ сплошнымъ льдамъ. На ахтеръ-штевень были наложены тамъ и сямъ оковки и, кромѣ того, устроено приспособленіе для предохраненія руля, въ случаѣ ударовъ о края льдинъ. Матросы повертывали голетъ то на штирбортъ, то на бакбортъ и самымъ добросовѣстнымъ образомъ переконопатили и осмолили всю обшивку. Какъ и большинство кораблей, предназначавшихся, главнымъ образомъ, для плаванія по холоднымъ морямъ, кузовъ „Гальбрана“ не былъ обшитъ мѣдью, которая очень скоро отстаетъ во время тренія о ледяныя горы, острыя ребра которыхъ, къ тому же, сильно портятъ киленбанкъ. Затѣмъ Джимъ Вестъ перемѣнилъ извѣстное число нагелей, связывавшихъ обшивку съ тимберсами, и послѣ этого, подъ командой Гарди, нашего старшаго конопатчика, колотушки начали отбивать свою обычную барабанную дробь.

20-го, послѣ полудня, въ сопровожденіи того стараго моряка, о которомъ я говорилъ, — добрякъ не могъ устоять противъ приманки въ видѣ піастра и большого стакана джина, — я отправился на западную сторону бухты. Западный Фалькландъ, по величинѣ, гораздо больше своего сосѣда *Soledad* и имѣетъ другой портъ на самой оконечности южной стрѣлки — Байронсъ-Саундъ; но, по отдаленности, я не намѣревался пока туда пробираться.

Не могу, даже приблизительно, опредѣлить населеніе этого архипелага. Думаю, однакоже, что въ то время оно состояло не больше, какъ изъ двухсотъ, трехсотъ лицъ, большею частью англичанъ, и небольшого числа индѣйцевъ, португальцевъ, испанцевъ, гаучосовъ изъ аргентинскихъ Пампассвъ и туземцевъ съ Огненной Земли; съ другой стороны, тысячами и тысячами головъ надо было считать представителей овечьей породы, разсыпавшихся по его поверхности. Болѣе пятисотъ тысячъ овецъ доставляютъ ежегодно болѣе, чѣмъ на четыреста тысячъ долларовъ шерсти. На островахъ водится также и рогатый скотъ, который здѣсь акклиматизировался прекрасно и даже замѣтно увеличивается въ ростѣ, тогда какъ другія четвероногія — лошади, свиньи, кролики, наоборотъ, мельчаютъ. Впрочемъ, это, можетъ-быть, потому, что всѣ они живутъ въ дикомъ состояніи. Что же касается собаки-лисицы, изъ породы, спеціально принадлежащей къ фальклавдской фаунѣ, она одна только и напоминаетъ въ этой странѣ о хищникахъ.

Какъ видно, группа эта не даромъ была прозвана „скотнымъ дворомъ“. Какія здѣсь неистощимыя пастбища, какое изобиліе сочной травы, *tussock*, которую природа щедро доставляетъ травоядным животнымъ! Австралія, славящаяся обиліемъ пастбищъ, и та не можетъ предложить лучшаго стола своимъ четвероногимъ гостямъ изъ овечьей и бычьей породы.

Поэтому Фальклавды должны быть поставлены на первомъ планѣ, когда явится надобность устраивать пункты для снабженія кораблей съѣстными припасами. Группа эта должна имѣть большое значеніе какъ для тѣхъ мореплавателей, которые направляются къ Магелланову про-

ливу, такъ и для тѣхъ, которые занимаются рыбною ловлей по сосѣдству съ полярными землями...

По окончаніи работъ по ремонту кузова, лейтенантъ занялся рангоутомъ и такелажемъ, при дѣятельномъ, конечно, участіи нашего паруснаго старшины Мартина Гольта, человѣка очень свѣдущаго въ области своей спеціальности.

— Мистеръ Джіорлингъ! — сказалъ мнѣ въ этотъ день, 21-го октября, капитанъ Ленъ Гай. — Вотъ видите, какъ мы заботимся о томъ, чтобы ничто не было упущено для того, чтобы обезпечить успѣхъ нашей экспедиціи. Все, что можно и надо было предвидѣть, сдѣлано. И если „Гальбранъ“ и погибнетъ во время какой-нибудь катастрофы, то это случится только потому, что человѣческимъ существамъ нельзя итти противъ Промысла Божія!..

— Повторяю вамъ еще разъ, капитанъ, я надѣюсьна успѣхъ,— отвѣчалъ я,—вашъ голетъ и вашъ экипажъ заслуживаютъ полнаго довѣрія.

— Вы правы, мистеръ Джіорлингъ, я тоже надѣюсь, что намъ такъ или иначе, а удастся пробраться черезъ льды. Не знаю и не могу представить себѣ, что дастъ въ будущемъ паръ, но сомнѣваюсь, чтобы эти пароходы, съ громоздкими и ломкими колесами, могли замѣнить парусникъ для плаванія по ледовитому океану... И потомъ имъ то и дѣло будетъ нужно возобновлять запасы каменнаго угля... Нѣтъ! по-моему, гораздо лучше ѣхать на кораблѣ, хорошо слушающемся руля, и пользоваться только однимъ вѣтромъ, который, собственно говоря, всегда къ вашимъ услугамъ, съ какой бы стороны онъ ни дулъ, если, конечно, знаешь свое дѣло такъ, какъ мой лейтенантъ...

— Я съ вами совершенно согласенъ, капитанъ, и, разсуждая съ точки зрѣнія моряка, я увѣренъ, что нельзя было бы даже и найти лучшаго судна!.. Но, въ томъ случаѣ, если экспедиція затянется очень на долго, очень возможно, что провизіи...

— Мы возьмемъ съ собой провизіи на два года, мистеръ Джіорлингъ, и при томъ все самое лучшее. Портъ-Эгмонтъ такое мѣсто, гдѣ можно достать все, что нужно...

— Еще одинъ вопросъ, капитанъ, если позволите!..

— Какой?

— Неужели вы разсчитываете обойтись такимъ сравнительно незначительнымъ числомъ матросовъ, какое служитъ теперь на „Гальбранѣ“?.. Ихъ, правда, совершенно достаточно для управленія голетомъ; но кто знаетъ, что насъ ждетъ впереди, и, можетъ-быть, намъ придется если не нападать, то защищаться отъ враговъ?.. Не слѣдуетъ забывать, что, судя по разсказамъ Артура Пима, число туземцевъ острова Тсалаль составляетъ тысячи!.. А если еще окажется, что вашъ братъ Уилльямъ Гай... и его матросы въ плѣну...

— Я надѣюсь, мистеръ Джіорлингъ, что наши пушки будутъ защищать „Гальбранъ“ лучше, чѣмъ это дѣлали пушки „Джэнъ“. Сказать вамъ правду, я и самъ думаю, что теперешняго состава экипажа далеко недостаточно для нашей экспедиціи. Поэтому я хочу нанять еще нѣсколько человѣкъ матросовъ...

— А трудно это?

— И да и нѣтъ, потому что я заручился обѣщаніемъ губернатора помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ.

— Мнѣ кажется, капитанъ, что охотниковъ можно будетъ привлечь высокой платой...

— Двойной, мистеръ Джіорлингъ, т. е. такой же платой, какую будетъ получать и весь экипажъ.

— Вы знаете, капитанъ, я готовъ... я желаю даже принять участіе въ расходахъ по этой экспедиціи... Пожалуйста, смотрите на меня, какъ на вашего компаньона...

— Это, конечно, можно устроить, мистеръ Джіорлингъ, и я вамъ очень благодаренъ. Самое важное, — окончить снаряженіе голета въ кратчайшій срокъ. Надо, чтобы черезъ недѣлю мы могли сняться съ якоря.

Извѣстіе, что голетъ собирается отправиться въ моря антарктическаго пояса, произвело нѣкоторую сенсацію на Фальклandахъ, какъ въ Портъ-Эгмонтѣ, такъ и въ другихъ портахъ *Soledad*. Въ это время тамъ находилось много моряковъ безъ дѣла, изъ числа тѣхъ, которые ждутъ прихода китолововъ, чтобы предложить имъ свои услуги, впрочемъ, хорошо оплачиваемыя. Если бы шло дѣло только о рыболовной кампаніи на границахъ полярнаго круга, между южными Сандвичевыми островами и Новой Георгіей, то капитану Ленъ Гайю пришлось бы многимъ даже отказывать. Но углубиться за сплошной ледъ, проникнуть гораздо дальше, чѣмъ это удавалось до сихъ поръ другимъ мореплавателямъ, хотя это и дѣлалось съ цѣлью оказать помощь несчастнымъ, — это могло заставить призадуматься очень и очень многихъ. Только одни старые матросы „Гальбрана“ могли не думать объ опасностяхъ, съ которыми сопряжены подобнаго рода экспедиціи, и согласиться слѣдовать за своимъ начальникомъ такъ далеко, какъ онъ найдетъ нужнымъ.

Весь вопросъ сводился не болѣе и не менѣе какъ къ тому, чтобы увеличить втрое число матросовъ на голетѣ. Считая капитана, лейтенанта, боцмана, повара и меня, насъ было всего тринадцать человѣкъ; а для такой экспедиціи немного было бы даже и тридцати-двухъ — тридцати-четырехъ человѣкъ, особенно, если принять во вниманіе, что экипажъ „Джэнъ“ состоялъ изъ тридцати-семи человѣкъ.

Если не особенно легко было найти охотниковъ ѣхать къ сѣверному полюсу, то также, если не труднѣе, было сдѣлать подходящій выборъ людей для укомплектованія экипажа. Капитану нужно было нанять вдвое больше того числа матросовъ, которое у него было въ настоящее время. Но кто могъ сказать, что эти фальклandскіе моряки, поступавшіе на лѣтній сезонъ на китоловныя суда, дадутъ желаемый контингентъ знающихъ свое дѣло, честныхъ матросовъ? Китоловы нанимаютъ четверыхъ-пятерыхъ матросовъ, и они, за рѣдкими исключеніями, такъ сказать, сливаются съ остальной массой довольно многочисленнаго экипажа; другое дѣло голетъ, который долженъ принять къ себѣ цѣлую толпу совершенно неизвѣстныхъ людей.

Несмотря на это, капитанъ Ленъ Гай все-таки надѣялся, что ему не придется раскаиваться въ выборѣ людей, потому что ему обѣщали въ этомъ дѣлѣ свое содѣйствіе власти архипелага.

Губернаторъ очень заинтересовался предстоящей экспедиціей и помогалъ капитану всѣми зависѣвшими отъ него мѣрами.

Кромѣ того, благодаря обѣщанному большому жалованью, въ желающихъ недостатка не было.

Такъ или иначе, а только наканунѣ отъѣзда, назначеннаго на 27 октября, комплектъ экипажа былъ набранъ.

Нѣтъ никакой надобности перечислять поименно всѣхъ новопоступившихъ матросовъ и дѣлать ихъ характеристику. Всѣхъ ихъ увидятъ и оцѣнятъ на дѣлѣ. Были между ними хорошіе, были и дурные. Самое важное заключалось въ томъ, что изъ многочисленнаго контингента желающихъ было взято самое лучшее или, лучше сказать, все, что было наименѣе худшаго, смотря по тому, какое выраженіе больше нравится.

Я ограничусь тѣмъ, что скажу, что въ число этихъ новобранцевъ попало шестеро англичанъ — между ними квартирмейстеръ Гирнъ изъ Глазго; пятеро были по происхожденію американцы (Соединенные штаты) и восемь человѣкъ, національность которыхъ опредѣлить было довольно трудно — одни изъ нихъ называли себя голландцами, а остальные — полу-испанцы, полу-инцѣйцы съ Огненной Земли. Самому младшему изъ нихъ было девятнадцать лѣтъ, а самому старшему — сорокъ лѣтъ. Большинство изъ нихъ можно было назвать знающими свое дѣло матросами, потому что они уже успѣли послужить или на коммерческихъ судахъ, или у китолововъ, промышлявшихъ китовъ, тюленей и другихъ земноводныхъ въ южной части антарктическаго океана. Остальные же, хотя и не матросы, были наняты исключительно съ той цѣлью, чтобы довести число людей экипажа до извѣстной нормы, на случай битвы съ туземцами.

Въ результатѣ экипажъ голета увеличился на девятнадцать человѣкъ, нанятыхъ на все время предполагаемой экспедиціи, срокъ возвращенія изъ которой хотя и не могъ быть опредѣленъ заранѣе, но при наймѣ новичкамъ было объявлено, что голетъ не пойдетъ дальше острова Тсалаль.

Что касается жалованья, то съ увѣренностью можно сказать, что ни одинъ изъ этихъ людей никогда не получалъ и половины того, что ему назначалось по контракту. Теперь экипажъ, кромѣ меня, состоялъ изъ тридцати-одного человѣка, считая въ томъ числѣ капитана и лейтенанта „Гальбрана“. Затѣмъ, совершенно неожиданно, число это увеличилось еще однимъ человѣкомъ, тридцать-вторымъ, на котораго слѣдуетъ обратить особенное вниманіе.

Наканунѣ отъѣзда капитана Ленъ Гайя остановилъ на берегу одинъ индивидуумъ — морякъ, какъ это сразу было замѣтно по его одеждѣ, походкѣ и манерамъ.

Человѣкъ этотъ, обращаясь къ капитану, проговорилъ голосомъ грубымъ и невнятнымъ:

— Капитанъ... я хочу сдѣлать вамъ одно предложеніе!

— Какое?...

— Поймите меня... Есть у васъ еще мѣсто на бортѣ?..

— Для матроса?..

— Для матроса

— И да и нѣт отвѣтилъ капитанъ Ленъ Гай.

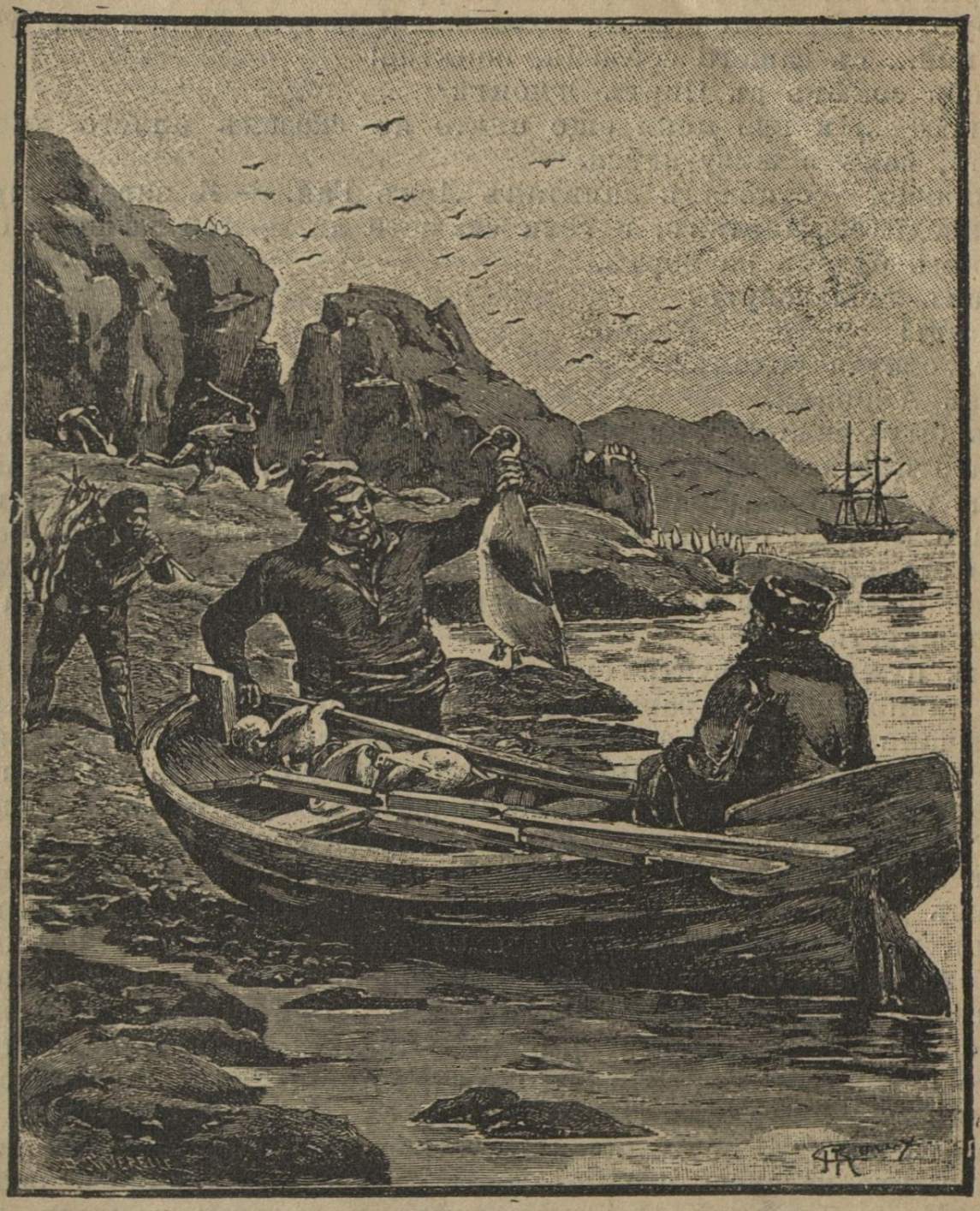
— Такъ, значитъ, да — переспросилъ неизвѣстный.

— Будетъ да, если тотъ, ко мнѣ просится, окажется тѣмъ что мнѣ нужно.

— Согласны вы взять меня?

— Ты морякъ?

— Я плаваю двадцать-пять лѣтъ.
— Гдѣ?
— Въ южныхъ моряхъ.
— Далеко?
— Да... поймите меня... далеко!



...Это стоитъ цыпленка, мистеръ Джіорлингъ... (Стр. 111.)

— Сколько тебѣ лѣтъ?
— Сорокъ-четыре года.
— Ты давно живешь въ Портъ-Эгмонтѣ?
— На святкахъ будетъ три года.
— Ты расчитывалъ наняться матросомъ къ какому-нибудь китолову?

— Нѣтъ.

— Что же ты здѣсь дѣлалъ?

— Ничего... Поймите меня... я и не собирался уже больше плавать...

— Такъ зачѣмъ же ты нанимаешься?

— Пришло въ голову... Тутъ всѣ кругомъ толкуютъ объ экспедиціи, въ которую отправляется вашъ голетъ... Я хочу... Да... я хочу участвовать въ ней... съ вашего согласія, понятно!

— Тебя знаютъ въ Портъ-Эгмонтѣ?

— Знаютъ... и про меня еще никто не сказалъ ничего худого съ тѣхъ поръ, какъ я живу здѣсь.

— Хорошо, — отвѣчалъ капитанъ Ленъ Гай. — Я наведу справки...

— Наведите, капитанъ, и если скажете да, — мой мѣшокъ сегодня же вечеромъ будетъ на бортѣ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Гентъ!

— Ты откуда родомъ?

— Изъ Америки.

Гентъ былъ человѣкъ маленькаго роста, съ сильно загорѣлымъ, почти кирпичнаго цвѣта лицомъ, съ кожей желтоватой, точно у индѣйца, съ большимъ туловищемъ, такой же большой головой и кривыми ногами. Съ перваго взгляда онъ казался человѣкомъ очень сильнымъ, особенно поражали его руки, заканчивавшіяся такими кистями, что... Волосы на его головѣ были съ сильной просѣдью и очень похожи были на всклокоченную шерсть.

Затѣмъ нужно отмѣтить еще одну особенность, придававшую этой странной личности что-то загадочное — и это говорило не въ его пользу — это необычайная острота взгляда его маленькихъ глазъ, почти безгубый ротъ, раскрывавшійся отъ одного уха до другого, и длинные зубы съ неповрежденною эмалью, очевидно, не знавшіе даже, что такое цынга, отъ которой такъ часто страдаютъ моряки въ высокихъ широтахъ.

Гентъ жилъ уже цѣлыхъ три года на Фальклandахъ: сначала въ одномъ изъ портовъ Soledad, въ бухтѣ французовъ, затѣмъ, въ послѣднее время, въ Портъ-Эгмонтѣ. Его считали человѣкомъ необщительнымъ, и онъ жилъ одиноко на пенсію; но какова была эта пенсія и откуда, никто этого не зналъ. Говорили, что онъ занимался рыбной ловлей, и одно только это занятіе, помимо пенсіи, могло бы обезпечить ему безбѣдное существованіе, если бы онъ сталъ торговать пойманною рыбой.

Собранныя капитаномъ Ленъ Гайемъ свѣдѣнія относительно Гента, надо сказать правду, не отличались особенною полнотой, за исключеніемъ того, что касалось его поведенія съ тѣхъ поръ, какъ онъ поселился въ Портъ-Эгмонтѣ. Этотъ человѣкъ не дрался, не пилъ, никогда его не видѣли навеселѣ и, кромѣ того, не разъ давалъ доказательства своей геркулесовской силы. Что касается его прошлаго, то этого никто не зналъ, но, конечно, это было прошлое моряка. Онъ самъ разсказалъ о себѣ капитану Ленъ Гайю гораздо больше, чѣмъ кому-нибудь другому.

На всѣ остальные вопросы онъ отвѣчалъ молчаніемъ, находя, что вполнѣ достаточно и того, что онъ нашелъ возможнымъ сказать. Впрочемъ, въ этомъ и надобности особенной не было; достаточно было и

того, что это трезвый, знающій свое дѣло, а слѣдовательно, и полезный матросъ.

Короче сказать, всѣ собранныя свѣдѣнія были таковы, что капитанъ положительно не имѣлъ никакихъ поводовъ отклонить просьбу Гента. Напротивъ, можно было бы желать, чтобы и объ остальныхъ матросахъ Портъ-Эгмонта дали бы въ общемъ такіе же хорошіе отзывы.

Поэтому и Гентъ получилъ благопріятный отвѣтъ, и въ тотъ же день вечеромъ переселился на судно.

Голетъ стоялъ совсѣмъ готовый къ отъѣзду. „Гальбранъ“ принялъ грузъ съѣстныхъ припасовъ на два года: солонины, разныхъ сортовъ кореньевъ и селлерею и ложечной травы, какъ противо-цынготныя средства. Въ трюмѣ лежали ярусами боченки съ водкой и съ джиномъ для обычныхъ ежедневныхъ порцій и большой запасъ муки и сухарей, пріобрѣтенныхъ въ портовыхъ магазинахъ.

Въ качествѣ боевыхъ припасовъ, были доставлены по приказанію губернатора порохъ, ядра, ружейныя пули и картечь. Капитанъ Ленъ Гай даже раздобылся абордажными сѣтями съ одного корабля, который былъ выброшенъ бурей на прибрежные утесы, снаружи бухты.

Утромъ 27-го, въ присутствіи властей ахрипелага, съ замѣчательной быстротой закончились послѣднія приготовленія къ снятію съ якоря. Уѣзжающіе простились съ остающимися на берегу. Затѣмъ подняли якорь, и голетъ отчалилъ отъ пристани.

Небольшой вѣтерокъ дулъ съ сѣверозапада, и „Гальбранъ“, подъ всѣми верхними и нижними парусами, направился къ выходу. Выбравшись въ открытое море, онъ взялъ курсъ на востокъ для того, чтобы обогнуть стрѣлку Тамаръ-Гарта на оконечности пролива, раздѣляющаго оба острова. Вскорѣ послѣ полудня мы миновали и Soledad, который остался на бакбортѣ. Наконецъ, къ вечеру исчезли въ туманной дали на горизонтѣ и мысы Дельфина и Пембрукъ.

Экспедиція началась, и одному только Богу было извѣстно, какая участь ждала этихъ мужественныхъ людей, которые, изъ чувства человѣколюбія, стремились на помощь къ ближнему въ невѣдомыя области антарктическаго пояса.

ГЛАВА X.

Начало путешествія.

Съ Фальклавдскихъ острововъ отплыли 27 сентября 1830 г. и „Tuba“ и „Lively“, подъ командой капитана Бискоэ, которые отсюда направились къ землѣ Сандвича, и 1-го января слѣдующаго года уже огибали сѣверную ихъ стрѣлку. Еще черезъ шесть недѣль послѣ этого „Lively“ потерпѣлъ уже крушеніе и та же участь — по аналогіи, я думаю, — ждала въ недалекомъ будущемъ и нашъ голетъ.

Капитанъ Ленъ Гай отправлялся въ экспедицію съ того же самаго пункта, какъ и Бискоэ, которому пришлось потомъ потратить цѣлые тридцать-шесть дней на то, чтобы достигнуть земли Сандвича. Произошло это потому, что англійскому мореплавателю пришлось бороться съ плавучими льдинами, которыя встрѣтили его сейчасъ же за поляр-

нымъ кругомъ и заставили уклониться къ юго-востоку до сорокъ-пятаго градуса восточной долготы. Этому обстоятельству географія и обязана открытіемъ земли Эндерби.

Капитанъ отмѣтилъ на картѣ маршрутъ Бискоэ и, показывая его Джиму Весту и мнѣ, прибавилъ:

— Я, впрочемъ, вовсе не имѣю намѣренія итти непремѣнно по слѣдамъ Бискоэ, а хочу слѣдовать примѣру Уэделля, который пытался проникнуть къ южному полюсу въ 1822 г. на корабляхъ „Beaufoy“ и „Jane“... „Джэнъ“... не правда ли, какъ это странно, мистеръ Джіорлингъ! Но „Джэнъ“ Бискоэ была гораздо счастливѣе „Джэнъ“ моего брата и не погибла безслѣдно за границей сплошного льда *).

— Пойдемте впередъ, капитанъ — отвѣчалъ я, — и если не по слѣдамъ Бискоэ, то по слѣдамъ Уэделля. Этотъ смѣлый морякъ былъ только простой китоловъ и, несмотря на это, пробрался гораздо дальше всѣхъ своихъ предшественниковъ, и мнѣ кажется, что мы всего лучше сдѣлаемъ, если послѣдуемъ его примѣру и пойдемъ тою же дорогой...

— Да, мы пойдемъ этой дорогой, мистеръ Джіорлингъ. Но, если мы не встрѣтимъ на пути никакихъ препятствій и если „Гальбранъ“ встрѣтитъ сплошной ледъ только около половины декабря, это будетъ значить, что мы явились слишкомъ рано. Не забывайте, что Уэделль достигъ шестьдесятъ-второй параллели только въ половинѣ февраля и только тогда, говоритъ онъ, „не было видно ни одного кусочка льда“. Затѣмъ къ 20 февраля онъ добрался до семидесяти-четырехъ градусовъ тридцати-шести минутъ южной широты и этимъ и закончилъ свое путешествіе въ южныя области. Ни одно судно не проникало дальше его, — ни одно, за исключеніемъ „Джэнъ“, не вернувшейся назадъ... Итакъ, значитъ, съ этой стороны въ антарктическихъ земляхъ существуетъ глубокая выемка между тридцатымъ и сороковымъ меридіанами, если, послѣ Уэделля, Уилльямъ Гай могъ побывать всего въ шести градусахъ отъ южнаго полюса.

По своей всегдашней привычкѣ Джимъ Вестъ слушалъ молча, и измѣрялъ взоромъ пространство, которое капитанъ Ленъ Гай показывалъ между стрѣлками компаса. Онъ постоянно держалъ себя, какъ

---

*) Въ 1838 г. Дюмонъ Дюрвиль, командиръ „Астролюбіи“, назначилъ рандэву на Фалькландахъ отправившемуся вмѣстѣ съ нимъ судну „Zélee“, на тотъ случай, если оба корвета будутъ разлучены непогодой или льдами, и мѣстомъ свиданія выбралъ бухту Soledad. Эта экспедиція (1837, 1838, 1839 и 1840 гг), одна изъ самыхъ опаснѣйшихъ, дала возможность открыть сто-двадцать миль неизвѣстныхъ до тѣхъ поръ земель—земля Луи Филиппа и Жуанвилля,— между шестьдесятъ-третьимъ и шестьдесятъ-четвертымъ градусами южной широты и между пятьдесятъ-восьмымъ и шестьдесятъ-вторымъ градусами западной долготы (по парижскому меридіану). Результатомъ путешествія 1740 г. было открытіе въ январѣ на противоположной окраинѣ полярнаго континента, земли Адель, а за ней побережья Клэри. Но м-ру Джіорлингу въ то время, когда онъ покидалъ Фалькланды, конечно, не могли быть извѣстны такіе важные географическіе факты. Затѣмъ мы можемъ прибавить еще, что съ того времени дѣлалось еще не мало попытокъ достигнуть высокихъ широтъ антарктическаго моря. Тутъ, кромѣ Джемса Росса, нужно упомянуть также молодого норвежскаго моряка Боргревинша, поднявшагося еще выше, чѣмъ это сдѣлалъ англійскій мореплаватель, и капитана Ларсэна, командира норвежскаго китоловнаго судна „Jason“, который въ 1893 г. нашелъ море свободнымъ на югѣ отъ земель Жуанвилля и Луи-Филиппа и прошелъ гораздо далѣе шестьдесятъ-восьмой параллели.

Ж. В.

человѣкъ, только что получившій приказаніе, которое онъ и спѣшитъ исполнить, и готовъ итти, куда ему ни прикажутъ.

— Капитанъ, — продолжалъ я, — вы, по всей вѣроятности, будете стараться итти тѣмъ же курсомъ, какимъ шла и „Джэнъ“?..

— Непремѣнно.

— Тогда намъ нужно, прежде всего, имѣть въ виду, что отъ Тристанъ д'Акуньи вашъ братъ направился къ югу разыскивать острова Авроры, которыхъ онъ, впрочемъ, не нашелъ, какъ не нашелъ и того изъ этихъ острововъ, которому губернаторъ, отставной капралъ Глассъ, могъ бы съ гордостью дать свое имя! И только тогда онъ уже рѣшилъ привести въ исполненіе проектъ, о которомъ такъ часто съ нимъ говорилъ Артуръ Пимъ, и, какъ вы, конечно, помните, 1-го января онъ перешелъ южный полярный кругъ между сорокъ-первымъ и сорокъ-вторымъ градусомъ западной долготы...

— Я это знаю, — возразилъ капитанъ Ленъ Гай; — то же самое продѣлаетъ и „Гальбранъ“ для того, чтобы достигнуть сначала островка Беннета, а затѣмъ острова Тсалаль... И дай Богъ, чтобы онъ точно такъ же, какъ „Джэнъ“ и корабли Уэделля, встрѣтилъ передъ собой открытое море!

— Если окажется, что море еще не очистилось ото льда въ то время, когда нашъ голетъ подойдетъ къ границѣ сплошныхъ льдовъ,— говорю я, — намъ придется выждать этого времени въ открытомъ морѣ...

— Такъ мы и сдѣлаемъ, мистеръ Джіорлингъ, и я даже желалъ бы притти туда заблаговременно. Сплошной ледъ — это стѣна, въ которой вдругъ открывается дверь и затѣмъ сейчасъ же затворяется... Надо быть тамъ, воспользоваться моментомъ и не думать о томъ, какъ придется возвращаться.

О возвращеніи, впрочемъ, никто и не думалъ на „Гальбранѣ“.

„Forward“!.. Впередъ!— вотъ что услышали бы въ отвѣтъ на предложеніе повернуть назадъ.

Тутъ молчавшій до сихъ поръ Джимъ Вестъ высказалъ слѣдующее замѣчаніе:

— Разсказъ Артура Пима, по крайней мѣрѣ, о первой части путешествія, ведется съ такими подробностями, что намъ, по-моему, можно и не жалѣть объ отсутствіи его товарища Дерка Питерса.

— Это большое счастье, — отвѣчалъ капитанъ Ленъ Гай, — потому что мнѣ, при всемъ стараніи, такъ и не удалось разыскать метиса, скрывшагося куда-то изъ Иллинойса. Мнѣ тоже кажется, что для насъ будетъ совершенно достаточно тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣются въ дневникѣ Артура Пима о положеніи острова Тсалаль...

— Если только намъ не придется продолжить наши изысканія за восемьдесятъ-четвертый градусъ... — замѣтилъ я.

— А зачѣмъ это намъ можетъ понадобиться, мистеръ Джіорлингъ, разъ мы знаемъ, что уцѣлѣвшій экипажъ „Джэнъ“ не покидалъ острова Тсалаль?.. Развѣ вы забыли содержаніе замѣтки въ записной книжкѣ Паттерсона?..

Да, хотя Дерка Питерса и нѣтъ на голетѣ, — въ этомъ не могло быть никакого сомнѣнія,—но „Гальбранъ“ и безъ него сумѣетъ достигнуть намѣченной цѣли. Пусть только экипажъ не забываетъ примѣнять на

практикѣ три главныя добродѣтели моряка: бдительность, отвагу и настойчивость.

Какъ странно иногда складываются обстоятельства!.. Отправившись на Кергуэлены заниматься учеными изслѣдованіями, я, въ концѣ концовъ, попадаю въ число участниковъ такой экспедиціи, въ сравненіи съ который всѣ мои предыдущія путешествія можно будетъ назвать только простыми прогулками... Думалъ ли я когда-нибудь, что меня ждетъ что-нибудь подобное?.. Но судьбѣ угодно было, чтобы я совершилъ путешествіе къ южному полюсу, въ тѣ неизвѣстныя области, куда до сихъ поръ не удавалось проникнуть еще ни одному изъ отважныхъ піонеровъ науки!.. Кто знаетъ?.. Можетъ-быть, намъ посчастливится больше, чѣмъ имъ, и сфинксъ антарктическихъ областей заговоритъ, наконецъ, языкомъ, понятнымъ простому смертному!..

При этомъ я, конечно, не забывалъ, что въ южныя области насъ влекло, главнымъ образомъ, желаніе притти на помощь ближнему. „Гальбранъ“ или, правильнѣе, экипажъ голета поставилъ себѣ задачей спасти во что бы то ни стало капитана Уилльяма Гайя и пятерыхъ матросовъ. Вотъ главная и, надо прибавить, единственная цѣль, которую пока преслѣдовалъ „Гальбранъ“, слѣдуя по пути, указанному „Джэнъ“. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, „Гальбрану“ останется только отправиться въ обратный путь, потому что ему не зачѣмъ будетъ разыскивать ни Артура Пима ни Дерка Питерса, благополучно вернувшихся, хотя и неизвѣстно какъ, изъ ихъ необычайнаго путешествія!..

Въ первые дни плаванія вновь нанятые люди понемногу изучали порядокъ службы на голетѣ, а старослуживые, — надо сказать правду, все славный народъ — старались облегчить имъ этотъ трудъ. Хотя капитану Ленъ Гайю и не изъ чего было особенно выбирать, но ему, какъ говорятъ матросы, въ этомъ случаѣ особенно „пофартило“. Всѣ эти вновь нанятые матросы казались усердными и добрыми молодцами. Впрочемъ, они успѣли уже узнать, что лейтенантъ шутить не любитъ. Герлигерли въ первый же день съ обычнымъ краснорѣчіемъ объяснилъ имъ, что Джимъ Вестъ не станетъ долго думать и размозжитъ голову тому, кто не будетъ ходить прямой дорогой... А капитанъ предоставлялъ ему въ этомъ отношеніи полную широту дѣйствовать, какъ угодно.

— Такую широту, — добавилъ онъ въ заключеніе, — которая получается, если взять высоту глаза крѣпко сжатымъ кулакомъ!

По одной этой манерѣ давать необходимыя объясненія, сразу можно было бы узнать, что за человѣкъ боцманъ.

Новички, конечно, намотали себѣ на усъ это замѣчаніе, и наказывать не пришлось никого. Что же касается Гента, то онъ хотя и работалъ со всѣмъ усердіемъ стараго бывалаго матроса, но все-таки держался постоянно въ сторонѣ, ни съ кѣмъ не разговаривалъ и даже спалъ пріютившись гдѣ-нибудь на палубѣ, не желая почему-то занимать койку въ помѣщеніи матросовъ.

Температура воздуха все еще была довольно низка. Матросы не снимали еще шерстяныхъ голланокъ и рубахъ, панталонъ изъ толстаго сукна и непромокаемаго плаща съ капюшономъ изъ толстой крашеной парусины, представляющаго наилучшую защиту отъ снѣга, дождя и шквалова.

Капитанъ Ленъ Гай приказалъ держать курсъ къ островамъ Сандвича, мимо Новой Георгіи, которая находится всего въ восьмистахъ миляхъ отъ Фальклавдовъ. Тогда голетъ пойдетъ какъ разъ тою же дорогой, какой шла и „Джэнъ“, и ему останется только итти по ея стопамъ, чтобы добраться до восемьдесятъ-четвертой параллели.

Слѣдуя этимъ курсомъ, мы 2-го ноября были уже на пересѣченіи 53° 15′ южной широты и 47° 33′ западной долготы, гдѣ, по словамъ нѣкоторыхъ мореплавателей, должны были бы находиться острова Авроры.

И что же оказалось?.. А то, что, несмотря на всѣ увѣренія, по моему мнѣнію, очень опрометчивыя, капитановъ — „Aurora“ въ 1762 г., „San Miguel“ въ 1769 г., „Pearl“ въ 1779 г., „Prinicus“ и „Dolorès“ въ 1790 г., „Atrevida“ въ 1794 г., которые даже точно обозначали на картахъ мѣсто трехъ острововъ группы,— мы не замѣтили никакихъ признаковъ земли на всемъ пройденномъ нами пространствѣ. Такъ же точно были неудачны поиски Уэделля въ 1820 г. и Уилльяма Гайя въ 1827 г.

То же самое, прибавимъ, кстати, произошло и съ воображаемыми островами капрала Гласса. Мы не видѣли ни одного даже самаго маленькаго островка на указанномъ мѣстѣ, хотя часовые на мачтахъ и смотрѣли во всѣ глаза. У меня явилось даже опасеніе, что его превосходительство, господинъ губернаторъ Тристанъ д'Акуньи, такъ никогда и не увидитъ своего имени въ географической номенклатурѣ.

Незамѣтно подошло 6-е ноября. Погода все время продолжала стоять такой, какъ намъ было нужно, и это подавало надежду, что мы совершимъ первую часть путешествія гораздо быстрѣе, чѣмъ это удалось „Джэнъ“. Но мы могли и не спѣшить. Какъ я уже замѣтилъ, нашъ голетъ, во всякомъ случаѣ, долженъ былъ прибыть на мѣсто раньше, чѣмъ откроются двери сплошныхъ льдовъ.

Несмотря на хорошую погоду, „Гальбрану“ пришлось все-таки въ теченіе двухъ сутокъ бороться со шквалами, и Джимъ Вестъ, хотя и скрѣпя сердце, долженъ былъ отдать приказаніе убрать марсель, брамъ-стенгу, флешь и стаксель. Освободившись отъ высокихъ парусовъ, голетъ держался замѣчательно хорошо и, едва касаясь воды, легко взлеталъ съ волны на волну. Во время этихъ маневровъ новый составъ экипажа представилъ доказательства своей ловкости, за что боцманъ тутъ же и похвалилъ бравыхъ матросовъ. Герлигерли, между прочимъ, замѣтилъ, что Гентъ хотя какъ будто и не ладно скроенъ, но зато на работѣ одинъ стоитъ троихъ.

— Каковъ парень, а?.. — сказалъ онъ мнѣ.

— Молодчина, — согласился я.— И замѣтьте, онъ явился въ самую послѣднюю минуту.

— Именно такъ, мистеръ Джіорлингъ!.. Но какая странная голова у этого Гента!

— Я часто встрѣчалъ такихъ американцевъ на Дальнемъ Западѣ,— отвѣчалъ я, — и меня бы ни капельки не удивило, если бы оказалось, что въ жилахъ у него течетъ примѣсь индѣйской крови.

— Такъ-то оно, такъ! — сказалъ боцманъ, — но и у насъ въ Ланкаширѣ, въ графствѣ Кентъ, есть люди не хуже его!

— Я вамъ вѣрю, боцманъ... Да вы и сами...

— Э! э!.. что и говорить... Чего стоимъ, того и стоимъ, мистеръ Джіорлингъ!

— Вы когда-нибудь говорили съ Гентомъ? — спросилъ я.

— Мало, мистеръ Джіорлингъ. Да и что можно вытащить изъ такой морской свиньи, которая держится въ сторонѣ и ни съ кѣмъ не говоритъ ни слова?.. Но только ужъ, конечно, это происходитъ совсѣмъ не потому, что у него нѣтъ рта!.. Въ жизни своей не видалъ ничего подобнаго!.. Онъ тянется со штирборда на бакбортъ, какъ большая филенка на носу. Не понимаю, какъ можетъ Гентъ съ такимъ громаднымъ орудіемъ молчать и не стрѣлять залпами!.. А его руки!.. Видѣли вы его руки!.. Будьте поосторожнѣе, мистеръ Джіорлингъ, если ему вдругъ придетъ фантазія пожать вамъ руки!.. Я увѣренъ, что изъ десяти пальцевъ пять останутся у него!..

— Къ счастью, боцманъ, Гентъ не смотритъ задирой. Судя по всему, это долженъ быть человѣкъ смирный, не желающій во зло употреблять своею силой.

— Нѣтъ, за исключеніемъ того, когда онъ тянетъ фалъ, мистеръ Джіорлингъ. Господи ты, мой Боже!.. Я все время боюсь, что блокъ слетитъ внизъ, а вмѣстѣ съ нимъ и рея!

Гентъ, если его хорошенько разсмотрѣть, былъ, и въ самомъ дѣлѣ, существомъ страннымъ, которымъ даже стоило бы позаняться. Когда онъ прислонялся къ подпоркамъ ворота или стоялъ на кормѣ, положивъ руку на ручки рулевого колеса, я съ любопытствомъ разсматривалъ его. Съ другой стороны, мнѣ казалось, что и онъ тоже обращаетъ на меня вниманія больше, чѣмъ на остальныхъ... Онъ, конечно, не могъ не знать, что я ѣду на голетѣ въ качествѣ пассажира и на какихъ условіяхъ принялъ я участіе въ этой экспедиціи. Можетъ-быть, поступая на голетъ, онъ имѣлъ въ виду какую-нибудь другую цѣль, чѣмъ та, которая влекла насъ, и теперь только выжидалъ момента, когда мы прибудемъ къ острову Тсалаль и выручимъ капитана и матросовъ съ „Джэнъ“. Но это было бы положительно невозможно... Впрочемъ, бояться этого было нечего, и самъ капитанъ Ленъ Гай повторялъ не разъ:

— Мы ѣдемъ спасать нашихъ соотечественниковъ!.. Островъ Тсалаль единственная, привлекающая насъ къ себѣ точка, и дальше этого я и шагу не сдѣлаю въ южныя области!..

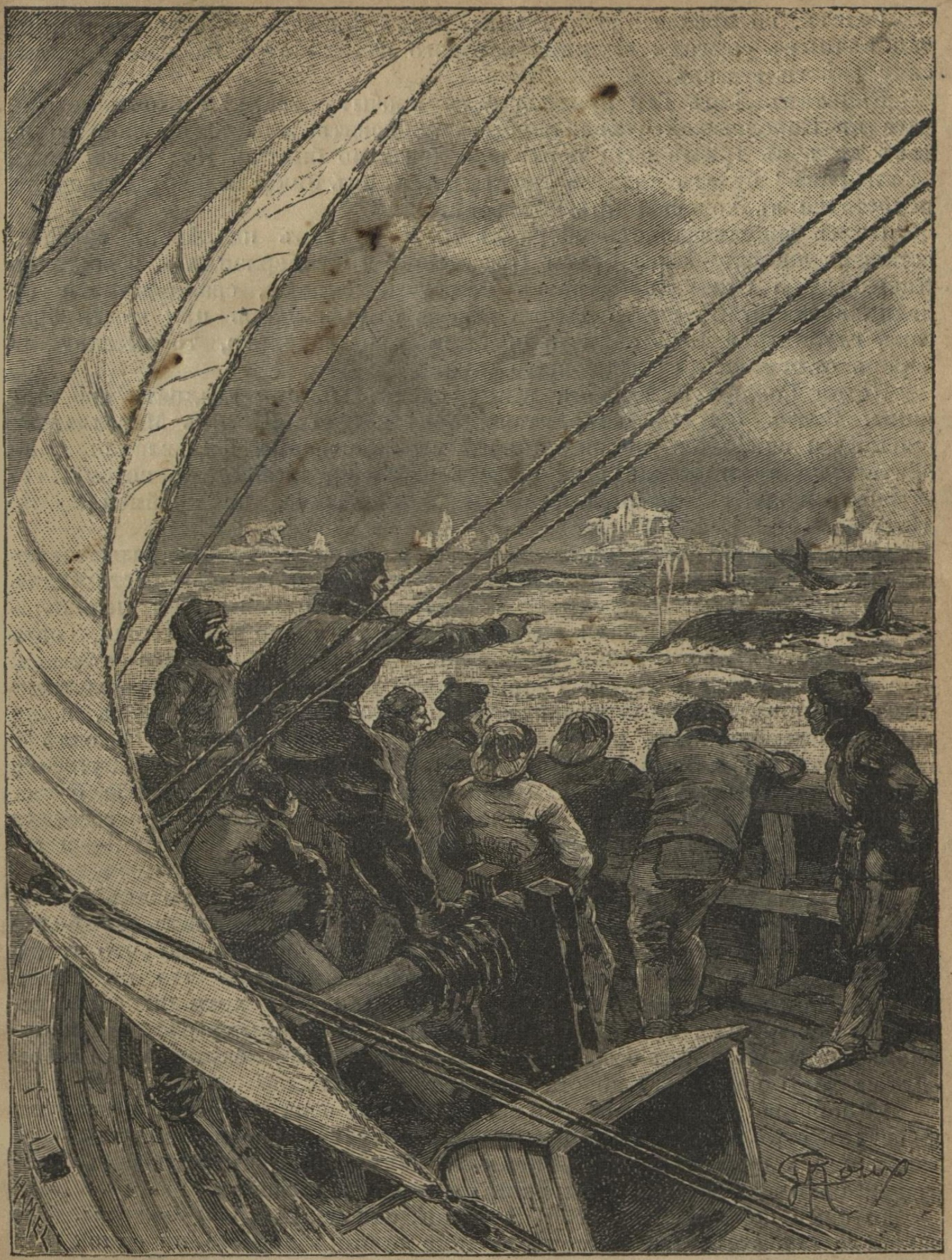
10-го ноября, часовъ около двухъ пополудни, послышался крикъ часовыхъ:

— Земля на штирбортѣ!..

Отлично произведенное въ полдень наблюденіе дало въ этотъ день 55° 7′ южной широты и 41° 13′ западной долготы.

Виднѣвшаяся вдали земля не могла быть ничѣмъ инымъ, кромѣ острова Св. Петра, который, по англійской номенклатурѣ, носитъ еще названія Южной Георгіи, Новой Георгіи и острова короля Георга и который, по своему географическому положенію, принадлежитъ къ околополярнымъ областямъ.

Еще въ 1675 г., т. е. раньше путешествія Кука, онъ былъ открытъ Франциском Барбомъ. Но, несмотря на то, что знаменитый мореплаватель былъ уже только вторымъ, онъ, тѣмъ не менѣе, надавалъ ему всю ту массу названій, которую этотъ островъ носитъ и теперь.



...Матросы съ интересомъ наблюдали за китами..

Голетъ, по приказанію капитана, сталъ держать къ острову, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ вершина котораго поднимается на высоту въ тысячу двѣсти туазовъ.

Капитанъ Ленъ Гай предполагалъ пробыть всего двадцать-четыре часа въ Королевской бухтѣ, чтобы возобновить запасъ прѣсной воды, такъ какъ въ трюмѣ вода портилась довольно быстро. Послѣ же, когда „Гальбранъ“ будетъ плавать среди льдовъ, онъ никогда не будетъ имѣть недостатка въ хорошей прѣсной водѣ.

Послѣ полудня голетъ обогнулъ мысъ Буллеръ на сѣверѣ острова, оставилъ на штирбортѣ бухты Поссессіонъ и Кумберлэндъ и вошелъ въ Королевскую бухту, пробираясь между обломками, свалившимися съ ледника Росса. Въ шесть часовъ вечера отдали якорь при шести брасахъ глубины, а такъ какъ ночь была уже недалеко, то высадку на берегъ отложили до слѣдующаго утра.

Новая Георгія имѣетъ въ длину около льё, при двадцати льё ширины. Этотъ островъ находится въ пятистахъ льё отъ Магелланова пролива и считается подчиненнымъ администраціи Фальклandовъ; но британская администрація не имѣетъ здѣсь представителя, потому что островъ необитаемъ, хотя тутъ и можно жить, по крайней мѣрѣ, лѣтомъ.

На слѣдующій день, въ то время, пока матросы ходили разыскивать источники прѣсной воды, я отправился одинъ гулять въ окрестностяхъ Королевской бухты. Я нигдѣ не встрѣтилъ ни одной души человѣческой, потому что мы зашли на островъ не въ такое время года, когда сюда являются промышленники для ловли тюленей,— до этого оставался еще добрый мѣсяцъ. Новая Георгія, находящаяся подъ непосредственнымъ вліяніемъ антарктическаго полярнаго теченія, считается, и не даромъ, излюбленнымъ мѣстомъ морскихъ млекопитающихъ. Я видѣлъ не мало тюленей, игравшихъ въ водѣ вблизи побережья, возлѣ утесовъ и даже въ самыхъ пещерахъ. Пингвины, неподвижно сидѣвшіе безконечными рядами на берегу, громкимъ ослинымъ ревомъ протестовали противъ неожиданнаго вторженія въ ихъ владѣнія незнакомца, — я говорю про себя.

Надъ поверхностью воды и песковъ летали тучи ласточекъ, пѣніе которыхъ вызывало въ моемъ умѣ воспоминаніе о странахъ съ болѣе благопріятнымъ климатомъ и другой природой. Хорошо еще, что птицы эти устраиваютъ свои гнѣзда не на деревьяхъ, потому что въ Новой Георгіи, при всемъ желаніи, нельзя было бы найти хотя бы одно дерево. Тамъ и сямъ прозябаетъ нѣсколько явнобрачныхъ растеній, полувыцвѣтшихъ мховъ, въ особенности же трава *tussock*, покрывающая собою склоны горы на высоту до ста-пятидесяти туазъ.

12 ноября „Гальбранъ“ снялся съ якоря, неся одни нижніе паруса. Обогнувъ стрѣлку мыса Шарлоты, на оконечности бухты Рояль, онъ взялъ курсъ на зюйдъ-зюйдъ-остъ, по направленію къ островамъ Сандвича, находящимся въ четырехстахъ миляхъ дальше.

До сихъ поръ мы не встрѣчали ни одной плавучей льдины. Это зависѣло отъ того, что полярное солнце не оторвало еще ни одной изъ нихъ ни отъ сплошныхъ льдовъ, ни отъ южныхъ земель. Позднѣе теченіе увлечетъ ихъ къ той самой пятидесятой параллели, подъ которой въ сѣверномъ полушаріи лежатъ Парижъ и Квебекъ.

Бывшее до сихъ поръ такимъ яснымъ небо грозило облечься тучами, которыя собирались на восточной сторонѣ горизонта. Дулъ рѣзкій холодный вѣтеръ, пополамъ съ дождемъ и градомъ. А такъ какъ для насъ онъ былъ пока попутный, то жаловаться на это мы не имѣли особенныхъ причинъ. Слѣдовало только получше застегивать капюшоны плащей.

Надо замѣтить, что намъ очень много мѣшали широкія полосы тумановъ, которыя довольно часто застилали горизонтъ.

Тѣмъ не менѣе, такъ какъ мѣста эти не представляли никакой опасности и можно было не бояться пока встрѣчи съ айсбергами, или ледяными горами, блуждающими по волѣ вѣтра и теченія, „Гальбранъ“ смѣло могъ продолжать свой путь на юго-востокъ къ островамъ Сандвича.

Во время тумановъ надъ нашими головами проносились стаи пронзительно кричавшихъ птицъ, летѣвшихъ противъ вѣтра почти не шевеля крыльями, — то были буревѣстники, гагары, зимородки, чагравы и альбатросы, стремившіеся къ землѣ, какъ бы указывая намъ къ ней путь.

По всей вѣроятности, эти же самые густые туманы помѣшали и капитану Ленъ Гайю замѣтить на юго-западѣ, между Новой Георгіей и островами Сандвича, островъ Траверсей, который былъ открытъ Беллингсгаузеномъ точно такъ же, какъ и четыре маленькихъ острова Уеллей Полькеръ, Принцесъ-Эйлендъ и Кристмасъ, точное положеніе которыхъ, по словамъ Фаннинга, было опредѣлено американцемъ Джемсомъ Брауномъ со шкуны „Пасификъ“. Впрочемъ, знаніе положенія этихъ острововъ было интересно только въ томъ отношеніи, что давало возможность не наскочить на ихъ крутые берега или не сѣсть на мель, потому что, благодаря туманамъ, ничего не было видно уже въ двухъ-трехъ кабельтовахъ. Вотъ почему вахтенные на голетѣ были особенно бдительны, а часовые съ мачты внимательно осматривали горизонтъ, какъ только внезапный просвѣтъ давалъ возможность увеличить поле зрѣнія,

Въ ночь съ 14 на 15 ноября смутные дрожащіе отблески освѣтили пространство къ западу. Капитанъ Ленъ Гай предполагалъ, что этотъ странный свѣтъ обязанъ своимъ происхожденіемъ вулкану — можетъ-быть, даже тому, который находится на островѣ Траверсей и изъ кратера котораго часто вырывается пламя.

Такъ какъ ухо не могло уловить ни одного изъ тѣхъ продолжительныхъ громыханій, которыя сопровождаютъ вулканическія изверженія, мы успокоились и рѣшили, что голетъ долженъ быть еще очень далеко отъ подводныхъ рифовъ этого острова. Поэтому пока не было причины мѣнять курсъ, и мы продолжали итти прямымъ путемъ къ островамъ Сандвича.

Утромъ, 16-го ноября, дождь, наконецъ, прекратился и вѣтеръ перескочилъ на цѣлый румбъ къ сѣверо-западу. Такая перемѣна для насъ была какъ нельзя болѣе кстати, потому что вѣтеръ долженъ былъ разогнать туманъ.

Въ эту минуту матросу Стэрну, стоявшему вахтеннымъ у руля, показалось, что онъ видитъ большой трехмачтовый корабль на сѣверо-востокѣ. Но, къ нашему величайшему сожалѣнію, судно это исчезло раньше, чѣмъ мы подошли къ нему на столько, чтобы имѣть возмож-

ность опредѣлить его національность. Можетъ-быть, это былъ одинъ изъ кораблей, входившихъ въ составъ эскадры Уилькса, или же какой-нибудь китоловъ, направлявшійся въ извѣстныя ему мѣста для охоты, потому что китообразныя животныя то и дѣло попадались намъ на пути.

Часовъ около десяти утра 17-го ноября показался архипелагъ, которому Кукъ далъ сначала наименованіе Южнаго Тулэ, — это была самая южная изъ земель, извѣстныхъ въ ту эпоху и которую онъ впослѣдствіи окрестилъ Землей Сандвича, каковое имя эта группа острововъ сохранила и на географическихъ картахъ и носила его уже и въ 1830 г., когда заходилъ туда Бискоэ, отправлявшійся искать на востокѣ проходъ къ полюсу.

Съ тѣхъ поръ много другихъ мореплавателей посѣщали землю Сандвича, и китоловы охотятся на китовъ, кашалотовъ и тюленей въ окружающихъ эти острова моряхъ.

Въ 1820 г. къ нимъ приставалъ капитанъ Морелль, въ надеждѣ пополнить здѣсь запасъ топлива, въ которомъ у него чувствовался сильный недостатокъ. Къ счастью, капитану Ленъ Гайю не нужно было заходить сюда спеціально съ той же цѣлью, потому что труды его все равно пропали бы даромъ, такъ какъ климатъ этихъ острововъ не благопріятствуетъ развитію крупныхъ древесныхъ породъ.

Голетъ если и остановится на Сандвичахъ, то сутокъ на двое не больше, и то только потому, что, по выработанному плану экспедиціи, признано было необходимымъ посѣтить всѣ земли южной области, встрѣчающіяся на нашемъ пути. Мы могли найти на нихъ какіе-нибудь документы, какія-нибудь указанія, слѣды... Паттерсонъ какими-то судьбами попалъ на льдину, а развѣ не могло случиться того же самаго и еще съ кѣмъ-нибудь изъ его товарищей, которые затѣмъ могли быть выброшены на одинъ изъ острововъ этой группы? Поэтому нельзя было ничего упускать изъ виду, тѣмъ болѣе, что свободнаго времени на это у насъ было даже больше, чѣмъ нужно. Съ Новой Георгіи „Гальбранъ“ направится къ Сандвичамъ. Съ Сандвичей онъ направится къ Новымъ Южнымъ Оркадамъ и только уже оттуда пойдетъ прямо къ сплошнымъ льдамъ.

Причалить и высадиться на берегъ можно было въ тотъ же день въ маленькомъ портѣ восточнаго побережья подъ защитой утесовъ острова Бристоля.

Архипелагъ этотъ, расположенный подъ 59° южной широты и 30° западной долготы, состоитъ изъ нѣсколькихъ острововъ, главные изъ изъ которыхъ Бристоль и Тулэ. Всѣ остальные, по своей незначительной величинѣ, должны быть названы скорѣй островками, а не островами.

Капитанъ приказалъ Джиму Весту отправиться въ Тулэ въ большой лодкѣ осмотрѣть доступныя точки этого острова, пока самъ капитанъ Ленъ Гай и я будемъ заняты на берегу.

Какой печальный видъ имѣютъ эти острова, на которыхъ живутъ однѣ только такія же печальныя птицы антарктическихъ породъ! Тощая растительность схожа съ растительностью Новой Георгіи. Мхи и лишаи прикрываютъ наготу безплодной почвы. Въ глубинѣ острова растутъ кое-гдѣ тощія сосны по склонамъ оголенныхъ холмовъ, откуда по временамъ съ оглушительнымъ трескомъ и грохотомъ скатываются

внизъ каменистыя массы. Вездѣ мертвая пустыня. Нигдѣ никакихъ слѣдовъ прибыванія человѣческаго существа, а слѣдовательно, и слѣдовъ пребыванія потерпѣвшихъ крушеніе. Экскурсіи, которыя мы дѣлали какъ въ этотъ день, такъ и на слѣдующій, не дали никакого результата.

Такой же результатъ имѣли и развѣдки лейтенанта Джима Веста на Тулэ, который добросовѣстно осмотрѣлъ страшно изрѣзанные берега острова. Нѣсколько сигнальныхъ пушечныхъ выстрѣловъ, сдѣланныхъ артиллеристами голета, имѣли тотъ же самый результатъ и только разогнали носившіяся надъ судномъ стаи буревѣстниковъ и чагравъ, да напугали глупыхъ пигвиновъ, рядами сидѣвшихъ на побережьи.

Бродя съ капитаномъ Ленъ Гайемъ, я сказалъ ему:

— Вы, конечно, знаете, капитанъ, какое ошибочное мнѣніе высказалъ Кукъ по поводу группы Сандвичевыхъ острововъ, когда онъ посѣтилъ ихъ въ первый разъ. Онъ былъ положительно убѣжденъ, что ему посчастливилось открыть континентъ, откуда, по его мнѣнію, отрывались тѣ ледяныя горы, которыя вѣтеръ и теченія заносятъ на сѣверъ иногда очень далеко отъ антарктическаго моря. И только уже гораздо позже онъ узналъ, что Сандвичевы острова не материкъ, а только архипелагъ. Несмотря на это, онъ не разъ высказываетъ свой взглядъ, что южнѣе этой группы непремѣнно долженъ существовать континентъ.

— Я знаю это, мистеръ Джіорлингъ, — отвѣчалъ капитанъ Ленъ Гай,—и если этотъ континентъ и существуетъ, то онъ долженъ сильно вдаваться внутрь съ этой стороны, и образуетъ нѣчто въ родѣ очень широкой и очень глубокой выемки, черезъ которую проникли далеко къ югу сначала Уэделль, а за нимъ черезъ шесть лѣтъ и мой братъ. Нашему великому мореплавателю не удалось почему-то открыть этотъ проходъ, потому что онъ остановился на семьдесятъ-четвертой параллели!.. Что дѣлать!.. Зато другіе сдѣлали это послѣ него, другіе сдѣлаютъ...

— И мы будемъ этими другими, капитанъ...

— Да, если Богъ поможетъ! Хотя Кукъ и увѣряетъ, что никто и никогда не рискнетъ проникнуть къ югу дальше его и что континентъ, если таковой и существуетъ, останется навсегда неизслѣдованнымъ, будущее покажетъ, на сколько онъ ошибался... Южныя области теперь уже изслѣдованы до восемьдесятъ четвертаго градуса широты.

— А кто знаетъ, — сказалъ я, — можетъ-быть, этотъ отважный Артуръ Пимъ побывалъ и гораздо дальше...

— Можетъ-быть, мистеръ Джіорлингъ, но намъ нечего заниматься Артуромъ Пимомъ, потому что какъ онъ самъ, такъ и его другъ Деркъ Питерсъ, вернулись въ Америку...

— А... если бы онъ не возвратился?

— Это такой вопросъ, который, по моему мнѣнію, намъ не зачѣмъ даже и затрогивать, — просто отвѣчалъ капитанъ Ленъ Гай.

ГЛАВА XI.

Отъ острововъ Сандвича до южнаго полярнаго круга.

Черезъ шесть дней послѣ того, какъ голетъ останавливался у острововъ Сандвича, онъ, держа курсъ на юго-западъ и пользуясь попутнымъ вѣтромъ, подходилъ уже къ Новымъ Южнымъ Оркадамъ.

Въ составъ этой группы входятъ два главныхъ острова: на западѣ самый большой, островъ Коронаціи, гигантская вершина котораго возвышается не менѣе, какъ на двѣ тысячи пятьсотъ футовъ надъ уровнемъ моря; на востокѣ — островъ Лори, оканчивающійся мысомъ Дёндасъ, далеко простирающимся на западъ. Кругомъ этихъ двухъ главныхъ разбросаны меньшіе острова: Сэдль, Пауель и масса мелкихъ островковъ, очень похожихъ, по внѣшнему виду, на головы сахару. Наконецъ, совсѣмъ на западѣ лежатъ: островъ Недоступный и островъ Отчаянія, названные такъ, вѣроятно, потому, что какому-нибудь мореплавателю не удалось достигнуть перваго и онъ тутъ же въ отчаяніи рѣшилъ, что ему никогда не добраться и до второго.

Архипелагъ этотъ былъ открытъ американцемъ Пальмеромъ и англичаниномъ Ботвелемъ (1821—1822). Пересѣкаемый шестьдесятъ-первою параллелью, онъ лежитъ между сорокъ-четвертымъ и сорокъ-седьмымъ меридіанами.

Когда „Гальбранъ“ подошелъ поближе, мы увидѣли на сѣверной сторонѣ какія-то судорожно сжатыя массы и высокія горы, крутые склоны которыхъ, въ особенности на островѣ Коронаціи, спускались прямо къ морю. Внизу, у подножья этихъ горъ, громоздились чудовищныя льдины, которыя, не пройдетъ и двухъ мѣсяцевъ, поплывутъ, по волѣ вѣтра и волненія, къ жаркому поясу.

Съ этого момента начнется такъ называемый охотничій сезонъ, когда появляются китоловы, изъ которыхъ одни займутся охотой на китовъ и дельфиновъ-великановъ, а другіе разсѣются по островамъ и примутся избивать тюленей и морскихъ слоновъ.

Не желая входить въ загроможденный островками и льдинами проливъ, раздѣляющій группу на двѣ различныя части, капитанъ Ленъ Гай приблизился сначала къ юго-восточной оконечности острова Лори, гдѣ провелъ цѣлый день 24-го числа; затѣмъ, обогнувъ его у мыса Дункаса, онъ прошелъ вдоль южнаго берега острова Коронаціи, близъ котораго голетъ простоялъ тоже одинъ день, 25-го ноября. Мы это дѣлали, разыскивая хотя какіе-нибудь слѣды пребыванія здѣсь людей съ „Джэнъ“, но, конечно, ничего не нашли.

Если въ 1822 г., — надо замѣтить еще, что это было въ сентябрѣ, — Уэделль, желавшій раздобыться тюленьими шкурами на этой группѣ, даромъ потратилъ и время и труды, то это произошло потому, что въ то время стояла еще настоящая зима. „Гальбранъ“ подошелъ къ островамъ гораздо позднѣе и, если бы пожелалъ, могъ бы нагрузить полный трюмъ шкурами и жиромъ земноводныхъ.

Птицы всевозможныхъ породъ кишмя кишѣли на островахъ и островкахъ. Не говоря уже о пингвинахъ, на прибрежныхъ утесахъ, по-

крытыхъ толстымъ слоемъ гуано, водилось еще множество бѣлыхъ полярныхъ голубей, нѣсколько экземпляровъ которыхъ я уже видѣлъ. Это прежде всего птицы голенастыя, а не лапчатыя, съ коническимъ, не особенно длиннымъ клювомъ, съ красной каемочкой вокругъ глазъ; они подпускали насъ къ себѣ очень близко, и, при желаніи, мы могли бы настрѣлять ихъ, сколько хотѣли.

Что касается растительнаго царства Новыхъ Южныхъ Оркадъ, гдѣ преобладаютъ кварцеватые сланцы не вулканическаго происхожденія, то единственными представителями его являются сѣроватые лишаи и довольно рѣдкій видъ водорослей, изъ породы плющей. На побережьяхъ во множествѣ встрѣчаются раковины, а возлѣ утесовъ — съѣдобные ракушки, которыхъ мы набрали порядочное количество про запасъ.

Я долженъ еще замѣтить, что боцманъ вмѣстѣ съ матросами воспользовались пребываніемъ на берегу для того, чтобы палками набить нѣсколько дюжинъ пингвиновъ. Дѣлали они это вовсе не подъ вліяніемъ позорнаго инстинкта истребленія, а на основаніи вполнѣ законнаго желанія раздобыться свѣжею пищей.

— Это стоитъ цыпленка, мистеръ Джіорлингъ, — сказалъ мнѣ Герлигерли. — Развѣ вы не пробовали ихъ на Кергуэленахъ?

— Конечно, пробовалъ, боцманъ; но только ихъ жарилъ тамъ Аткинсъ.

— А здѣсь ихъ будетъ жарить Эндикотъ, и вы не найдете никакой разницы.

И дѣйствительно, какъ въ каютъ-компаніи, такъ и въ матросскомъ помѣщеніи, всѣ ѣли жареныхъ пингвиновъ съ большимъ удовольствіемъ, что служило яснымъ доказательствомъ, какимъ мастеромъ своего дѣла былъ нашъ корабельный кокъ.

„Гальбранъ“ распустилъ паруса 26-го ноября, въ шесть часовъ утра, и взялъ курсъ на югъ. Онъ поднялся по сорокъ-третьему меридіану, что, благодаря отлично удавшемуся въ этотъ день наблюденію, было опредѣлено съ математической точностью. Это былъ тотъ самый меридіанъ, по которому слѣдовали сначала Уэделль, а затѣмъ Уилльямъ Гай, и если голетъ не уклонится ни къ западу ни къ востоку, то непремѣнно долженъ будетъ подойти къ острову Тсалаль. Но на морѣ нельзя поручиться ни за что, и какое-нибудь совершенно неожиданное обстоятельство очень часто заставляетъ отказаться отъ исполненія задуманнаго проекта.

Установившійся восточный вѣтеръ былъ для насъ какъ нельзя болѣе кстати. Голетъ несъ всѣ свои паруса, даже лисели марсели, летучій кливеръ и штаговые паруса. Подъ такими широкими реями онъ летѣлъ со скоростью отъ одиннадцати до двѣнадцати миль. Если онъ будетъ итти съ такой же скоростью и дальше, то переѣздъ отъ Новыхъ Южныхъ Оркадъ до полярнаго круга займетъ очень недолго.

По ту сторону, я знаю, придется прорубать дверь для входа въ толстый сплошной ледъ или же, что несравненно практичнѣе, поискать брешь въ этой ледяной крѣпости.

Мы очень часто бесѣдовали объ этомъ съ капитаномъ Ленъ Гайемъ, и одинъ разъ я, между прочимъ, сказалъ ему:

— До сихъ поръ „Гальбранъ“ идетъ все время съ попутнымъ вѣтромъ, и если это продолжится еще хоть немного, мы должны достигнуть сплошного льда раньше оттепели...

— Можетъ-быть, да, а можетъ-быть, и нѣтъ, мистеръ Джіорлингъ, потому что въ нынѣшнемъ году теплое время года должно наступить очень рано. Я замѣтилъ, что у острова Коронаціи ледяныя глыбы уже отрывались отъ берега, и это какъ разъ на цѣлыя шесть недѣль раньше, чѣмъ обыкновенно.

— Счастливое обстоятельство, капитанъ, и весьма возможно, что нашему голету удастся пройти сплошной ледъ въ первыхъ же числахъ декабря, тогда какъ большинству кораблей удавалось это только въ концѣ января.

— Да, природа относится къ намъ милостиво и точно сама помогаетъ намъ, — отвѣчалъ капитанъ Ленъ Гай.

— А я еще прибавлю, — продолжалъ я, — что во время своей второй экспедиціи Бискоэ только въ срединѣ февраля приблизился къ той землѣ, надъ которой господствуютъ гора Уилльяма и гора Стоуэрби на шестьдесятъ-четвертомъ градусѣ долготы. Объ этомъ свидѣтельствуютъ переданныя вами мнѣ сочиненія о путешествіяхъ...

— Самымъ точнымъ образомъ, мистеръ Джіорлингъ!

— Отсюда слѣдуетъ, капитанъ, что не пройдетъ и мѣсяца...

— Не пройдетъ и мѣсяца, какъ по ту сторону сплошного льда мы найдемъ свободное море, что съ такой настойчивостью подтверждаютъ Уэделль и Артуръ Пимъ, и намъ останется только плыть такъ же, какъ мы плывемъ и теперь, сначала до островка Беннета, а затѣмъ до острова Тсалаль. Едва ли какое-нибудь препятствіе преградитъ намъ дорогу на широкомъ просторѣ свободнаго моря?

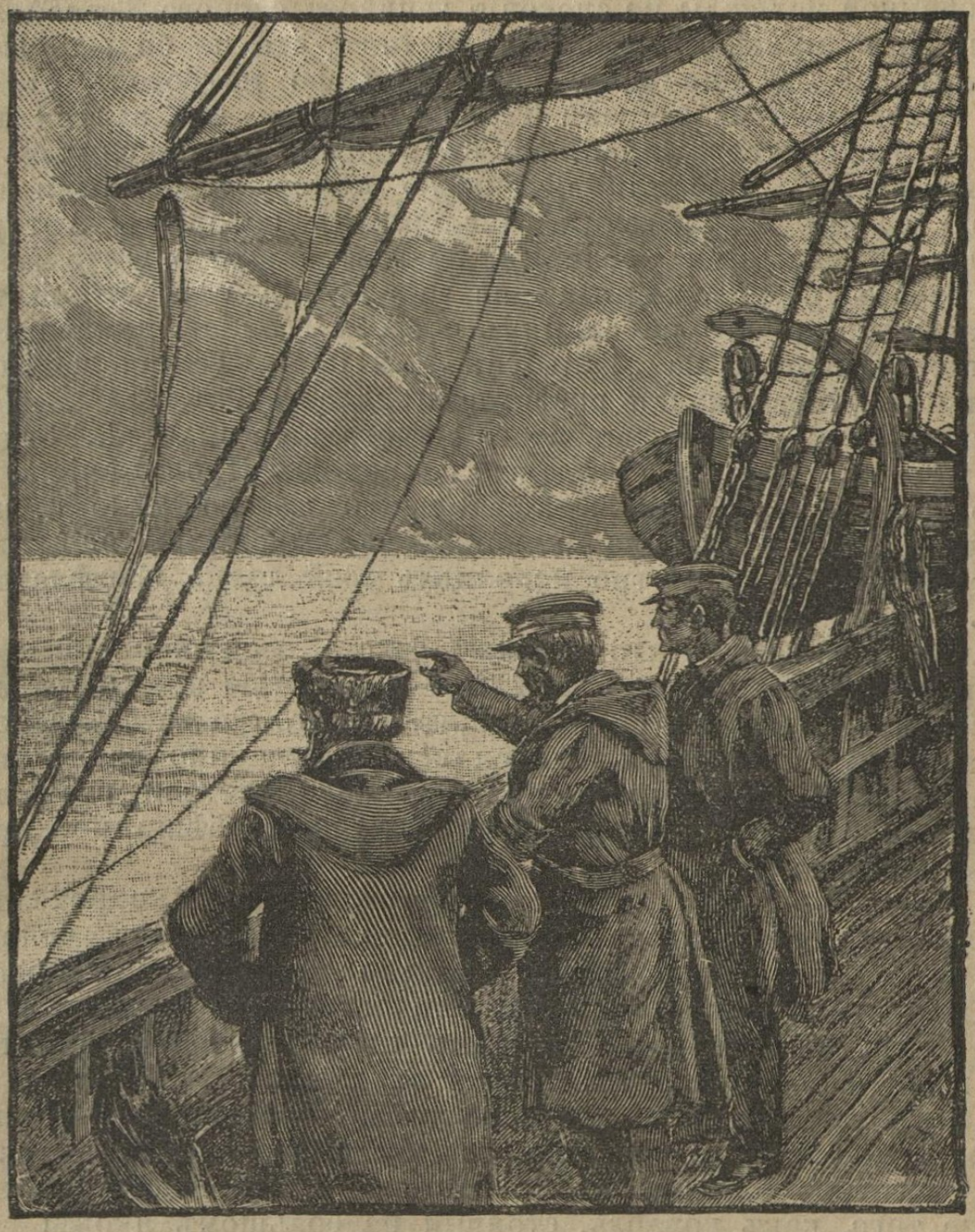
— Я съ вами совершенно согласенъ, капитанъ, лишь бы только намъ удалось проникнуть за сплошной ледъ. Въ этомъ, по моему мнѣнію, и заключается вся трудность предстоящаго намъ путешествія. Найти этотъ проходъ — значитъ обезпечить себѣ успѣхъ, и если только восточный вѣтеръ продержится...

— Онъ продержится, мистеръ Джіорлингъ. Всѣ, кому приходилось плавать по южнымъ морямъ, неоднократно замѣчали, точно такъ же какъ и я самъ, съ какимъ постоянствомъ дуютъ иногда эти вѣтры. Я хорошо знаю, что между тридцатой и шестидесятой параллелями бури чаще всего налетаютъ съ западной стороны. А затѣмъ, вслѣдствіе противоположныхъ теченій въ верхнихъ слояхъ атмосферы, встрѣчные вѣтры берутъ перевѣсъ, и вы, навѣрное, и сами успѣли замѣтить, что съ тѣхъ поръ, какъ мы перешли за эту границу, вѣтеръ все время дуетъ въ этомъ именно направленіи...

— Это правда, и я очень радъ этому, капитанъ. Но, признаюсь вамъ, и, представьте себѣ, мнѣ нисколько не стыдно признаться въ этомъ, я начинаю становиться суевѣрнымъ...

— А почему бы и не такъ, мистеръ Джіорлингъ?.. Развѣ нельзя допустить вмѣшательство сверхъестественной силы въ самыя обыкновенныя обстоятельства жизни?.. А мы, экипажъ „Гальбрана“, имѣемъ развѣ право въ этомъ сомнѣваться?... Вспомните-ка встрѣчу съ несчастнымъ Паттерсономъ. Эта льдина, доплывшая до того мѣста, гдѣ находились мы, и затѣмъ почти тотчасъ же растаявшая... Посудите сами, мистеръ Джіорлингъ, развѣ всѣ эти факты не говорятъ сами за себя?.. Но я иду дальше и увѣренъ, что Провидѣніе, избравши насъ орудіемъ для спасенія нашихъ соотечественниковъ съ „Дженъ“, не покинетъ насъ...

— Я думаю точно такъ же, какъ и вы, капитанъ. Нѣтъ! Тутъ нельзя отрицать вмѣшательства Провидѣнія, и, по-моему, очень ошибаются тѣ, которые приписываютъ всѣ подобныя явленія одной лишь случайности!.. Всѣ событія нашей жизни тѣсно связаны между собою таинственной связью... цѣпью...



...Какъ тебѣ нравится это небо?.. (Стр. 123.)

— Цѣпью, мистеръ Джіорлингъ, первымъ звеномъ которой, относительно насъ, является льдина Паттерсона, а послѣднимъ — островъ Тсалаль!.. Ахъ, братъ мой, бѣдный мой братъ!.. Ты живешь тамъ цѣлыя одиннадцать лѣтъ... со своими товарищами по несчастью... можетъ-быть, даже уже потерялъ надежду дождаться помощи!.. А Паттерсонъ, унесенный отъ нихъ льдиной... Какъ это произошло, мы не знаемъ, какъ не знаютъ и они, что съ нимъ сталось!.. Но, хотя у меня и сжимается

сердце, когда я думаю о томъ, что они перенесли, будьте покойны, я сохраню необходимую твердость духа, мистеръ Джіорлингъ, по крайней мѣрѣ, до той минуты, когда мой братъ кинется ко мнѣ въ объятія!..

Капитанъ Ленъ Гай въ эту минуту былъ такъ взволнованъ и, видимо, такъ страдалъ, что, глядя на него, глаза мои невольно наполнились слезами. Нѣтъ! у меня не хватило бы духу сказать ему, что я не питаю особенной надежды на спасеніе узниковъ острова Тсалаль. Правда, у насъ не было никакого сомнѣнія въ томъ, что не больше шести мѣсяцевъ тому назадъ Уилльямъ Гай и пятеро матросовъ съ „Джэнъ“ все еще находились на островѣ Тсалаль, потому что записная книжка Паттерсона это подтверждала... Но въ какомъ они находились положеніи все это время?.. Бродили ли они по острову свободными или находились во власти островитянъ, численность которыхъ Артуръ Пимъ опредѣлялъ нѣсколькими тысячами, не говоря уже о жителяхъ сосѣднихъ острововъ, расположенныхъ на западѣ?.. А если это такъ, могли ли мы расчитывать, что начальникъ острова Тсалаль, дикарь Тоо-Уитъ, не попытается напасть на „Гальбранъ“, и нашъ голетъ постигнетъ та же печальная участь, какая постигла и „Джэнъ“?..

Но, сколько ни думай, изъ этого ничего не выйдетъ!.. будущее сокрыто отъ насъ... Будемъ надѣяться на помощь Провидѣнія!.. Оно уже проявило такъ чудесно свое вмѣшательство въ это дѣло и, навѣрное, не покинетъ насъ и дальше и поможетъ выполнить нашу миссію, а намъ останется только честно исполнить свой долгъ и сдѣлать все, что отъ насъ будетъ зависѣть.

Я долженъ замѣтить, что экипажъ голета, воодушевленный тѣми же чувствами, раздѣлялъ тѣ же надежды,— я разумѣю прежнихъ матросовъ голета, столь преданныхъ своему капитану. Что же касается новичковъ, то весьма понятно, что они относились совершенно равнодушно, или почти равнодушно, къ результату экспедиціи и мечтали, главнымъ образомъ, лишь о томъ, чтобы во-время получить обѣщанное при наймѣ жалованье и награду.

Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ боцманъ, дѣлавшій, впрочемъ, исключеніе для Гента. Какъ-то не похоже было, чтобы этотъ человѣкъ поступилъ на службу изъ-за одного только усиленнаго жалованья или награды. Но правъ былъ боцманъ или нѣтъ, это покажетъ будущее; самъ же Гентъ не говорилъ объ этомъ ни слова, какъ, впрочемъ, онъ никогда и ни о чемъ не говорилъ ни съ кѣмъ.

— А мнѣ кажется, что онъ и не думаетъ объ этомъ! — сказалъ мнѣ Герлигерли. — Я все еще стараюсь разгадать, что онъ думаетъ!.. Что же касается разговоровъ, то въ этомъ отношеніи онъ подвигается впередъ не больше того, какъ корабль, стоящій на большомъ якорѣ!

— Если онъ не говоритъ съ вами, боцманъ, то и со мной онъ говоритъ не больше!

— А знаете, что мнѣ приходитъ въ голову, мистеръ Джіорлингъ, относительно этого чудака?..

— Говорите! Я слушаю.

— Ну, вотъ мнѣ сдается, что онъ уже побывалъ въ южныхъ моряхъ и далеко... да... далеко... хотя онъ нѣмъ на этотъ счетъ, какъ жареный карпъ!.. Почему онъ не хочетъ говорить — это его дѣло! Но если эта морская свинья не переходила за антарктическій поясъ и

даже за сплошной ледъ на добрый десятокъ градусовъ, пусть тогда первый же шквалъ выброситъ меня за бортъ...

— Почему вы въ этомъ такъ увѣрены, боцманъ?

— По его глазамъ, мистеръ Джіорлингъ, по его глазамъ!.. Все равно, когда бы ни было, идетъ ли голетъ туда или сюда, глаза его все смотрятъ на югъ... его глаза никогда не мигаютъ... неподвижные, какъ топовые огни...

Герлигерли говорилъ правду, я это и самъ замѣтилъ. Употребляя выраженіе Эдгара Поэ, можно было бы сказать, что у Гента были блестящіе ястребиные глаза...

— Когда этотъ дикарь не на вахтѣ, — продолжалъ боцманъ, — онъ все равно все время стоитъ, облокотясь на бортъ, точно нѣмая статуя! Право, настоящее его мѣсто въ концѣ нашего форъ-штевня, гдѣ онъ могъ бы служить кормовой фигурой „Гальбрану“!.. Положимъ, неказистая фигура!.. И потомъ посмотрите на него, мистеръ Джіорлингъ, въ то время, когда онъ стоитъ у руля... Его огромныя руки держатся за ручки точно припаянныя къ колесу!.. Его глаза пристально глядятъ на нактоузъ, точно его влечетъ къ себѣ магнитъ компаса!.. Я хвастаюсь тѣмъ, что я хорошій рулевой; но я далеко не такъ силенъ, какъ Гентъ!.. При немъ ни на одну минуту стрѣлка не отдѣляется отъ законной линіи, какъ бы жестоко не рыскало судно!.. Я думаю, что... ночью... если бы лампа нактоуза потухла... я увѣренъ, что Генту не нужно было бы ее даже и зажигать!.. Однимъ только огнемъ своихъ зрачковъ онъ освѣщалъ бы циферблатъ и держался бы въ должномъ направленіи!

Положительно боцманъ любилъ, въ моемъ обществѣ, наверстывать то невниманіе, которымъ капитанъ Ленъ Гай и Джимъ Вестъ, по обыкновенію, дарили его нескончаемую болтовню. Короче сказать, если Герлигерли и составилъ о Гентѣ мнѣніе, которое покажется нѣсколько крайнимъ, я долженъ сознаться, что странная манера этого субъекта держать себя давала ему на это полное право. Его можно было бы принять даже за полу-фантастическое лицо. Словомъ, если бы Эдгаръ Поэ его зналъ, онъ могъ бы взять его образцомъ для созданія типа одного изъ самыхъ странныхъ своихъ героевъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней наше плаваніе продолжалось при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, безъ всякихъ приключеній. Голетъ, подгоняемый довольно свѣжимъ восточнымъ вѣтромъ, шелъ полнымъ ходомъ съ предѣльной скоростью, на что указывала длинная струя широкая и правильная, тянувшаяся на нѣсколько миль за кормой.

Приближеніе теплаго времени года замѣтно начинало давать себя знать. Киты стали показываться стадами. Въ этихъ мѣстахъ достаточно было бы одной недѣли для большихъ китоловныхъ судовъ, чтобы наполнить весь трюмъ драгоцѣннымъ жиромъ. Вновь нанятые матросы,— особенно же американцы,— видимо, были очень удивлены и даже раздосадованы, что капитанъ такъ равнодушно смотритъ на китовъ, представляющихъ такую цѣнную добычу и, какъ нарочно, показывавшихся вблизи голета цѣлыми стадами.

Изъ всѣхъ этихъ людей особенно сильно выражалъ свое негодованіе гарпунщикъ Гирнъ, разглагольствованія котораго охотно слушали его товарищи. Своими грубыми манерами, свирѣпою отвагой, которою про-

никнуто было все его существо, онъ сумѣлъ подчинить себѣ другихъ матросовъ. Этотъ гарпунщикъ былъ человѣкъ лѣтъ сорока-четырехъ отъ роду, американецъ по происхожденію. Онъ отличался большой силой, соединенной съ ловкостью, и я думаю, что въ ту минуту, когда, стоя на своей китоловной лодкѣ, размахивалъ гарпуномъ и затѣмъ опытной рукой ранилъ имъ въ бокъ кита... онъ долженъ быть очень эффектенъ!.. А если еще принять при этомъ во вниманіе его сильную страсть къ своему ремеслу, то станетъ вполнѣ понятно, что его недовольство не замедлило вырваться наружу при первомъ же удобномъ случаѣ.

Но нашъ голетъ былъ вовсе не китоловное судно и на немъ не было даже и снарядовъ, необходимыхъ для занятій этимъ дѣломъ. Капитанъ Ленъ Гай, съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ въ командованіе голетомъ, занимался исключительно одною только торговлей, и разъѣзжалъ между южными островами Атлантическаго и Тихаго океановъ.

Какъ бы тамъ ни было, но количество дельфиновъ-великановъ, плававшихъ всего въ нѣсколькихъ кабельтовахъ отъ насъ, было, дѣйствительно, очень велико.

Въ этотъ день, часовъ около трехъ пополудни, я вышелъ на палубу и, облокотившись на рыбину на носу, принялся съ интересомъ слѣдить за тѣмъ, какъ играли въ водѣ нѣсколько паръ этихъ громадныхъ животныхъ. Гирнъ рукой указывалъ на нихъ своимъ товарищамъ въ то время, какъ изъ устъ его вырывались слѣдующія прерывистыя фразы:

— Тамъ... вонъ... это fin back... ихъ тамъ даже два... три... у нихъ спинныя плавательныя перья длиной отъ пяти до шести футовъ!.. Видите, какъ они плаваютъ... спокойно... не дѣлая ни малѣйшихъ прыжковъ!... Ахъ! если бы у меня былъ гарпунъ, я готовъ голову отдать на отсѣченіе, что непремѣнно угодилъ бы одному изъ нихъ въ одно изъ четырехъ желтоватыхъ пятенъ, которыя у него на туловищѣ!.. Но на этомъ торговомъ ящикѣ ничего сдѣлать нельзя... нечѣмъ поразмять себѣ руку!.. Тысяча чертей! ужъ если плавать по этимъ морямъ, то надо заниматься и дѣломъ, а вовсе не...

Тутъ оборвавъ рѣчь, онъ закончилъ ее гнѣвнымъ проклятіемъ.

— А посмотрите-ка на того кита! — вскричалъ онъ.

— На того, у котораго горбъ, какъ у верблюда? — спросилъ одинъ изъ матросовъ.

— Да... это горбунъ, — отвѣчалъ Гирнъ.

— Видишь ты его морщинистое брюхо и длинный спинной плавникъ?.. Не очень-то ловко убивать ихъ, этихъ горбуновъ, потому что они уходятъ на страшную глубину и выматываютъ у васъ весь канатъ?.. Право! мы стоимъ того, чтобы онъ наградилъ насъ хорошимъ ударомъ хвоста въ бокъ за то, что мы не посылаемъ ему гарпуна въ его собственный!..

— Смотрѣть впередъ... впередъ! — крикнулъ боцманъ.

Впрочемъ, пока нечего было особенно бояться получить тотъ могучій ударъ хвоста, котораго такъ желалъ гарпунщикъ. Нѣтъ! огромный дельфинъ-великанъ плылъ рядомъ съ голетомъ, и почти въ ту же минуту столбъ вонючей воды вырвался изъ его дыхалъ съ шумомъ, который

можно было бы сравнить съ отдаленнымъ грохотомъ пушечнаго выстрѣла. Весь носъ судна былъ залитъ водой до большой филенки.

— По дѣломъ!— проворчалъ Гирнъ, пожимая плечами, въ то время, какъ его товарищи отряхивались, проклиная горбуна.

Кромѣ этихъ двухъ породъ китородныхъ, видны были также настоящіе киты, или, какъ говорятъ китоловы, правильные киты (right-whales), которые чаще всего встрѣчаются въ южныхъ моряхъ. Они не имѣютъ плавниковъ и поэтому слой жира у нихъ гораздо толще. Охота на нихъ не представляетъ особенной опасности, и поэтому китоловы особенно усердно и ищутъ, главнымъ образомъ, настоящихъ китовъ въ этихъ антарктическихъ водахъ, гдѣ цѣлыми милліардами кишатъ маленькіи раковидныя животныя, — китоловы называютъ ихъ „ѣдой кита“, которыми исключительно и питаются киты.

Какъ разъ въ это время меньше, чѣмъ въ трехъ кабельтовахъ отъ голета, плавалъ на поверхности воды одинъ изъ этихъ righ-whales, длиной въ шестьдесятъ футовъ, т. е. такое количество жира, котораго хватило бы на наполненіе ста боченковъ. Цѣнность этихъ чудовищныхъ животныхъ, дѣйствительно, очень велика, и трехъ штукъ вполнѣ достаточно для того, чтобы доставить полный грузъ для судна средней величины.

— Да! это настоящій китъ!— вскричалъ Гирнъ.— Его можно узнать уже по одному его короткому и толстому водомету!.. Смотрите... видите того... вонъ тамъ на бакбортѣ... точно столбъ дыма... это отъ правильнаго кита!.. И все это проходитъ у насъ подъ носомъ... такъ, задаромъ!.. Сто тысячъ чертей!.. не натопить китоваго жира, когда это такъ легко сдѣлать!.. Это все равно, что выбрасывать мѣшки съ піастрами въ море!.. Нечего сказать, хорошъ капитанъ, упускающій изъ рукъ весь этотъ товаръ; а какой убытокъ онъ причиняетъ этимъ экипажу...

— Гирнъ, — послышался повелительный голосъ, — стань къ рулю!.. Тамъ тебѣ удобнѣе будетъ считать китовъ!

Это былъ голосъ Джима Веста.

— Лейтенантъ...

— Безъ возраженій, или я продержу тебя тамъ наверху до завтра!.. Ну... маршъ, живѣй!

А такъ какъ о сопротивленіи нечего было и думать, то гарпунщикъ молча направился къ рулевому колесу.

Джимъ Вестъ отнесся къ ворчанью гарпунщика такъ сурово потому, что „Гальбранъ“, повторяю еще разъ, проникъ въ эти высокія широты вовсе не затѣмъ, чтобы охотиться на морскихъ млекопитающихъ, и на Фальклandахъ нанимали только матросовъ, а не китололововъ. Цѣль нашей экспедиціи въ антарктическія моря извѣстна, и ничто не должно было насъ отъ нея отвлекать.

Тѣмъ временемъ голетъ плылъ по поверхности воды, принявшей красноватый оттѣнокъ, вслѣдствіе обилія въ ней ракообразныхъ животныхъ, въ родѣ креветокъ, принадлежавшихъ къ виду thysanopodes. Мы видѣли, какъ киты, безпечно лежа на боку, собирали ихъ своими усами, распростертыми точно сѣть между челюстями, и отправляли ихъ міріадами въ свой огромный желудокъ.

Обиліе китовъ и служащихъ для нихъ пищей мелкихъ ракообразныхъ объяснялось, какъ я уже говорилъ, необыкновенно раннимъ на-

ступленіемъ лѣтняго сезона въ этомъ году. А между тѣмъ, мы до сихъ поръ не встрѣчали еще ни одного китолова.

Между прочимъ, я долженъ замѣтить, что съ первой половины этого столѣтія китоловы почти совсѣмъ покинули моря сѣвернаго полушарія, гдѣ киты если и встрѣчались, то очень рѣдко, вслѣдствіе неумѣреннаго истребленія. Въ настоящее время только южныя части Атлантическаго и Тихаго океановъ посѣщаются французскими, англійскими и американскими китоловами, которымъ, несмотря на кажущееся обиліе морскихъ млекопитающихъ, добыча достается далеко не даромъ. Есть даже нѣкоторое основаніе предполагать, что этотъ промыселъ, нѣкогда такъ процвѣтавшій, очень скоро совсѣмъ прекратится.

Вотъ что мнѣ пришло въ голову въ то время, пока я смотрѣлъ, какъ киты наполняли свои желудки ракообразными животными.

Странный человѣкъ капитанъ Ленъ Гай! Со времени разговора со мной по поводу романа Эдгара Поэ онъ точно сбросилъ съ себя маску и теперь былъ не только разговорчивѣе, но и откровеннѣе. Мы теперь довольно часто бесѣдовали съ нимъ то о томъ, то о другомъ, и въ этотъ день онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ:

— Появленіе этихъ китовъ доказываетъ, что берегъ находится въ недалекомъ разстояніи. На это у меня есть двѣ причины: первая та, что ракообразныя, служащія имъ пищей, никогда не встрѣчаются очень далеко отъ материковъ: вторая заключается въ томъ, что самки китообразныхъ выбираютъ всегда неглубокія мѣста для произведенія на свѣтъ дѣтенышей.

— Если это такъ, капитанъ, — возразилъ я, — то почему же мы не видимъ ни одной группы острововъ между Новыми Южными Оркадами и полярнымъ кругомъ?.

— Ваше замѣчаніе совершенно справедливо, — отвѣчалъ капитанъ Ленъ Гай. — Но чтобы приблизиться къ землѣ, намъ нужно отойти для этого градусовъ на пятнадцать къ западу, туда, гдѣ лежатъ новые южные Шотландскіе острова Беллингсгаузена, острова Александра и Петра и, наконецъ, Земля Грахама, открытая Бискоэ.

— Изъ этого слѣдуетъ, — продолжалъ я, — что появленіе китовъ не можетъ считаться несомнѣннымъ признакомъ близости земли?

— Я, право, и самъ не знаю, что вамъ отвѣчать, мистеръ Джіорлингъ, и весьма возможно, что мнѣніе, которое я вамъ только что высказалъ, ровно ни на чемъ не основано. Въ сущности же, такое обиліе китовъ, я думаю, можно объяснить только климатическими условіями нынѣшняго года...

— Я тоже не могу придумать другого объясненія, — сказалъ я. — Но такъ это или иначе, а только это намъ какъ разъ на руку.

— Да. Мы должны только не пропустить удобнаго момента и сумѣть воспользоваться этими обстоятельствами... — отвѣчалъ капитанъ Ленъ Гай.

— Не обращая даже вниманія, — добавилъ я, — на недовольство одной части экипажа...

— А чѣмъ могутъ быть недовольны эти люди? — вскричалъ капитанъ Ленъ Гай. — Мы никого не нанимали для китовой ловли, насколько мнѣ извѣстно!.. Они должны и сами знать, зачѣмъ именно ихъ наняли, и Джимъ Вестъ хорошо сдѣлалъ, что сразу оборвалъ эти глупыя разгла-

гольствованія! Изъ моихъ старыхъ матросовъ, я увѣренъ, никто не позволитъ себѣ ничего подобнаго! Вотъ видите, мистеръ Джіорлингъ, какъ нехорошо, что я не могъ ограничиться одними моими людьми!.. Къ несчастью, это было положительно невозможно, и мы должны были имѣть въ виду туземное населеніе острова Тсалаль!

Тутъ я долженъ сказать, что капитанъ „Гальбрана“ запрещалъ лишь охоту на китовъ, но это запрещеніе отнюдь не касалось рыбной ловли. Голетъ шелъ очень быстро, и поэтому довольно трудно было бы употребить въ дѣло неводъ или сѣти; но изобрѣтательный боцманъ приказалъ прикрѣпить за кормой удочки, и, благодаря этому, за столомъ появилась свѣжая рыба во всѣхъ видахъ, чѣмъ, видимо, были довольны желудки моряковъ, которымъ порядкомъ-таки успѣла надоѣсть солонина. Удочками ловили gobies, семгу, треску, макрелей, морскихъ угрей, головлей и другую мелкую рыбу. Что же касается гарпуновъ, то ими убивали дельфиновъ и морскихъ свиней съ черноватымъ мясомъ, филей и печень которыхъ считаются лакомымъ блюдомъ.

Птицъ тоже можно было бы убивать немало, но это были все однѣ и тѣ же морскія птицы, неутомимо кружившіяся надъ голетомъ: бѣлые и голубые буревѣстники, съ замѣчательно изящными формами, зимородки, гагары и другія.

Я видѣлъ также — но только очень издали — буревѣстника гиганта, размѣры котораго были такъ велики, что возбуждали всеобщее удивленіе. Это былъ одинъ изъ видовъ quebrantahuesos, прозванныхъ такъ испанцами. Это была одна изъ самыхъ замѣчательныхъ птицъ областей Магелланова пролива, розмахъ широкихъ крыльевъ которыхъ имѣетъ отъ тринадцати до четырнадцати футовъ. Немало пролетало надъ нами и альбатросовъ, которые, почуявъ приближеніе теплаго времени года, стремились въ полярныя страны, гдѣ они проводятъ обыкновеннно лѣто.

Въ оправданіе Гирна и его вновь нанятыхъ соотечественниковъ я не могу не сказать, что они были американцы-китоловы и, конечно, не могли оставаться равнодушными при видѣ китовъ, на которыхъ въ южныхъ моряхъ и охотятся-то, главнымъ образомъ, суда, принадлежащія американскимъ китоловнымъ компаніямъ. Мнѣ, кстати, припомнилось, что около 1827 года произведено было изслѣдованіе, по порученію правительства Соединенныхъ штатовъ, и оказалось, что число кораблей, снаряжаемыхъ для охоты на китовъ въ этихъ моряхъ, достигаетъ внушительной цифры—двухсотъ, вмѣстимостью въ пятьдесятъ тысячъ тоннъ, которые и привозятъ каждый тысячу семьсотъ бочекъ жиру. Для полученія такого количества жиру необходимо убить восемь тысячъ китовъ и, кромѣ того, около двухъ тысячъ раненыхъ китовъ пропадаютъ безъ вѣсти.

Четыре года тому назадъ произведено было вторичное изслѣдованіе, и число китоловныхъ судовъ достигало четырехсотъ-шестидесяти, а количество тоннъ — до ста-семидесяти-двухъ тысячъ пятисотъ, — иначе сказать, китоловнымъ промысломъ въ этомъ году была занята одна десятая часть всего коммерческаго флота Союза, а общая выручка достигала милліона восьмисотъ тысячъ долларовъ; при чемъ арматорами и это дѣло было затрачено до сорока милліоновъ.

Однѣхъ этихъ цифръ, мнѣ кажется, достаточно, чтобы объяснить вспышку охотничьей страсти гарпунщика и сочувствовавшихъ ему товарищей американцевъ. Но такая жадность къ добру не поведетъ, и американцамъ можно только посовѣтовать не увлекаться очень жаждой наживы и не истреблять такъ безжалостно морскихъ млекопитающихъ!.. Недалеко уже то время, когда киты станутъ большою рѣдкостью въ этихъ южныхъ моряхъ и за ними придется отправляться за сплошные льды.

На это замѣчаніе, высказанное мною капитану Ленъ Гайю, онъ отвѣтилъ мнѣ, что англичане всегда выказывали себя болѣе сдержанными въ такихъ дѣлахъ, хотя я и не совсѣмъ согласенъ съ этимъ.

30 ноября часовой уголъ былъ взятъ въ десять часовъ, а затѣмъ въ полдень очень точно была опредѣлена и высота.

По окончаніи всѣхъ необходимыхъ вычисленій оказалось, что мы въ этотъ день находились подъ 66° 23′ 3″ южной широты.

Итакъ, „Гальбранъ“ только что пересѣкъ южный полярный кругъ, окружающій площадь антарктическаго пояса!

ГЛАВА XII.

Между полярнымъ кругомъ и сплошными льдами.

Съ той минуты, какъ „Гальбранъ“ перешелъ за этотъ воображаемый кругъ, очерченный въ двадцати-трехъ съ половиной градусахъ отъ полюса, онъ, казалось, вступилъ въ новую страну, въ ту страну „отчаянія и молчанія“, какъ называетъ ее Эдгаръ Поэ, въ ту волшебную темницу великолѣпія и славы, въ которую пѣвецъ „Элеоноры“ желалъ быть заключеннымъ даже навѣки...

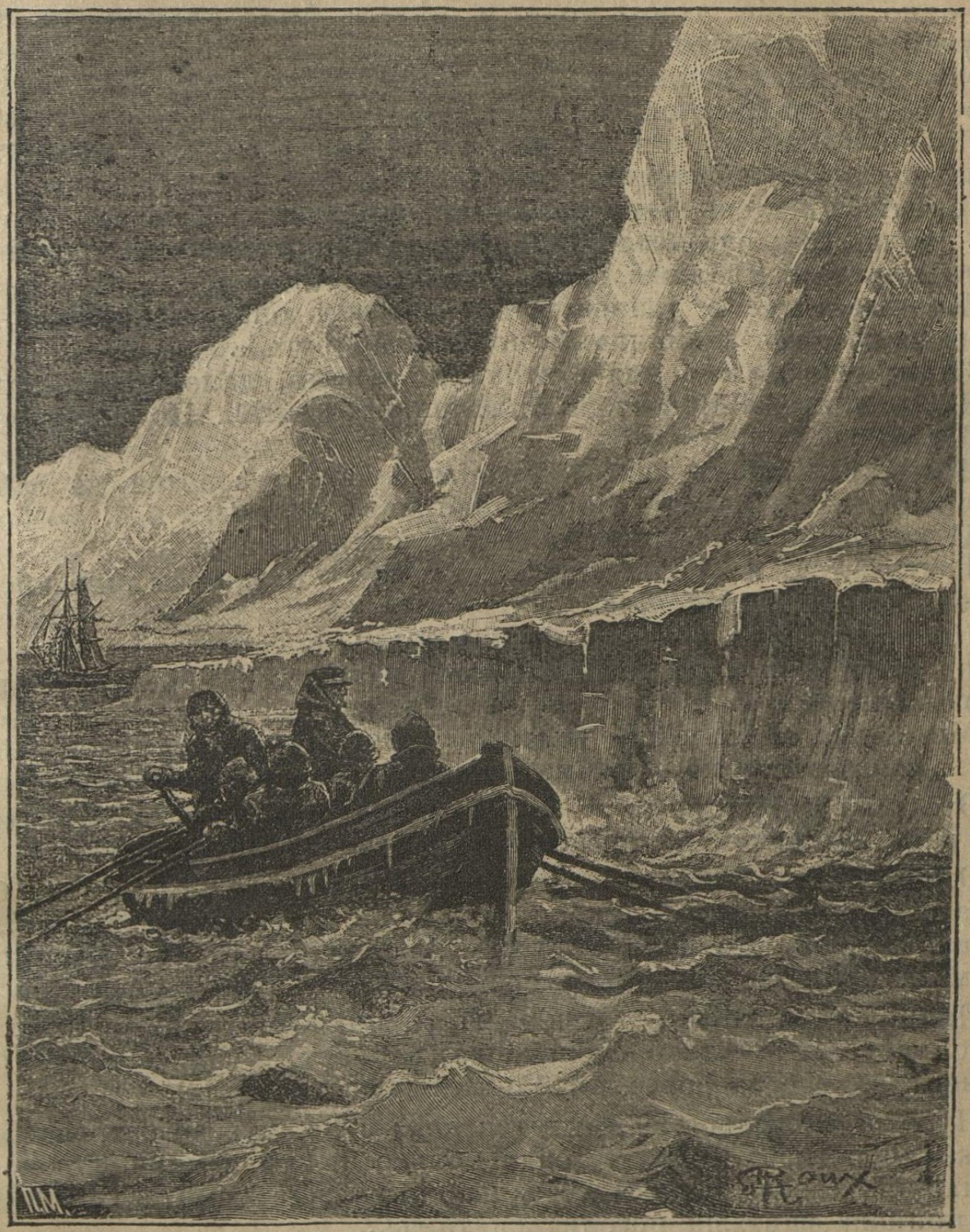
Если отбросить всѣ эти фантастическія бредни мечтателей и попробовать попросту опредѣлить, что такое представляетъ изъ себя эта область Антарктиды, занимающая пространство болѣе, чѣмъ въ пять милліоновъ квадратныхъ миль, окажется, что она осталась тѣмъ, чѣмъ былъ нашъ сфероидъ въ ледяной періодъ.

Въ теченіе лѣта Антарктида, какъ извѣстно, наслаждается вѣчнымъ днемъ, благодаря тому, что лучезарное свѣтило въ этотъ періодъ не заходитъ совсѣмъ и лишь слегка склоняется къ горизонту, чтобы черезъ нѣсколько минутъ снова подняться къ зениту. Затѣмъ проходитъ лѣто, солнце скрывается за горизонтомъ и начинается долгая полярная ночь.

Нашъ голетъ долженъ будетъ проходить по этимъ неизвѣстнымъ областямъ въ самый разгаръ лѣтняго сезона, при яркомъ свѣтѣ вѣчнаго дня. Солнце будетъ освѣщать ему дорогу до самаго острова Тсалаль, гдѣ мы надѣялись найти капитана и матросовъ съ „Джэнъ“.

Человѣкъ съ болѣе пылкимъ воображеніемъ, по всей вѣроятности, испыталъ бы сильное нервное возбужденіе, особенно въ первые часы, проведенные имъ на рубежѣ новаго пояса. Ему казалось бы, что онъ видитъ себя перенесеннымъ въ другой волшебный міръ... Приближаясь къ этимъ антарктическимъ странамъ, онъ невольно задавалъ бы себѣ вопросы о томъ, что скрываетъ за собой эта туманная завѣса, за кото-

рую до сихъ поръ еще никому не удавалось проникнуть. Найдетъ ли онъ тамъ новые элементы въ области трехъ царствъ природы, минеральнаго, растительнаго и животнаго?.. Есть ли тамъ живыя человѣческія существа, которыхъ будто бы видѣлъ Артуръ Пимъ, какъ это



...Съ голета спустили шлюпку... (Стр. 139.)

онъ самъ утверждаетъ въ своихъ запискахъ?.. Можетъ ли онъ надѣяться, что ему удастся благополучно вернуться туда, откуда онъ прибылъ въ эти невѣдомыя страны? Или, можетъ-быть, ему суждено окончить здѣсь свои дни, слушая, какъ воронъ поэта будетъ кричать ему своимъ каркающимъ голосомъ:

„Never more!.. никогда больше!.. никогда больше!“

Лично я, по своей натурѣ, не могъ, конечно, испытывать ничего подобнаго, хотя съ нѣкоторыхъ поръ и волновался и даже очень сильно, но мнѣ какъ-то всегда удавалось удерживать себя въ извѣстныхъ границахъ и не давать слишкомъ много воли фантазіи. У меня было только одно желаніе: чтобы море и вѣтеръ были такими же и по ту сторону антарктическаго пояса.

Что же касается капитана Ленъ Гайя, лейтенанта Джима Веста и стараго состава матросовъ, то на ихъ грубыхъ лицахъ, бронзовыхъ отъ загара, ясно читалось удовольствіе, когда они узнали, что голетъ перешелъ за шестьдесятъ-шестую параллель.

На слѣдующій день Герлигерли подошелъ ко мнѣ въ то время, когда я былъ на палубѣ; онъ былъ, видимо, въ радужномъ настроеніи духа, и на его плутоватомъ лицѣ играла веселая улыбка.

— Хе-хе! мистеръ Джіорлингъ,— сказалъ онъ подмигивая,— вотъ мы прошли и этотъ знаменитый полярный кругъ!..

— Этого еще далеко недостаточно, боцманъ, далеко недостаточно!

— Будетъ и это! Будетъ и это, повѣрьте мнѣ!.. Но я недоволенъ...

— Чѣмъ?

— Тѣмъ, что мы не исполняемъ того, что дѣлается на всѣхъ судахъ при переходѣ черезъ линію полярнаго круга!

— И вы очень объ этомъ жалѣете?— спросилъ я.

— Разумѣется, и „Гальбрану“ слѣдовало бы непремѣнно продѣлать церемонію южнаго крещенія!

— Крещенія?.. Да кого же бы вы стали крестить, боцманъ, когда всѣ наши матросы, точно такъ же, какъ и вы, уже переходили раньше за эту параллель?..

— Мы... да!.. Вы... нѣтъ, мистеръ Джіорлингъ!.. А почему бы, позвольте васъ спросить, не продѣлать намъ эту церемонію въ честь васъ?..

— Это правда, боцманъ; я за все время моихъ странствованій въ первый разъ въ жизни поднимаюсь такъ высоко по широтѣ...

— Это-то и заслуживаетъ крещенія, мистеръ Джіорлингъ!.. О! безъ особеннаго шума... безъ барабаннаго боя... трубныхъ звуковъ... и не вмѣшивая даже въ это дѣло дѣдушку Антарктика съ его обычнымъ маскарадомъ!.. Если бы вы только позволили мнѣ благословить васъ...

— Ладно, Герлигерли,— отвѣчалъ я, поднося руку къ карману.— Благословляйте и крестите сколько вамъ будетъ угодно! Вотъ піастръ на выпивку за мое здоровье въ ближайшемъ кабачкѣ...

— Ну, это удовольствіе придется пока отложить до острова Беннета или даже до острова Тсалаль, если только имѣются харчевни на островахъ дикарей и если существуетъ на свѣтѣ еще другой Аткинсъ, которому пришла фантазія поселиться тамъ!..

— Теперь я вотъ о чемъ хочу спросить васъ, боцманъ... Вы не обратили вниманія на то, какъ отнесся Гентъ къ извѣстію о переходѣ черезъ полярный кругъ?.. Что онъ тоже радъ, какъ рады и старые матросы „Гальбрана“, что перешелъ изъ умѣреннаго пояса въ холодный?

— Кто жъ его знаетъ!.. — отвѣчалъ мнѣ Герлигерли.— Онъ всегда плаваетъ подъ сухой холстиной и у него ни съ одного борта, ни съ другого ничего не вытянешь... Но, какъ я уже вамъ сказалъ, онъ, на-

вѣрное, уже знакомъ и съ пловучими льдинами и съ тѣмъ, что вы называете сплошнымъ льдомъ...

— Что заставляетъ васъ такъ думать?

— Все и ничего, мистеръ Джіорлингъ! Эти вещи чувствуются!.. Гентъ старый морской волкъ, таскавшій свой холщевый мѣшокъ по всѣмъ угламъ вселенной!..

Въ этомъ отношеніи я совершенно раздѣлялъ мнѣніе боцмана и самъ не знаю по какому предчувствію, я все время, не переставая, наблюдалъ за Гентомъ, почему-то особенно заинтересовавшимъ и меня.

Въ первыхъ числахъ декабря, съ 1-го по 4-е, вслѣдъ за наступившимъ кратковременнымъ затишьемъ, вѣтеръ выказалъ нѣкоторую склонность къ перемѣнѣ и началъ дуть съ сѣверо-запада. Но сѣверный вѣтеръ въ этихъ высокихъ широтахъ, какъ и южный вѣтеръ въ сѣверномъ полушаріи, почти никогда не приноситъ съ собой ничего хорошаго. Перемѣну погоды къ худшему, шквалы и смерчи,— вотъ все, что можно ожидать, когда начинаетъ дуть такой вѣтеръ. Впрочемъ, намъ нельзя было бы особенно жаловаться на это, лишь бы только сѣверо-западный вѣтеръ не перешелъ въ юго-западный. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ или отнесъ бы голетъ далеко въ сторону съ намѣченнаго пути, или же „Гальбрану“ пришлось бы бороться съ вѣтромъ, чтобы удержаться на мѣстѣ, потому что для насъ было бы очень невыгодно удаляться отъ меридіана, по которому мы слѣдовали съ самаго нашего отъѣзда съ Новыхъ Южныхъ Оркадъ.

Предстоящая перемѣна въ состояніи атмосферы не могла, конечно, не безпокоить, и очень сильно, и капитана Ленъ Гайя. Кромѣ того, „Гальбранъ“ уже шелъ не съ прежней быстротой, потому что вѣтеръ началъ ослабѣвать еще со средины дня 4-го декабря, а за ночь, съ 4-го на 5-е, онъ и совсѣмъ упалъ.

На утро паруса висѣли какъ тряпки вдоль мачтъ и полоскались съ одного борта на другой. Хотя до насъ не доносилось ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка, а на поверхности океана не видно было ни малѣйшей ряби, длинныя колебанія валовъ, подходившихъ съ запада, заставляли голетъ сильно раскачиваться.

— Море что-то чуетъ,— сказалъ мнѣ капитанъ Ленъ Гай.— Тамъ, въ той сторонѣ, должно-быть, разыгрывается сильная непогода,— добавилъ онъ, простирая руку по направленію къ западу.

— Горизонтъ тамъ, дѣйствительно, нѣсколько затуманенъ,— отвѣчалъ я.— Можетъ-быть, солнце около полудня...

— Въ этихъ широтахъ оно уже не имѣетъ той силы даже и лѣтомъ, мистеръ Джіорлингъ!.. Джимъ!

Лейтенантъ подошелъ.

— Какъ тебѣ нравится это небо?

— Мнѣ оно совсѣмъ не нравится... И я думаю, что мы должны быть ко всему готовыми, капитанъ. Я спущу верхніе паруса, уберу большой кливеръ и форъ-стенги-стаксель. Очень возможно, что горизонтъ еще и очистится послѣ полудня... Если же штормъ налетитъ на голетъ, мы встрѣтимъ его совсѣмъ готовыми!

— Самое важное, Джимъ, удержаться на томъ же меридіанѣ...

— Насколько это будетъ возможно, капитанъ, потому что мы на хорошей дорогѣ.

— Мнѣ послышалось, что вахтенные уже давали знать о появленіи первыхъ пловучихъ льдинъ?.. — спросилъ я.

— Да, — отвѣчалъ капитанъ Ленъ Гай, — но столкновеніе съ айсбергами грозитъ опасностью только намъ однимъ. Поэтому, если будетъ крайне необходимо уступить имъ дорогу, мы отойдемъ немного къ востоку или къ западу... Но мы, конечно, сдѣлаемъ это только въ томъ случаѣ, если сила окажется на ихъ сторонѣ.

Вахтенные не ошиблись. Послѣ полудня показались массы льда, медленно перемѣщавшіяся къ югу. Нѣсколько ледяныхъ острововъ, хотя сравнительно и очень небольшихъ, какъ по протяженію, такъ и по высотѣ, медленно плыли по поверхности океана: это были обломки ледяныхъ полей, то, что англичане называютъ *packs*, куски длиною отъ трехъ до четырехсотъ футовъ, края которыхъ соприкасаются между собою; ихъ называютъ *palchs*, когда они имѣютъ круглую форму, и *stuams*, когда они продолговаты. Эти обломки, отъ которыхъ не трудно увернуться, не могли стѣснять плаванія „Гальбрана“. Вѣтеръ, правда, давалъ еще ему возможность держаться въ указанномъ уже раньше направленіи, но зато онъ вовсе не подвигался впередъ и заставлять его лавировать, а это было дѣломъ далеко не легкимъ. Непріятность положенія усугублялась еще тѣмъ, что, чуявшее приближеніе шторма, море сильно бурлило и бросало насъ съ одной стороны на другую.

Часовъ около двухъ дня налетѣлъ шквалъ, и мы попали въ вихрь атмосферическихъ теченій. Вѣтеръ, буквально, обходилъ всѣ румбы компаса.

Голетъ страшно встряхивало, и боцманъ приказалъ принайтовить всѣ предметы, которые могли оторваться во время боковой или килевой качки.

Часовъ около трехъ необычайной силы шквалы разразились уже опредѣленно въ сторонѣ остъ-нордъ-остъ. Лейтенантъ взялъ нижній рифъ у бригантины, у фокъ-голета и у фокъ-стакселя. Этимъ способомъ онъ надѣялся удержаться противъ вѣтра и не быть отброшеннымъ на востокъ, т. е. сбитымъ съ пути, котораго держался Уэделль. Кромѣ того, *drifts*, или пловучіе льды, повидимому, группировались, главнымъ образомъ, въ той сторонѣ, а для корабля нѣтъ ничего болѣе опаснаго, какъ рискнуть пробиться сквозь этотъ движущійся лабиринтъ.

Подъ ударами урагана, сопровождаемаго сильнымъ волненіемъ, голетъ подчасъ сильно накренялся то на одинъ галсъ, то на другой. Къ счастью, грузъ его лежалъ плотно и не могъ перемѣщаться, потому что нагрузка трюма была произведена самымъ тщательнымъ образомъ и при этомъ имѣлись въ виду и всевозможныя неожиданныя случайности. Намъ нечего было бояться участи „Грампуса“, который опрокинулся исключительно благодаря небрежной нагрузкѣ, и вслѣдствіе этого и погибъ. Читатель, конечно, не забылъ, что этотъ бригъ перевернулся килемъ вверхъ и что Артуръ Пимъ и Деркъ Питерсъ провели на немъ нѣсколько дней, уцѣпившись за его кузовъ.

На всякій случай попробовали пустить въ дѣло помпы, но онѣ не дали ни одной капли воды. Ни въ обшивкѣ ни въ палубѣ не разошелся ни одинъ шовъ, благодаря тому, что во время стоянки на Фалькландахъ всѣ швы были заново проконопачены и осмолены.

Сколько времени продлится буря?.. Отвѣтить на это не могъ бы даже самый лучшій „weather-wise“... Можетъ-быть, сутки, можетъ-быть, двое сутокъ, а можетъ-быть, и трое сутокъ... На морѣ вообще, а на югѣ въ особенности, никогда не знаешь навѣрное, что ждетъ тебя завтра.

Черезъ часъ послѣ начала бури шквалы слѣдовали безпрерывно одинъ за другимъ и при этомъ шелъ дождь, градъ и снѣгъ, или, лучше сказать, снѣжный ливень. Градъ и снѣгъ объяснялись тѣмъ, что во время бури температура воздуха значительно понизилась. Термометръ показывалъ всего только тридцать-шесть градусовъ по Фаренгейту (2° 22′ С. выше нуля), а барометрическій столбъ двадцать-шесть дюймовъ восемь линій (721 миллиметръ).

Было десять часовъ вечера — мнѣ волей-неволей приходится употреблять это слово, хотя солнце все еще стояло надъ горизонтомъ. Дѣло въ томъ, что должно было пройти еще пятнадцать дней до тѣхъ поръ, пока оно достигнетъ высшей точки своей орбиты, а теперь въ двадцати-трехъ градусахъ отъ южнаго полюса оно пока еще бросало на поверхность Антарктиды лишь блѣдные, косые лучи.

Въ десять часовъ тридцать-пять минутъ ярость бури, казалось, увеличилась вдвое.

Я не хотѣлъ возвращаться къ себѣ въ каюту и рѣшилъ укрыться за рубкой.

Капитанъ Ленъ Гай и лейтенантъ разговаривали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня. Въ этомъ адскомъ грохотѣ разбушевавшихся стихій они едва ли хорошо слышали одинъ другого; но моряки въ такихъ случаяхъ отлично умѣютъ понимать другъ друга даже по однимъ жестамъ.

Они обратили вниманіе, — это же, впрочемъ, замѣтилъ и я, — что голетъ вѣтромъ и теченіемъ относитъ къ юго-востоку, т. е. въ ту сторону, гдѣ поверхность моря была покрыта льдинами, — „Гальбранъ“ непремѣнно долженъ будетъ встрѣтить ихъ на своемъ пути, потому что эти ледяныя массы двигались гораздо тише его. Эта двойная неудача не только сбивала насъ съ намѣченнаго пути, но могла еще сопровождаться и несчастьемъ въ моментъ столкновенія съ льдинами. Качка была такъ сильна, что только привычные моряки, да и то съ трудомъ, могли держаться на палубѣ, и верхушки мачтъ только что не касались воды, когда голетъ ложился на бокъ. Казалось, что „Гальбранъ“ будто перерѣзанъ пополамъ, и матросы, стоявшіе на носу, положительно не видѣли ничего изъ того, что дѣлалось на кормѣ.

Впереди, сквозь густую завѣсу дождя, снѣга и тумана, виднѣлось бушующее море, которое особенно яростно бурлило, разбиваясь о крутые бока ледяныхъ горъ, очень похожіе на береговые утесы.

Количество плавучихъ льдинъ все возрастало, и это подавало надежду, что буря ускоритъ оттепель и сдѣлаетъ болѣе доступными края сплошныхъ льдовъ.

А теперь, въ эту минуту, намъ пока нужно было бороться съ вѣтромъ, а для этого слѣдовало поставить „Гальбранъ“ носомъ противъ вѣтра. Голетъ трепало немилосердно; волны подхватывали его съ боковъ, бросали въ разверзавшуюся передъ нимъ бездну... Новая волна, и онъ взлеталъ опять наверхъ... Бѣжать нечего было и думать, потому

что при такомъ быстромъ ходѣ судну грозитъ очень серьезная опасность: его можетъ залить водой черезъ гакабортъ, и оно пойдетъ ко дну.

Прежде всего нужно было поставить судно носомъ противъ вѣтра. И только уже продѣлавъ это подъ марселью, взятою на нижній рифъ, и имѣя на носу малый кливеръ и форъ-стенги-стаксель на кормѣ, „Гальбранъ“ могъ бы еще довольно успѣшно бороться съ бурей и волнами, хотя бы даже ему пришлось уменьшить и эту парусность, въ случаѣ, если бы обстоятельства заставили его прибѣгнуть къ этой мѣрѣ.

Матросъ Дрэпъ сталъ у штурвала. Капитанъ Ленъ Гай стоялъ возлѣ него и слѣдилъ за ходомъ судна.

На носу стояла часть экипажа, готовая исполнять приказанія Джима Веста, въ то время, какъ шесть человѣкъ матросовъ, подъ командой боцмана, заняты были перестановкой форъ-стенги-стакселя на мѣсто бригантины. Форъ-стенги-стаксель не что иное, какъ треугольный кусокъ толстой парусины, выкроенный наподобіе кливера, который поднимается у скрѣпленія вантовъ нижней мачты, галсы котораго садятся внизу, а шкоты вытягиваются назадъ.

Для того, чтобы взять рифы у марсели, надо было взобраться на ванты фокъ-мачты, для исполненія каковой работы совершенно достаточно послать четверыхъ матросовъ.

Первый, кинувшійся къ выбленкамъ, былъ Гентъ. Вторымъ былъ Мартинъ Гольтъ, нашъ парусный старшина. Матросъ Берри и одинъ изъ новичковъ въ ту же минуту послѣдовали за ними.

Никогда я не думалъ, чтобы человѣкъ могъ выказать столько ловкости и искусства, какъ это сдѣлалъ Гентъ. Его руки и ноги едва касались выбленокъ. Добравшись до высоты вантовъ, онъ пошелъ вдоль пѐртъ (подъ реями) къ одному изъ концовъ реи для того, чтобы ослабить реванты марсели.

Мартинъ Гольтъ направился къ другому концу реи, а двое остальныхъ матросовъ остались работать на срединѣ.

Какъ только парусъ будетъ спущенъ, останется только свезти его къ нижнему рифу. Затѣмъ когда Гентъ, Мартинъ Гольтъ и двое матросовъ спустятся внизъ, его поднимутъ до мѣста снизу.

Капитанъ Ленъ Гай и лейтенантъ знали, что подъ такими парусами „Гальбранъ“ хорошо выдерживалъ дрейфъ.

Пока Гентъ и его товарищи работали наверху, боцманъ приготовилъ форъ-стенги-стаксель и теперь ждалъ только приказанія лейтенанта поднять его на блокъ.

Въ это время буря свирѣпствовала съ ужасающею яростью. Ванты, фардуны и бакштаги натянулись до того, что дрожали какъ струны и того и гляди лопнутъ. У меня являлось опасеніе, что этотъ страшный ураганъ сорветъ и эти немногіе паруса и унесетъ ихъ въ море!..

Вдругъ налетѣлъ шквалъ и опрокинулъ все, что было на палубѣ. Нѣсколько боченковъ, оборвавъ найтовы, покатились къ бортамъ. Голетъ такъ сильно накренился на штирбортъ, что вода хлынула черезъ шпигаты.

Налетѣвшій шквалъ отбросилъ меня къ рубкѣ, и я нѣсколько минутъ не могъ подняться на ноги.

„Гальбранъ“ накренился такъ сильно, что конецъ реи у марсели погрузился фута на три или на четыре въ гребень волны.

Когда рея показалась изъ воды, оказалось, что Мартинъ Гольтъ, сидѣвшій верхомъ на самомъ концѣ реи и доканчивавшій свою работу, исчезъ.

Послышался крикъ — то крикнулъ парусный старшина, который безпомощно барахтался въ бушующихъ волнахъ.

Матросы кинулись къ штирборту и выбросили кто веревку, кто боченокъ, кто шестъ — первое, что попадалось подъ руку и за что могъ бы ухватиться несчастный Мартинъ Гольтъ.

Въ ту минуту, когда я, приподнявшись, схватился за крюсовъ, стараясь удержаться на ногахъ, я увидѣлъ массу, разсѣкшую воздухъ и въ ту же минуту исчезнувшую въ клокотавшихъ волнахъ...

Неужели это сорвался еще кто-нибудь?.. Нѣтъ!.. это было сдѣлано добровольно... это былъ подвигъ самопожертвованія.

Принайтовивъ послѣдній сезень у рифа, Гентъ пробрался вдоль реи и кинулся въ море на помощь къ парусному старшинѣ.

— Два человѣка за бортомъ! — крикнули съ палубы.

Да, два... одинъ изъ нихъ спѣшилъ на помощь къ другому... Неужели они оба погибнутъ?..

Джимъ Вестъ бросился къ штурвалу и однимъ поворотомъ колеса поставилъ голетъ ближе къ вѣтру на цѣлый румбъ, — все, что онъ могъ сдѣлать въ эту минуту, сообразуясь съ вѣтромъ. Потомъ, спустивъ до половины кливеръ и натянувъ, какъ только было возможно, форъ-стенги-стаксель, онъ заставилъ голетъ остановиться почти неподвижно.

На пѣнящейся поверхности моря виднѣлись Мартинъ Гольтъ и Гентъ, головы которыхъ по временамъ показывались изъ воды...

Гентъ сильными взмахами рукъ быстро подвигался впередъ и замѣтно приближался къ парусному старшинѣ.

Послѣдній былъ уже въ это время, по крайней мѣрѣ, въ разстояніи кабельтова и то исчезалъ, то показывался черноватою точкой, которую довольно трудно было различить въ волнахъ.

Выбросивъ буйки и боченки, экипажъ сталъ ждать, сдѣлавъ, съ своей стороны, все, что можно было сдѣлать. Будь тихая погода, они спустили бы на воду шлюпку, но объ этомъ нечего было и думать въ такую страшную бурю, когда волнами заливало весь бакъ!.. Шлюпка или опрокинется, или разобьется о бока голета.

— Они погибнутъ оба... оба! — прошепталъ капитанъ Ленъ Гай.

Затѣмъ, обратившись къ лейтенанту, крикнулъ:

— Джимъ... лодку... лодку!..

— Если вы прикажете спустить шлюпку на воду, — отвѣчалъ лейтенантъ, — я первый прыгну въ нее, хотя бы за это мнѣ и пришлось поплатиться жизнью... Но я желаю услышать официальное приказаніе!

Прошло нѣсколько минутъ полныхъ мучительной тревоги для свидѣтелей этой сцены. Никто не думалъ о томъ, что ихъ и самихъ ждетъ, можетъ-быть, та же самая участь, потому что положеніе „Гальбрана“ было очень опасно.

Гентъ въ послѣдній разъ показался между двумя волнами; затѣмъ снова погрузился въ воду, но черезъ минуту опять вынырнулъ и съ нечеловѣческою силой бросился къ Мартину Гольту, или скорѣе къ тому мѣсту, куда затянуло утопающаго...

Голетъ держался какъ можно ближе къ вѣтру, и какъ только Джимъ Вестъ приказалъ ослабить шкоты малаго кливера и форъ-стенги-стакселя, онъ подвинулся впередъ на полъ-кабельтова.

Въ это время новые крики заглушили ревъ разъяренныхъ стихій.

— Ура!.. ура!.. ура!.. — кричалъ весь экипажъ.

Гентъ лѣвою рукой поддерживалъ Мартина Гольта, а правой изо всѣхъ силъ работалъ и плылъ къ голету.

— Держи круче къ вѣтру!.. къ вѣтру!.. — командовалъ Джимъ Вестъ рулевому.

Когда штурвалъ повернули книзу, паруса повисли и хлопали какъ ружейные выстрѣлы...

„Гальбранъ“ запрыгалъ подъ ударами волнъ, точно лошадь, поднимающаяся на дыбы, когда мундштукъ тянетъ такъ сильно, что можетъ разорвать ротъ.

Такъ прошла цѣлая безконечная минута. Въ пѣнящихся волнахъ едва можно было разсмотрѣть двухъ людей, изъ которыхъ одинъ тащилъ другого.

Наконецъ, Гентъ добрался до голета и схватилъ одну изъ веревокъ, висѣвшихъ съ борта.

— Впередъ!.. впередъ!.. — крикнулъ лейтенантъ, дѣлая рукою жестъ рулевому.

Голетъ сдѣлалъ какъ разъ такой поворотъ, чтобы марсель, малый кливеръ и форъ-стенги-стаксель могли захватить вѣтеръ, и быстро помчался впередъ.

Гентъ и Мартинъ Гольтъ въ одну минуту были подняты на палубу. Одного положили подъ фокъ мачтой, а другой не нуждался въ этомъ и могъ даже принимать участіе въ общей работѣ...

Нѣсколько человѣкъ матросовъ занялись своимъ спасеннымъ товарищемъ и послѣ энергичныхъ растираній привели его въ чувство, и глаза его открылись.

— Мартинъ Гольтъ, — сказалъ ему капитанъ Ленъ Гай, наклонившись надъ паруснымъ старшиной, — однако, ты вернулся издалека!

— Да... да... капитанъ! — отвѣчалъ Мартинъ Гольтъ, ища кого-то глазами. — Кто это помогъ мнѣ?..

— Гентъ... — перебилъ боцманъ. — Гентъ рисковалъ своей жизнью, чтобы вытащить тебя оттуда!

Мартинъ Гольтъ приподнялся наполовину, облокотился на локоть и повернулся въ сторону Гента. А такъ какъ послѣдній и не думалъ подходить, то Герлигерли толкнулъ его къ Мартину Гольту, глаза котораго выражали самую живую благодарность.

— Гентъ, — сказалъ онъ, — ты меня спасъ ... Безъ тебя... я бы погибъ... Спасибо тебѣ...

Гентъ не отвѣтилъ на это ни слова.

— Ну... Гентъ... — продолжалъ капитанъ Ленъ Гай. — Развѣ ты не слышишь?..

Гентъ, повидимому, ничего не слышалъ.

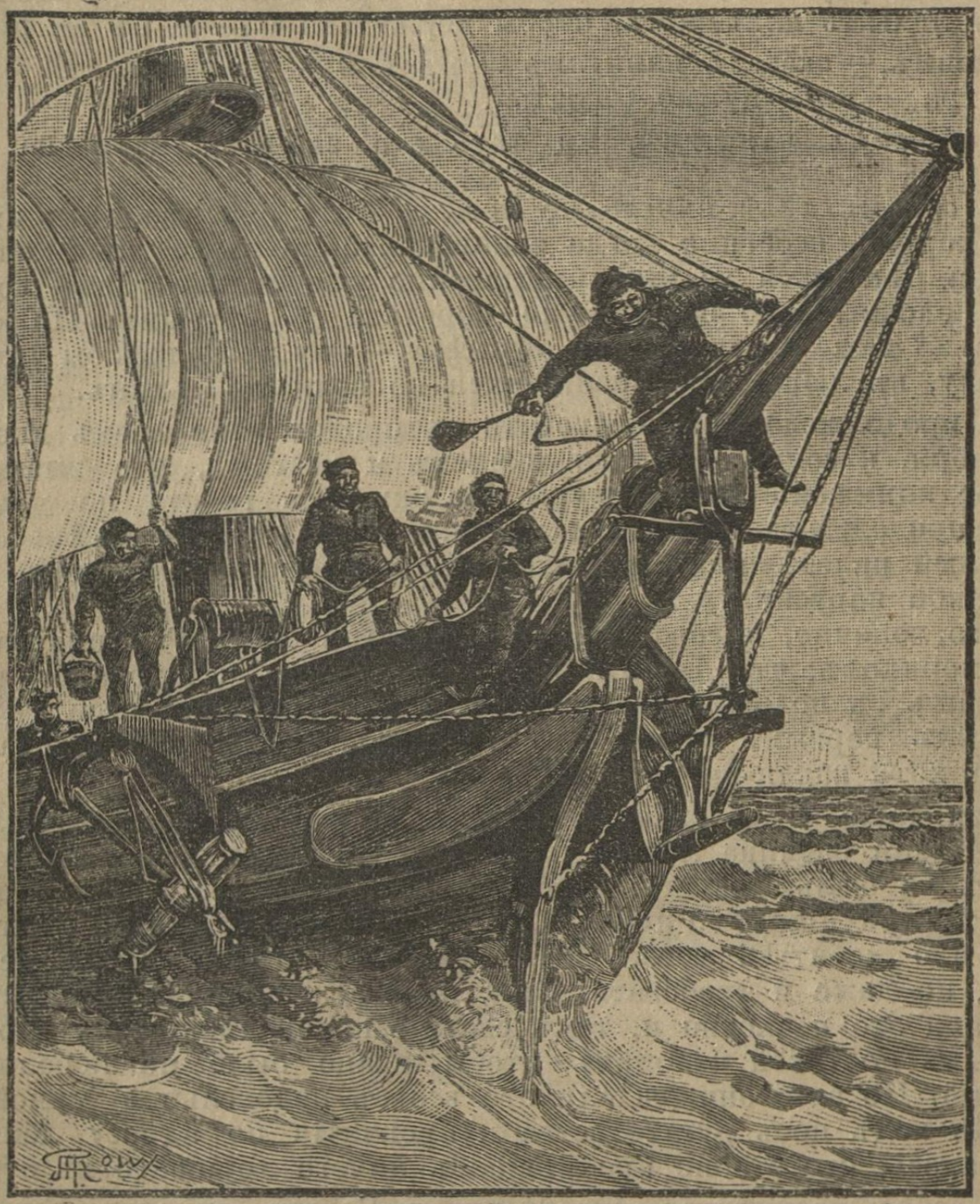
— Гентъ, — повторилъ Мартинъ Гольтъ, — подойди ко мнѣ!.. Спасибо тебѣ!.. Я хотѣлъ бы пожать твою руку!..

И онъ протянулъ свою.

Гентъ отступилъ на нѣсколько шаговъ, покачивая головой, съ ви-

домъ человѣка, который вовсе не нуждается въ благодарности за такую, въ сущности, простую услугу.

Затѣмъ онъ повернулся и отправился перемѣнять одинъ изъ шкотовъ малаго кливера, оборвавшійся во время особенно сильнаго шквала, когда и самъ голетъ затрепеталъ отъ киля до клотиковъ.



Боцманъ бросилъ въ воду линь. (Стр. 144.)

Надо сознаться, что этотъ Гентъ, такъ геройски жертвующій собой для спасенія ближняго, человѣкъ совсѣмъ необыкновенный! Его замкнутой въ себѣ натурѣ, повидимому, незнакомы были волненія людей обыкновенныхъ, и боцману, несмотря на все его желаніе, и на этотъ разъ такъ и не удалось узнать, „какого цвѣта его слова“!

Буря все еще продолжала свирѣпствовать, не давая ни одной минуты отдыха ни себѣ ни намъ, и это внушало намъ довольно серьез-

ныя опасенія. Штормъ былъ такъ силенъ, что того и гляди весь рангоутъ унесетъ въ море!.. Да!.. и несмотря на то, что у штурвала стоялъ самъ Гентъ, голетъ уже почти не слушался руля, прыгалъ по волнамъ, какъ мячикъ, накренялся то на одинъ бокъ, то на другой и, повидимому, собирался перевернуться килемъ кверху. Кончилось тѣмъ, что пришлось убрать даже и марсель и ограничиться форъ-стенги-стакселемъ и малымъ кливеромъ, чтобы держаться ближе къ вѣтру.

— Джимъ, — сказалъ капитанъ Ленъ Гай, — въ это время было пять часовъ утра, — если нужно бѣжать...

— Побѣжимъ, капитанъ, но вѣдь это значитъ итти на вѣрную гибель!

И на самомъ дѣлѣ, ничего не можетъ быть опаснѣе, какъ имѣть вѣтеръ за кормой, особенно когда знаешь, что не въ состояніи опережать волны, — и рѣшаются на это обыкновенно уже только тогда, когда становится положительно невозможно бороться съ вѣтромъ. Но если бы „Гальбранъ“ даже и рѣшился на эту мѣру, — ему пришлось бы уклониться къ востоку, въ лабиринтъ носившихся по волнамъ льдинъ.

Буря продолжала свирѣпствовать въ продолженіе трехъ дней, 6, 7 и 8 декабря, и сопровождалась дождемъ и снѣгомъ, что вызвало значительное пониженіе температуры. Но экипажъ голета не унывалъ и все еще продолжалъ держаться противъ вѣтра и даже успѣлъ замѣнить разорванный налетѣвшимъ шкваломъ малый кливеръ другимъ, изъ болѣе крѣпкой парусины.

Нечего, конечно, и говорить, что капитанъ Ленъ Гай выказалъ себя истымъ морякомъ, что Джимъ Вестъ видѣлъ все, что дѣлалось кругомъ, что экипажъ съ полнымъ самоотверженіемъ исполнялъ свое дѣло и что Гентъ былъ первымъ тамъ, гдѣ требовалась спѣшная работа и гдѣ угрожала хотя какая-нибудь опасность.

Нельзя даже и представить себѣ, какой это былъ неоцѣненный человѣкъ! Какая разница между нимъ и большинствомъ матросовъ, набранныхъ на Фальклandахъ; особенно же это было замѣтно по отношенію къ гарпунщику Гирну! Отъ него и его пріятелей почти невозможно было добиться того, что лейтенантъ имѣлъ право не только ожидать, но даже и требовать. Они, правда, исполняли приказанія, но они дѣлали это неохотно и, такъ сказать, поневолѣ, потому что Джимъ Вестъ былъ не такой человѣкъ, чтобы можно было не исполнять его приказаній. Но зато они дѣлали это все съ недовольной миной и ворчали себѣ подъ носъ ругательства и проклятія по адресу лейтенанта. Мнѣ казалось, что это не предвѣщаетъ ничего хорошаго въ будущемъ.

Само собою разумѣется, что Мартинъ Гольтъ, оправившись, сейчасъ же принялся за исполненіе своихъ обязанностей и работалъ наравнѣ съ другими. Старый морской волкъ отлично зналъ свое дѣло и только онъ одинъ и могъ соперничать съ Гентомъ.

— Ну, Гольтъ — спросилъ я его однажды, когда онъ разговаривалъ съ боцманомъ, — въ какихъ отношеніяхъ вы теперь съ этимъ чудакомъ Гентомъ?.. Что онъ сталъ, наконецъ, поразговорчивѣе съ вами съ того дня, какъ вытащилъ васъ изъ воды?

— Нѣтъ, мистеръ Джіорлингъ, — отвѣчалъ парусный старшина. — Мнѣ даже кажется, что онъ меня нарочно избѣгаетъ.

— Избѣгаетъ васъ?.. — возразилъ я. — Впрочемъ, онъ вѣдь такъ же держалъ себя и раньше...

— Странно это...

— И въ то же время вѣрно, — добавилъ Герлигерли. — Я замѣчалъ это много разъ.

— Значитъ, онъ избѣгаетъ не однихъ васъ, а и всѣхъ остальныхъ.

— Меня больше, чѣмъ остальныхъ...

— Но отчего же это происходитъ?

— Право, не знаю, мистеръ Джіорлингъ!

— Это не мѣшаетъ тебѣ, Гольтъ, при первомъ удобномъ случаѣ, поставить за него большую свѣчку! — объявилъ боцманъ. — Но не вздумай дѣлать это при немъ!.. А его знаю: онъ ее потушитъ!

Меня очень удивило то, что я узналъ. Но, присмотрѣвшись хорошенько, я и самъ убѣдился въ истинѣ того, что Гентъ тщательно избѣгалъ всѣхъ случаевъ, когда ему поневолѣ приходилось входить въ соприкосновеніе съ нашимъ паруснымъ старшиной. Неужели онъ, и въ самомъ дѣлѣ, думалъ, что не имѣетъ права на его благодарность, хотя послѣдній и былъ обязанъ ему жизнью?.. Поведеніе этого человѣка можно было назвать, по меньшей мѣрѣ, страннымъ.

Послѣ полуночи, съ 8-го на 9-е декабря, вѣтеръ, повидимому, началъ обнаруживать нѣкоторую склонность снова повернуть съ востока; а съ тѣмъ вмѣстѣ, должна была перемѣниться и погода къ лучшему.

Если погода устоитъ, „Гальбрану“, можетъ-быть, и удастся наверстать то, что онъ потерялъ во время бури, и онъ снова пойдетъ намѣченнымъ заранѣе маршрутомъ по сорокъ-третьему меридіану.

Море все еще продолжало бурлить; но, несмотря на это, лейтенантъ приказалъ часовъ около двухъ утра поставить еще нѣкоторые паруса. Голетъ поставилъ кливеръ и косой гротъ въ два рифа, форъ-стаксель и малый кливеръ и, идя лѣвымъ галсомъ, направился къ тому мѣсту, откуда прогнала его продолжительная буря.

Въ этой части антарктическаго моря льдины носились еще въ довольно большемъ количествѣ, и у насъ являлась надежда, что буря, ускоривъ оттепель, можетъ-быть, пробила на востокѣ преграду изъ сплошныхъ льдовъ.

ГЛАВА XIII.

Сплошные льды.

Хотя намъ и пришлось вынести бурю по переходѣ за полярный кругъ, но борьба съ ней окончилась благополучно, и поэтому мы могли считать, что и вторая часть нашего путешествія пройдетъ въ общемъ при весьма благопріятныхъ условіяхъ. Не даромъ говорится, что все, что ни дѣлается, все къ лучшему... Какое будетъ счастье, если окажется, что „Гальбранъ“ теперь, въ декабрѣ, найдетъ широко открытой дорогу Уэделля!..

Не правда ли, какъ это странно?.. Я говорю про дорогу Уэделля, точно про обыкновенную колесную дорогу, или, лучше сказать, шоссе съ надписями на верстовыхъ столбахъ: „Дорога къ южному полюсу!“

Въ теченіе дня 10-го декабря голетъ безъ особаго затрудненія пробирался мимо одинокихъ льдинъ, такъ называемыхъ floes и brashs. Направленіе вѣтра не заставляло поминутно мѣнять курсъ, идя короткими галсами, и давало ему возможность слѣдовать почти по прямой линіи между льдинами. Хотя настоящее лѣто обыкновенно начинается гораздо позднѣе, капитанъ Ленъ Гай, хорошо изучившій климатическія условія высокихъ широтъ, увѣрялъ, что, въ виду особенно ранней весны этого года, полное таяніе льдовъ начнется не въ январѣ, а въ декабрѣ.

Обходить эти огромныя блуждающія массы не представляло ни малѣйшаго затрудненія для экипажа. Настоящія затрудненія, по всей вѣроятности, начнутся въ тотъ недалекій день, когда голету придется прокладывать себѣ дорогу сквозь сплошные льды.

Кромѣ того, намъ нечего было бояться внезапнаго столкновенія. Надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ плыли льдины въ большомъ количествѣ, атмосфера имѣла желтоватый оттѣнокъ, который китоловы называютъ blink *). Это явленіе отраженія, свойственное лишь холодному поясу, никогда не введетъ впросакъ опытнаго наблюдателя.

Цѣлыя пять сутокъ благополучно плылъ „Гальбранъ“ и за все это время не только не получилъ никакого поврежденія, но даже и не имѣлъ столкновенія съ льдинами. А между тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ онъ спускался къ югу, число льдинъ все увеличивалось, а проходы становились все уже. Наблюденіе, произведенное 14-го, дало намъ 72° 37′ южной широты, а долгота оставалась все та же — между сорокъ-вторымъ и сорокъ-третьимъ меридіанами. Это была уже такая точка, какой удавалось достигнуть немногимъ мореплавателямъ по ту сторону антарктическаго круга,— ни Бэллени ни Беллингсгаузену. Мы были всего въ двухъ градусахъ ниже той точки, куда пробирался Джэмсъ Уэделль.

Плаваніе голета постепенно становилось все затруднительнѣе, благодаря обилію безцвѣтныхъ и мертвенныхъ обломковъ льда, покрытыхъ густымъ слоемъ гуано. Сравнительно съ этими необъятными льдинами, какимъ маленькимъ казался нашъ голетъ, который даже клотикомъ гротъ-мачты не достигалъ вершины многихъ ледяныхъ горъ!

Пловучія ледяныя горы отличались одна отъ другой и величиной и разнообразіемъ формъ до безконечности. Никакими словами нельзя описать всю прелесть картины, когда эта путаница большихъ и малыхъ горъ играла подъ лучами полуденнаго солнца, снова ярко засіявшаго послѣ того, какъ разсѣялись туманы.

Я не сходилъ съ палубы и съ восторгомъ любовался этимъ эффектнымъ зрѣлищемъ, которое такъ мастерски описано въ дневникѣ Артура Пима. Здѣсь остроконечныя пирамиды, тамъ куполы, закругленные наподобіе византійской церкви или поднимающіеся вверхъ, какъ куполы русской церкви... Дальше, на безоблачномъ фонѣ неба, льдины вырисовывались точно края облаковъ, низъ которыхъ уходилъ прямо въ воду... А что такое сами по себѣ облака, какъ не плавающія льдины небеснаго моря?..

Теперь капитанъ Ленъ Гай большую часть времени проводилъ на палубѣ и принималъ дѣятельное участіе въ командованіи голетомъ, соединяя отвагу съ предусмотрительной осторожностью. Онъ никогда

*) Отблескъ.

не рисковалъ итти подъ вѣтромъ у льдины, если она была на такомъ разстояніи, что онъ не могъ свободно производить всѣ необходимые маневры и, въ случаѣ надобности, даже совсѣмъ свернуть съ дороги и обойти льдину. Во время своего многолѣтняго плаванія по южнымъ морямъ, онъ не разъ встрѣчалъ на пути плавающія льдины и теперь смѣло устремлялся въ лабиринтъ между массами drifts и packs.

Въ этотъ день онъ мнѣ, между прочимъ, сказалъ:

— Мистеръ Джіорлингъ, я уже не въ первый разъ пытаюсь проникнуть въ полярное море, хотя и безуспѣшно. И вотъ, если я дѣлалъ эти попытки даже и тогда, когда у меня ничего не было въ рукахъ, кромѣ простыхъ предположеній о судьбѣ „Джэнъ“, чего не сдѣлаю я теперь, когда эти предположенія перешли въ увѣренность!

— Я понимаю, васъ, капитанъ, и, по моему мнѣнію, опытъ, пріобрѣтенный вами въ плаваніяхъ по этимъ морямъ, долженъ значительно увеличить наши шансы на успѣхъ.

— Разумѣется, мистеръ Джіорлингъ!.. Хотя по ту сторону сплошныхъ льдовъ я и не былъ еще ни разу, точно такъ же, какъ и всѣ почти остальные мореплаватели!.. Я иду въ невѣдомыя страны, и меня даже страшитъ немного эта неизвѣстность!..

— Неизвѣстность?.. Я съ вами не совсѣмъ согласенъ, капитанъ... Вы забываете, что у насъ есть заслуживающія полнаго довѣрія записки Уэделля и такъ же подробно составленныя записки Артура Пима.

— Да!.. я знаю!.. Они оба упоминаютъ о свободномъ морѣ...

— Развѣ вы этому не вѣрите?

— Нѣтъ!.. я вѣрю этому!.. Оно должно быть непремѣнно и даже на это существуютъ особыя, очень вѣскія причины. Начать съ того, что всѣ эти необъятныя массы, извѣстныя подъ названіемъ ледяныхъ полей и ледяныхъ горъ, не могутъ образоваться въ открытомъ морѣ. Всесокрушающая сила волнъ отрываетъ ихъ отъ континентовъ или отъ острововъ высокихъ широтъ. Затѣмъ теченія уносятъ ихъ въ болѣе теплыя воды, гдѣ удары валовъ подтачиваютъ ихъ края, въ то время, какъ тепло разрушаетъ ихъ основанія и бока, не имѣющіе силъ сопротивляться термическимъ вліяніямъ.

— При всей своей простотѣ, по-моему, это единственное допустимое объясненіе, — отвѣчалъ я.

— Итакъ, — продолжалъ капитанъ Ленъ Гай,—эти массы оторвались вовсе не отъ сплошныхъ льдовъ. Носясь по волѣ вѣтра и волнъ, онѣ достигаютъ ихъ, иногда разбиваютъ и пробираются въ образовавшіеся проходы. Впрочемъ, южный поясъ, по-моему, совсѣмъ нельзя сравнивать съ сѣвернымъ. Они находятся въ совершенно различныхъ условіяхъ. Вотъ почему Кукъ такъ увѣренно говорилъ, что онъ никогда не встрѣчалъ вблизи Гренландіи такихъ высокихъ и такихъ большихъ ледяныхъ горъ, какія ему приходилось видѣть въ антарктическомъ морѣ, даже и въ болѣе высокихъ широтахъ.

— А отчего это зависитъ? — спросилъ я.

— Вѣроятно, отъ того, что въ сѣверныхъ странахъ преобладаетъ вліяніе южныхъ вѣтровъ. А они попадаютъ туда, насыщенные жгучими испареніями Америки, Азіи и Европы и способствуютъ повышенію температуры въ атмосферѣ. Здѣсь же самыя близкія земли, южныя оконечности которыхъ составляютъ мысы: Доброй Надежды, Патагоніи и

Тасманіи, вовсе не имѣютъ никакого вліянія на температуру воздуха въ верхнихъ и нижнихъ слояхъ атмосферы. Поэтому-то въ антарктической области и не бываетъ такихъ рѣзкихъ колебаній температуры въ различныя времена года.

— Это очень важно, капитанъ, и, такъ сказать, только подтверждаетъ ваше мнѣніе относительно свободнаго моря...

— Да... свободное... по крайней мѣрѣ на десятокъ градусовъ за сплошными льдами. Поэтому мы начнемъ съ того, что проберемся черезъ сплошные льды, и тогда можно будетъ сказать, что самое трудное нами сдѣлано и самое серьезное препятствіе побѣждено... Вы были совершенно правы, мистеръ Джіорлингъ, когда говорили, что существованіе этого свободнаго моря было формально доказано Уэделлемъ...

— И Артуромъ Пимомъ, капитанъ...

— И Артуромъ Пимомъ.

Около 15-го декабря количество плавающихъ льдинъ стало значительно увеличиваться, а съ тѣмъ вмѣстѣ стало затруднительнѣе и плаваніе. Зато вѣтеръ все еще продолжалъ оставаться благопріятнымъ для насъ, переходя съ сѣверо-восточнаго на сѣверо-западный и ни одного разу не выказывая склонности перейти на югъ. До сихъ поръ ни разу не заходило еще рѣчи о необходимости лавировать между ледяными горами и полями или о томъ, чтобы ночью итти короткими галсами, что вообще сопряжено съ большими трудностями и далеко небезопасно. По временамъ вѣтеръ свѣжѣлъ и приходилось убавлять парусность. Тогда море пѣнилось у краевъ blocks, покрывая ихъ водорослями, точно утесы пловучаго острова, и, конечно, не останавливая ихъ бѣга.

Джимъ Вестъ, частью изъ простого любопытства, нѣсколько разъ измѣрялъ проносившіяся мимо нихъ айсберги, и въ результатѣ оказалось, что высота этихъ глыбъ колебалась между десятью и ста туазами.

Я лично вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе капитана Ленъ Гайя, что подобныя массы льда могли образоваться только у побережья, — можетъ-быть, у береговъ какого-нибудь полярнаго континента. Но, по всей вѣроятности, континентъ этотъ изрѣзанъ бухтами, раздѣленъ морскими рукавами и проливами, по которымъ „Джэнъ“ и пробралась къ острову Тсалаль.

Въ подтвержденіе моего мнѣнія, я могу привести еще одно соображеніе, заслуживающее, какъ мнѣ кажется, полнаго вниманія. Чѣмъ, какъ не существованіемъ полярныхъ континентовъ, можно было бы объяснить трудность доступа къ антарктическому полюсу? Развѣ не эти самые континенты даютъ ледянымъ горамъ крѣпкую точку опоры, отъ которой онѣ потомъ отрываются во время оттепели? Если бы сѣверный и южный полюсы были покрыты только водой, корабли, по всей вѣроятности, давнымъ-давно сумѣли бы уже проложить себѣ черезъ нихъ дорогу?..

Поэтому почти съ увѣренностью можно сказать, что капитанъ Уильямъ Гай, рѣшившись проникнуть за сплошные льды, сознательно или, можетъ, случайно нашелъ широкій рукавъ и, направивъ туда „Джэнъ“, вышелъ въ открытое море и доплылъ до острова Тсалаль, т. е. достигъ восемьдесятъ-третьей параллели.

Наши матросы, собственно говоря, новобранцы съ Фальклandовъ, съ нѣкоторымъ даже страхомъ смотрѣли, какъ голетъ осторожно пробирался, лавируя между этими движущимися массами; старые же матросы „Гальбрана“ не выказывали ни страха ни удивленія, потому что они успѣли уже хорошо ознакомиться съ айсбергами во время предыдущихъ путешествій по Ледовитому океану. Впрочемъ, новички тоже довольно скоро перестали бояться близости ледяныхъ горъ и если и интересовались еще ими, то больше изъ любопытства.

Но какъ ни благополучно шло пока плаваніе, а это не только не исключало, но даже требовало отъ насъ принять всѣ возможныя мѣры предосторожности во избѣжаніе могущаго случиться несчастія. Джимъ Вестъ приказалъ привязать пустую бочку къ верхушкѣ фокъ-мачты, такъ называемое „сорочье гнѣздо“, и тамъ постоянно находился часовой.

„Гальбранъ“, пользуясь ровнымъ попутнымъ вѣтромъ, несся впередъ очень быстро. Погода всѣ эти дни стояла довольно теплая, — около сорока двухъ градусовъ (отъ 4° до 5° С. выше нуля). Но экипажъ „Гальбрана“ боялся не холодовъ, а густыхъ тумановъ, которые цѣлыми часами висѣли иногда надъ самой поверхностью океана, загроможденнаго плавучими льдами, и, благодаря этому, голету грозила опасность столкновенія съ плавучими льдинами.

День 16-го декабря выдался особенно утомительный. Packs и drifts слились почти вплотную, и впереди виднѣлись только узкіе проходы, чрезвычайно извилистые; а это заставляло чуть не поминутно поворачивать судно и мѣнять галсы.

Раза по четыре или разъ по пяти слышалась команда лейтенанта:

— Долой паруса!.

— Прибавить ходу!..

Рулевой ни на минуту не выпускалъ изъ рукъ штурвала, а остальные матросы въ это время или убирали марсель и брамсель, или же повертывали къ вѣтру нижніе паруса.

Во все время, пока продолжалась эта авральная работа, занявшая всѣ свободныя руки, Гентъ отличался между всѣми.

Человѣкъ этотъ, — морякъ въ душѣ, — не дожидаясь приказаній, самъ спѣшилъ на помощь къ товарищамъ и положительно не имѣлъ себѣ соперниковъ, когда являлась надобность отвести кабельтовъ на льдину и укрѣпить его на ней посредствомъ якоря съ брашпилемъ, для того, чтобы голетъ, медленно подтягиваясь бечевою, могъ обойти препятствіе. Если нужно было протянуть ложные брасы, для того, чтобы завертѣть ихъ за выступъ глыбы, Гентъ прыгалъ въ лодку, пробирался въ ней между обломками льдинъ и высаживался на гладкую поверхность облюбованной глыбы. Каждый такой случай, такъ сказать, только увеличивалъ славу Гента, котораго и капитанъ Ленъ Гай и весь экипажъ голета считали самымъ лучшимъ матросомъ. Но это, впрочемъ, нисколько не измѣняло отношеній къ нему со стороны товарищей, которые все также продолжали считать Гента загадочною личностью и все также желали раскрыть его тайну.

Довольно часто случалось, что Гентъ и Мартинъ Гольтъ усаживались въ одну лодку и затѣмъ отправлялись исполнять какое-нибудь порученіе лейтенанта, болѣе или менѣе опаснаго свойства. Если парусный

старшина отдавалъ Генту какое-нибудь приказаніе, тотъ сейчасъ же исполнялъ его съ усердіемъ и обычной ловкостью. Но дѣлалъ это онъ всегда молча, не произнося ни слова.

Въ это время „Гальбранъ“ уже не могъ быть далеко отъ границы сплошныхъ льдовъ. Если онъ будетъ продолжать итти все въ томъ же направленіи, то скоро будетъ уже и передъ ними, и тогда ему останется только искать проходъ въ сплошной массѣ льда. Но если сплошные льды и близко, ихъ, во всякомъ случаѣ, еще не было видно не только намъ, но даже и часовымъ, сидѣвшимъ чуть не на самой верхушкѣ гротъ-мачты.

День 16-го декабря былъ особенно тяжелъ; какъ ни искусно лавировалъ голетъ, а ему все-таки не удалось избѣжать ударовъ льдинъ, хотя и незначительныхъ, но, тѣмъ не менѣе, расшатавшихъ руль, который теперь едва держался.

Жестоко доставалось въ это время и бокамъ „Гальбрана“, но крѣпкіе тимберсы и двойная, хорошо просмоленная, деревянная обшивка отлично служили свою службу, и голету нечего было бояться пойти ко дну, даже и въ тотъ случаѣ, если бы онъ получилъ легкую пробоину въ наружной обшивкѣ.

Что же касается руля, то Джимъ Вестъ приказалъ укрѣпить его между двумя стойками и затѣмъ изъ шестовъ устроить надъ нимъ нѣчто въ родѣ чехла, который долженъ былъ предохранять его отъ новыхъ ударовъ пловучихъ льдинъ.

Обиліе пловучихъ льдовъ не имѣло никакого вліянія на количество морскихъ млекопитающихъ: киты встрѣчались все также часто и въ томъ же большомъ количествѣ, о чемъ издали еще давали знать столбы воды, фонтанами вырывавшейся изъ ихъ дыхалъ. Вмѣстѣ съ *fin-backs* и горбунами показывались также и морскія свиньи колоссальнаго роста, вѣсившія нѣсколько сотенъ фунтовъ, которыхъ Гирнъ мастерски убивалъ своимъ гарпуномъ, когда онѣ подходили настолько близко, что ихъ можно было достать съ палубы. Появленіе свиней всегда очень радовало матросовъ, и добыча сейчасъ же поступала въ распоряженіе Эндикота, который мастерски умѣлъ приготовлять изъ нихъ вкусныя кушанья подъ различными соусами.

Что же касается антарктическихъ птицъ, то мы видѣли все тѣхъ же буревѣстниковъ, альбатросовъ и корморановъ, стаи которыхъ съ громкими криками носились надъ нами; затѣмъ цѣлые легіоны пингвиновъ сидѣли рядкомъ по краямъ ледяныхъ полей и съ удивленіемъ смотрѣли на проходившій мимо нихъ голетъ. Пингвины, по моему мнѣнію, должны считаться настоящими обитателями этихъ печальныхъ мѣстъ, и природа не могла бы создать другого типа, болѣе подходящаго для заселенія ледяного пояса.

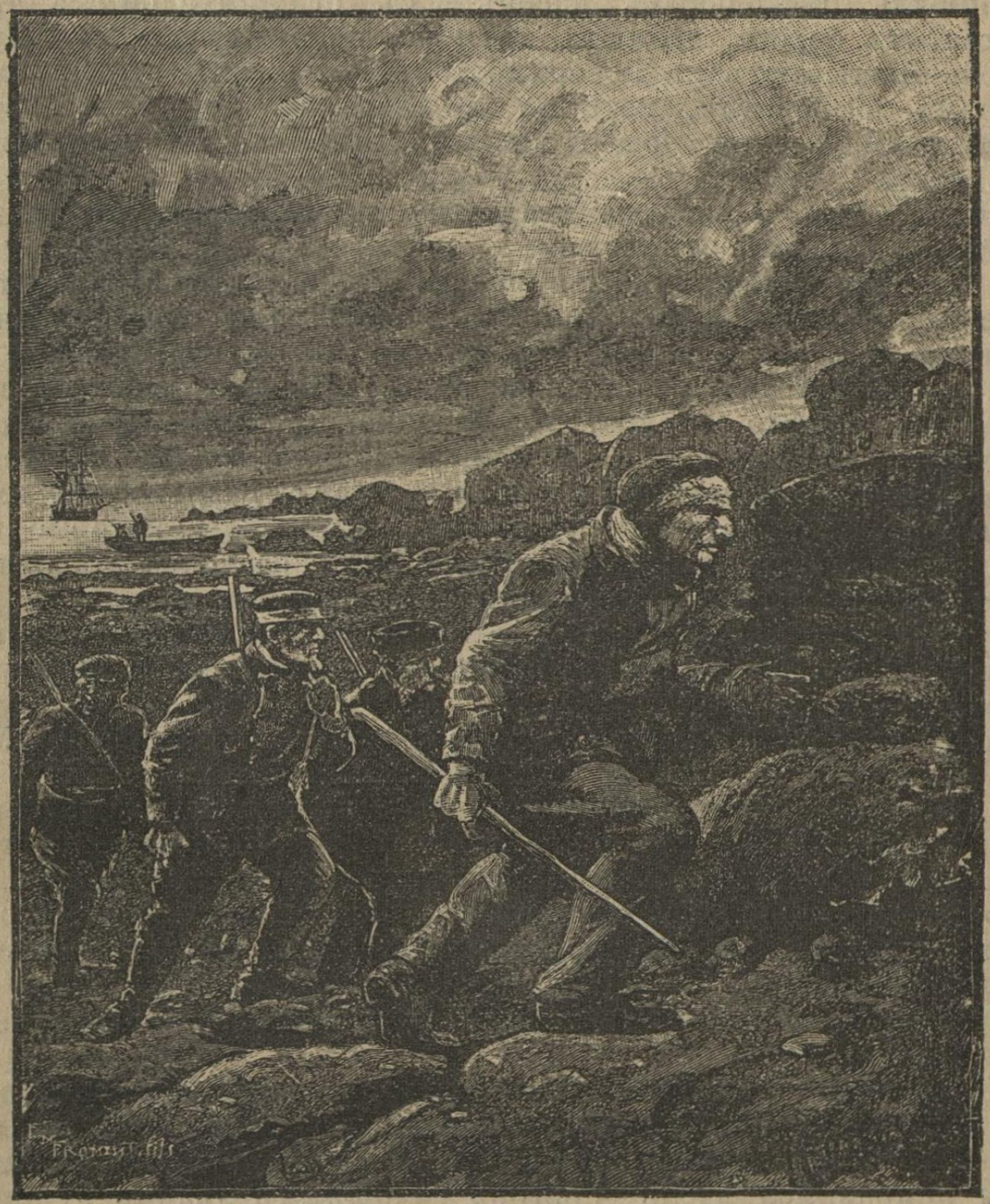
Наконецъ, утромъ 17-го декабря часовой изъ „сорочьяго гнѣзда“ далъ знать, что впереди показались сплошные льды.

— На штирбортѣ... впереди! — крикнулъ онъ.

Въ пяти или шести миляхъ южнѣе поднимался безконечный ледяной хребетъ, изрѣзанный точно зубья пилы; верхушки ледяныхъ горъ ясно выдѣлялись на свѣтломъ фонѣ неба, а по эту сторону, ближе къ намъ, плавали, награможденныя одна на другую, тысячи льдинъ. Эта неподвижная преграда тянулась съ сѣверо-запада на юго-востокъ, и

голетъ могъ пока не пробиваться сквозь нее, а плыть вдоль береговъ на нѣсколько градусовъ къ югу.

Для того, чтобы составить себѣ ясное и вполнѣ опредѣленное понятіе о различіяхъ, существующихъ между сплошными льдами, въ строгомъ смыслѣ, и окружающимъ ихъ ледянымъ барьеромъ, нужно разъ навсегда запомнить слѣдующее.



Гентъ шелъ впереди... (Стр. 154.)

Этотъ послѣдній, какъ я уже говорилъ, никогда не образуется въ открытомъ морѣ. Ему необходимо утвердиться на крѣпкомъ основаніи, иначе волны не дадутъ образоваться не только большимъ горамъ или айсбергамъ, но даже и маленькимъ, сравнительно, льдинамъ. Но если этотъ барьеръ и не можетъ покинуть неподвижное ядро, поддерживающее его, зато самъ онъ, судя по словамъ наиболѣе компетентныхъ

мореплавателей, доставляетъ тотъ именно контингентъ ледяныхъ горъ и полей *drifts* и *packs*, *floes* и *brashs*, грозное шествіе которыхъ мы видѣли все это время въ открытомъ морѣ. Поддерживающіе его берега подчинены вліянію теченій, идущихъ изъ теплыхъ морей. Во время приливовъ — особенно въ періодъ ново- и полнолуній, когда приливы бываютъ самые сильные — основаніе барьера подтачивается, вывѣтривается, подмывается и огромныя глыбы — цѣлыя сотни, въ теченіе всего какихъ-нибудь нѣсколькихъ часовъ — съ оглушительнымъ трескомъ отрываются отъ берега, падаютъ въ море, погружаются въ воду и затѣмъ вновь всплываютъ на поверхность. И вотъ онѣ становятся ледяными горами, айсбергами, которыя и плаваютъ до тѣхъ поръ, пока вліяніе теплаго климата, болѣе низкихъ широтъ, не превратитъ ихъ опять въ воду.

Однажды, когда я разговаривалъ по этому поводу съ капитаномъ Ленъ Гайемъ, онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Я съ вами совершенно согласенъ. Этотъ ледяной барьеръ потому и оказывается такой непреодолимой преградой для кораблей, что онъ, такъ сказать, наглухо прикрѣпленъ къ твердой землѣ. Совсѣмъ въ другихъ условіяхъ находятся сплошные льды. Они тянутся уже за этими землями среди самаго океана, и, конечно, на нихъ оказываютъ свое вліяніе теплыя сѣверныя теченія. Они медленно, но зато систематично подтачиваютъ ихъ съ началомъ лѣтняго сезона, разрушаютъ ихъ, и въ ледяныхъ поляхъ образуются трещины или проходы, которые посчастливилось найти нѣкоторымъ судамъ, и они, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, проникли за границу сплошныхъ льдовъ.

— Кромѣ того, — добавилъ я, — по-моему, они вовсе не представляютъ изъ себя безконечно громадной площади, обойти которую будто бы нельзя.

— Доказательствомъ этого можетъ служить путешествіе Уэделля, который обогнулъ эти льды, воспользовавшись необычайно благопріятными для него климатическими условіями и наступившею въ томъ году очень раннею оттепелью; но такіе случаи, конечно, повторяются очень и очень не часто. А такъ какъ этотъ же самый случай, повидимому, представляется и намъ въ этомъ году, мнѣ кажется, что я безъ особаго хвастовства могу сказать, что мы сумѣемъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ.

— Навѣрное, капитанъ. А теперь, такъ какъ сплошные льды уже показались...

— Я подведу къ нимъ „Гальбранъ“ насколько возможно ближе, мистеръ Джіорлингъ, и затѣмъ направлю его въ первый же проходъ, который намъ только удастся открыть. Если же мы не найдемъ прохода, мы направимся вдоль береговъ сплошныхъ льдовъ и попытаемся обойти ихъ съ восточной стороны, пользуясь теченіемъ, которое идетъ какъ разъ въ этомъ же направленіи, лишь бы только все это время держался вѣтеръ съ нордъ-веста.

Плывя къ югу, голетъ встрѣтилъ ледяныя поля значительной величины. Лейтенантъ сдѣлалъ промѣры, и оказалось, что поверхность ихъ, въ среднемъ, занимаетъ отъ пятисотъ до шестисотъ туазовъ. Пробираться между этими льдинами было очень трудно, потому что, при малѣйшей неосторожности, можно было оказаться затертымъ въ одномъ

изъ такихъ проходовъ, наружный выходъ изъ которыхъ не всегда бывалъ виденъ.

Когда „Гальбранъ“ былъ уже не больше, какъ въ трехъ миляхъ отъ сплошныхъ льдовъ, онъ легъ въ дрейфъ среди обширнаго бассейна, гдѣ онъ могъ лавировать совершенно свободно.

Съ голета спустили шлюпку. Въ нее сѣли капитанъ Ленъ Гай съ боцманомъ, четыре матроса — гребцами и пятый у руля. Шлюпка направилась къ виднѣвшейся впереди громадной ледяной преградѣ, и они долго, хотя и безуспѣшно, искали проходъ, черезъ который могъ бы проскользнуть голетъ; затѣмъ, послѣ трехъ часовъ утомительныхъ поисковъ, ни съ чѣмъ возвратились къ голету.

Въ это время налетѣлъ шквалъ съ дождемъ и снѣгомъ, понизившій температуру до тридцати-шести градусовъ (2° 22 С. выше нуля) и закрывшій отъ нашихъ глазъ сплошные льды.

Капитанъ рѣшилъ держать курсъ на юго-востокъ, и мы поплыли среди безчисленнаго количества льдинъ, заботясь лишь о томъ, чтобы насъ не отнесло теченіемъ къ ледяной оградѣ, потому что, подойдя къ ней слишкомъ близко, мы были бы, пожалуй, не въ состояніи выйти снова въ открытое море.

Джимъ Вестъ отдалъ приказаніе обрасопить реи, для того, чтобы держаться какъ можно ближе къ вѣтру.

Экипажъ ловко и быстро исполнилъ приказаніе, и голетъ, слегка накренившись на штирбортъ, полетѣлъ среди глыбъ, разсѣянныхъ на его пути, со скоростью отъ семи до восьми миль въ часъ. Лейтенантъ мастерски обходилъ большія льдины, когда встрѣча съ ними могла бы причинить какой-нибудь вредъ голету, и смѣло летѣлъ на нихъ и ломалъ своимъ водорѣзомъ, служившимъ ему тараномъ, когда дорогу загораживалъ ему только тонкій ледъ. Затѣмъ, послѣ шуршаній и треска, отъ котораго по временамъ вздрагивалъ весь его кузовъ, „Гальбранъ“ снова шелъ по свободной водѣ.

Самымъ важнымъ, конечно, было избѣжать столкновенія съ айсбергами. Это не представляло ни малѣйшаго труда, когда погода была хороша и солнце ярко сіяло съ безоблачныхъ небесъ; тогда можно было дѣлать какіе угодно маневры, мѣнять галсы, увеличивать и уменьшать быстроту хода голета. Зато въ туманы, которые висѣли цѣлыми днями, когда ничего не было видно дальше, какъ въ одномъ, много въ двухъ кабельтовахъ, — тогда плаваніе сопряжено было съ очень и очень большой опасностью.

Затѣмъ развѣ, кромѣ айсберговъ, „Гальбрану“ не грозила серьезная опасность при столкновеніи съ ледяными полями?.. Разумѣется; и кто не видѣлъ самъ, тотъ даже и представить себѣ не можетъ, какую страшную силу развиваютъ эти движущіяся массы.

Въ этотъ день мы, между прочимъ, видѣли, какъ одно ледяное поле, подвигавшееся впередъ съ умѣренной скоростью, толкнуло другое ледяное поле — неподвижное. И что же оказалось?.. Неподвижное поле было раздроблено, исковеркано и почти совершенно уничтожено. Въ остаткѣ получились только обломки, правда, все еще большіе, наскакивавшіе одинъ на другой, *hummocks* *), какъ ихъ называютъ китоловы,

*) Холмъ, возвышеніе.

поднимавшіеся на высоту до ста футовъ надъ поверхностью моря, и *calfs*, погружавшіеся въ воду. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ и не можетъ быть ничего особеннаго, ничего заслуживающаго удивленія, если принять во вниманіе, что вѣсъ такого ледяного поля, какъ нападающее, равняется нѣсколькимъ милліонамъ тоннъ?

Такъ прошли цѣлыя сутки, и все это время голетъ продолжалъ держаться въ трехъ-четырехъ миляхъ отъ сплошныхъ льдовъ. Подойти къ нимъ ближе, значило бы углубиться въ такіе извилистые заливы и проливы, изъ которыхъ, пожалуй, нельзя было бы потомъ и выбраться. При этомъ, конечно, нельзя было упрекнуть ни въ чемъ капитана Ленъ Гайя, потому что онъ больше всего на свѣтѣ боялся пропустить входное отверстіе какого-нибудь прохода.

— Если бы у меня было еще одно судно, — сказалъ онъ мнѣ, — я держался бы ближе къ сплошнымъ льдамъ, потому что очень важно имѣть два судна, когда предпринимаешь подобное путешествіе!.. Но „Гальбранъ“ одинъ, и если у насъ его не станетъ...

Несмотря на это, нашъ голетъ соблюдалъ только самыя необходимыя мѣры предосторожности и, въ сущности, не разъ подвергалъ себя опасности и даже очень серьезной. Пробѣжавъ нѣсколько сотъ туазовъ, его вдругъ приходилось сразу останавливать, мѣнять направленіе и по временамъ, какъ разъ въ ту минуту, когда рейка бугшприта готова была уже толкнуться о глыбу. Точно такъ же Джиму Весту то и дѣло приходилось ускорять или уменьшать ходъ голета, дѣлая небольшіе галсы, чтобы избѣжать столкновенія съ ледянымъ полемъ.

По счастливой случайности, вѣтеръ все время дулъ съ востока на нордъ-нордъ-вестъ и позволялъ не только нести всѣ необходимые паруса, но и держаться какъ можно ближе къ вѣтру, который, къ счастью, пока не свѣжѣлъ. Но если бы вѣтеръ вдругъ перешелъ въ штормъ, то трудно даже и отвѣтить, что сталось бы съ голетомъ, или, правильнѣе сказать, я слишкомъ хорошо, къ несчастью, это знаю: онъ погибъ бы со всѣмъ экипажемъ.

На этотъ разъ мы, дѣйствительно, не имѣли бы никакой возможности спастись бѣгствомъ, и „Гальбранъ“, навѣрное, былъ бы выброшенъ на сплошные льды.

Послѣ долгихъ и тщетныхъ поисковъ капитану Ленъ Гайю пришлось отказаться отъ надежды отыскать проходъ въ этой ледяной стѣнѣ. Оставалось только одно — плыть къ юго-восточной оконечности льдины и тамъ снова попытать счастье. Въ сущности, мы ровно ничего не теряли при такой перемѣнѣ курса и даже не спускались ни на одинъ градусъ по широтѣ. Наблюденіе, произведенное среди дня, 18-го декабря, показало, что „Гальбранъ“ находится на семьдесятъ-третьей параллели.

Но, повторяю, это происходило потому, что никому и никогда, по всей вѣроятности, не приходилось совершать плаваніе по антарктическому океану при такихъ исключительно благопріятныхъ обстоятельствахъ: раннее наступленіе лѣтняго сезона, постоянство сѣверныхъ вѣтровъ, высокая сравнительно температура, которую термометръ опредѣлялъ въ сорокъ-восемь градусовъ (9°44 С. выше нуля) въ среднемъ. Само собою разумѣется, что мы наслаждались вѣчнымъ днемъ и

что въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ солнечные лучи освѣщали насъ со всѣхъ точекъ горизонта.

Съ айсберговъ сбѣгали многочисленные ручьи, которые продалбливали ихъ края и падали внизъ шумными каскадами. Таяніе ледяныхъ горъ не мало причиняло намъ безпокойства, потому что, вслѣдствіе перемѣщенія центра тяжести, они сначала опускались однимъ краемъ въ воду, т. е. наклонялись, а затѣмъ падали или опрокидивались и, попадись мы имъ въ эту минуту, потопили бы насъ.

Послѣ неудачной попытки мы еще раза два или три подходили къ сплошнымъ льдамъ, но не ближе чѣмъ за двѣ мили. Намъ казалось невозможнымъ, чтобы на нихъ не оказало своего вліянія измѣненіе термическихъ условій и чтобы они не разорвались въ нѣкоторыхъ пунктахъ и при этомъ не образовались болѣе или менѣе значительной ширины проливы.

Къ несчастью, всѣ наши поиски ни къ чему не повели, и намъ пришлось снова отойти по теченію съ запада на востокъ.

Впрочемъ, это теченіе помогало намъ плыть, и оставалось только сожалѣть о томъ, что оно заставитъ насъ уклониться съ сорокъ-третьяго меридіана, къ которому намъ все-таки придется опять возвращаться, чтобы найти островъ Тсалаль. Для этого, впрочемъ, намъ можно было бы воспользоваться восточнымъ вѣтромъ, который снова вернулъ бы его на настоящую дорогу.

Тутъ я долженъ замѣтить, что во все продолженіе этихъ рекогносцировокъ мы не только не видѣли ни одного клочка земли, но даже не открыли и признаковъ ея на всемъ видимомъ пространствѣ открытаго моря, что совершенно согласовалось, впрочемъ, съ наблюденіями нашихъ предшественниковъ, составившихъ даже подробныя карты изслѣдованнаго ими пространства, — на этихъ картахъ, правда, далеко не все было нанесено съ педантичной точностью, но въ общемъ ими смѣло можно было руководствоваться. Я, напримѣръ, навѣрное зналъ, что корабли проходили по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ на картахъ значилась земля. Но такой ошибки, конечно, не могло быть по отношенію къ острову Тсалалю. Если „Джэнъ“ удалось до него добраться, значитъ, эта часть антарктическаго океана была свободна, а такъ какъ лѣто въ этомъ году наступило гораздо раньше обыкновеннаго, то намъ нечего было бояться даже и въ этомъ отношеніи.

Наконецъ, 19-го декабря, между двумя и тремя часами пополудни, съ вантъ фокъ-мачты послышался окликъ часового.

— Что тамъ такое?.. — спросилъ Джимъ Вестъ.

— Сплошные льды перерѣзаны на юго-востокѣ?..

— А что тамъ дальше?..

— Ничего не видно.

Лейтенантъ взобрался на ванты и въ нѣсколько минутъ достигъ до мѣста прикрѣпленія вантъ на марсѣ.

Нечего говорить, съ какимъ нетерпѣніемъ ждали внизу, что онъ скажетъ!.. А что, если часовой ошибся?.. Если это просто оптическій обманъ... Но Джимъ Вестъ не такой человѣкъ и безошибочно опредѣлитъ что это такое!..

Прошло десять минутъ, десять томительныхъ минутъ, — и сверху послышался громкій голосъ лейтенанта, который торжественно объявилъ всѣмъ находившимся на палубѣ:

— Свободное море! — крикнулъ онъ.

Ему отвѣчало громкое ура.

Голетъ взялъ курсъ на юго-востокъ, стараясь въ то же время держаться какъ можно ближе къ вѣтру.

Два часа спустя, голетъ обогнулъ выступъ сплошныхъ льдовъ, и мы увидѣли впереди, передъ собою, искрившееся всѣми цвѣтами радуги свободное море, безъ одной льдины.

ГЛАВА XIV.

Сонъ.

Свободное море, безъ одной льдины?.. Нѣтъ! Сказать это, значило бы уклониться отъ истины. Вдали виднѣлось нѣсколько айсберговъ, *drifts* и *packs*, которые все еще продолжали бѣжать къ востоку. Тѣмъ не менѣе, въ этой сторонѣ море можно было считать, и на самомъ дѣлѣ, свободнымъ, разъ голетъ могъ свободно по немъ плыть.

Никакого сомнѣнія не было въ томъ, что именно въ этихъ мѣстахъ и притомъ поднимаясь вверхъ по этому самому широкому морскому рукаву — нѣчто въ родѣ канала, прорытаго черезъ весь антарктическій континентъ, — суда Уэделля дошли до семьдесятъ-четвертаго градуса южной широты, за который „Джэнъ“ потомъ перешла на цѣлыя шестьсотъ миль.

— Богъ явился къ намъ на помощь, — сказалъ мнѣ капитанъ Ленъ Гай. — Будемъ просить Его, чтобы Онъ руководилъ нами и до конца!..

— Черезъ недѣлю, — отвѣчалъ я, — нашъ голетъ, можетъ-быть, подойдетъ уже къ острову Тсалаль.

— Да... при томъ условіи, если все это время будетъ дуть восточный вѣтеръ, мистеръ Джіорлингъ. Вы упускаете изъ виду, что, идя вдоль сплошныхъ льдовъ до восточной ихъ оконечности, „Гальбранъ“ уклонился въ сторону съ намѣченнаго пути, и теперь его надо опять вести на западъ.

— Вѣтеръ за насъ, капитанъ...

— И мы имъ воспользуемся, потому что я твердо рѣшилъ непремѣнно зайти на островокъ Беннета. Туда заходилъ мой братъ Уильямъ и тамъ онъ высаживался въ первый разъ. Какъ только мы найдемъ этотъ островокъ, мы можемъ быть увѣрены, что находимся на настоящей дорогѣ...

— Кто знаетъ, можетъ-быть, мы отыщемъ на немъ новыя указанія, капитанъ...

— Можетъ-быть, мистеръ Джіорлингъ. Поэтому сегодня же я самъ возьму высоту и въ точности опредѣлю наше положеніе, а затѣмъ мы поведемъ голетъ къ острову Беннета.

Само собою разумѣется, что намъ необходимо было также посовѣтоваться и съ самымъ вѣрнымъ путеводителемъ, имѣвшимся въ нашемъ распоряженіи. Я говорю о книгѣ Эдгара Поэ, или, лучше сказать, о правдивомъ разсказѣ Артура Гордона Пима.

Прочтя внимательно еще разъ весь дневникъ, я пришелъ къ слѣдующему выводу.

Разсказъ Артура Гордона Пима не вымыселъ, и „Джэнъ", дѣйствительно, открыла и пристала къ острову Тсалаль, — въ этомъ уже не могло быть никакого сомнѣнія, точно такъ же, какъ мы навѣрное знали, что во время катастрофы погибли не всѣ, и пять человѣкъ матросовъ вмѣстѣ съ капитаномъ были еще живы въ то время, когда несчастнаго Паттерсона уносило на льдинѣ.

Ну, а все остальное развѣ не должны мы разсматривать какъ плодъ пылкой фантазіи разсказчика?.. Имѣли ли мы поэтому основаніе считать за безусловную истину все то, что онъ сообщаетъ въ своихъ запискахъ подъ видомъ фактовъ, очевидцемъ которыхъ будто бы былъ самъ разсказчикъ въ отдаленныхъ странахъ Антаркиды?.. Можно ли вѣрить въ существованіе такихъ странныхъ людей и животныхъ?.. Правда ли, что почва этого острова такъ рѣзко отличается отъ почвы остальныхъ земель земного шара, а ея ручьи и озера наполнены не водою, а какою-то особою жидкостью? Существовали ли, на самомъ дѣлѣ, тѣ бездны, которыя такъ картинно описалъ Артуръ Пимъ?.. Можно ли вѣрить тому, что бѣлый цвѣтъ производитъ такое ужасающее впечатлѣніе на островитянъ?.. А почему бы и нѣтъ, если бѣлый цвѣтъ, одежда зимы, цвѣтъ снѣговъ, давалъ имъ знать о скоромъ наступленіи зимняго сезона, который надолго заключитъ ихъ въ ледяную тюрьму?.. А какъ надо относиться къ разсказамъ о всѣхъ этихъ необыкновенныхъ явленіяхъ: сѣрые пары на горизонтѣ, лучезарная прозрачность морскихъ глубинъ, наконецъ, воздушный водопадъ и блѣднолицый великанъ, стороживший доступъ къ полюсу?..

Но я человѣкъ терпѣливый и умѣю ждать, тѣмъ болѣе, что разъясненіе этой тайны уже недалеко. Что же касается капитана Ленъ Гайя, то онъ относился совершенно равнодушно ко всему тому, что въ разсказѣ Артура Пима не касалось непосредственно томящихся на островѣ Тсалаль моряковъ, спасеніе которыхъ сдѣлалось для него единственною и постоянною заботой.

Такъ какъ у меня всегда передъ глазами былъ дневникъ Артура Пима,— я далъ себѣ слово провѣрять его шагъ за шагомъ и отдѣлить истину отъ лжи, дѣйствительность отъ вымысла... И какъ это ни странно, но я почему-то почти увѣренъ, что не найду и слѣдовъ вымысла въ этомъ, на мой взглядъ — какъ могутъ мѣняться убѣжденія — совершенно правдивомъ описаніи всего, что пережилъ и что перечувствовалъ злополучный и въ то же время, если хотите, и счастливый Артуръ Пимъ.

19-го декабря нашъ голетъ находился на полтора градуса южнѣе того пункта, котораго „Джэнъ" достигла лишь спустя восемнадцать дней. Это давало намъ основаніе предполагать, что хотя плаваніе „Дженъ" происходило и при весьма благопріятныхъ условіяхъ, но все-таки не при такихъ, какъ это, повидимому, выпадаетъ на нашу долю.

Свободное море — или, правильнѣе сказать, море, по которому можно было плыть — было такое же точно, какое видѣлъ, по всей вѣроятности, и братъ нашего капитана, Уилльямъ Гай, а позади, за нами, разстилались сплошные льды, тянувшіеся съ сѣверо-запада на сѣверо-востокъ.

Джима Веста очень интересовало узнать, насколько вѣренъ разсказъ Артура Пима, что за границей сплошныхъ льдовъ, въ этомъ широкомъ морскомъ рукавѣ, существуетъ теченіе, направляющееся на югъ. Боцманъ бросилъ въ воду линь, длиною въ двѣсти брасовъ, съ тяжелой гирькой на концѣ, и черезъ минуту всѣ уже знали, что здѣсь, дѣйствительно, существуетъ южное теченіе, которымъ и могъ пользоваться голетъ въ своемъ поступательномъ движеніе къ полюсу, или, лучше сказать, къ острову Тсалаль.

Въ десять часовъ утра, а затѣмъ и въ полдень, были сдѣланы два наблюденія, удавшіяся отлично, благодаря тому, что на небѣ въ этотъ день не было ни облачка. Результатъ вычисленія слѣдующій: 74°45′ южной широты и — впрочемъ, это насъ нисколько не удивило — 39°15′ долготы.

Произошло это потому, что прежде, чѣмъ попасть въ этотъ рукавъ, намъ пришлось свернуть въ сторону и довольно долго итти вдоль береговой линіи сплошныхъ льдовъ къ востоку, — нѣтъ ничего удивительнаго, что при этомъ мы уклонились на четыре градуса къ востоку. Опредѣливъ точку нахожденія „Гальбрана“, капитанъ Ленъ Гай приказалъ взять курсъ на юго-западъ для того, чтобы подойти къ сорокътретьему меридіану, подвигаясь въ то же время къ югу.

Я думаю, мнѣ нѣтъ особенной надобности объяснять, что слова „утро“ и „вечеръ“, которыя я буду употреблять за неимѣніемъ другихъ болѣе подходящихъ выраженій, вовсе не означаютъ времени ни послѣ восхода ни послѣ захода солнца. Лучезарный дискъ, описывая свой кругъ надъ горизонтомъ, не давалъ себѣ отдыха на ночь, потому что въ это время года тутъ царитъ вѣчный день. Пройдетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, и солнце скроется и надолго. Но даже и въ это время здѣсь не будетъ совершенно темно, и мракъ долгихъ антарктическихъ ночей будетъ ежедневно освѣщаться фантастическимъ свѣтомъ южнаго сіянія, такого же, какъ оно бываетъ видимо и на крайнемъ сѣверѣ. Можетъ-быть, если путешествіе затянется, намъ и придется видѣть еще эти величественныя явленія, когда особенно проявляется вліяніе силы электричества!

Артуръ Пимъ въ своемъ дневникѣ разсказываетъ, что въ періодъ времени съ 1-го по 4-е января 1828 года плаваніе „Джэнъ“ было очень трудно, благодаря завернувшей непогодѣ. Сильная буря съ сѣверо-востока гнала на нее льдины, которыя чуть не изломали ея руля. Кромѣ того, ей опять загородила путь толстая гряда сплошныхъ льдовъ, въ которой, къ счастью, они довольно скоро нашли опять широкій проходъ. Послѣ четырехдневной упорной борьбы „Джэнъ“ 5-го января, подъ 73°15′ широты, наконецъ, могла считать себя полною побѣдительницей. Въ то время температура воздуха была тридцать-три градуса (0°56 С. выше нуля), а теперь наши термометры показывали до сорокадевяти градусовъ (9°44 С. выше нуля). Что же касается отклоненія иглы компаса, то оно было совершенно одинаково, т. е. 14°28′ восточной долготы.

Тутъ я долженъ сдѣлать еще одно, послѣднее, замѣчаніе, чтобы математически опредѣлить разницу въ относительномъ положеніи обоихъ голетовъ въ этотъ день. Время съ 5 по 19 января, то-есть ровно двѣ недѣли, „Джэнъ“ употребила на прохожденіе тѣхъ десяти градусовъ —

Онъ держалъ въ рукѣ металлическій ошейникъ. (Стр. 165.)

иначе сказать, шестисотъ миль,— которые отдѣляли ее отъ острова Тсалаль, тогда какъ „Гальбранъ“ 19-го декабря былъ отъ острова всего въ семи градусахъ, или четырехстахъ миляхъ. Если вѣтеръ не перемѣнится, то раньше, чѣмъ черезъ недѣлю, долженъ будетъ показаться островъ Тсалаль или, по крайней мѣрѣ, островокъ Беннетъ, который лежитъ миляхъ въ тридцати ближе, и гдѣ капитанъ Ленъ Гай предполагалъ остановиться на сутки.

Плаваніе, между тѣмъ, продолжалось при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Намъ почти не приходилось даже обходить тѣ немногія льдины, которыя теченія несли къ юго-западу, со скоростью не больше четверти мили въ часъ. Голетъ обгонялъ ихъ, такъ сказать, шутя. Джимъ Вестъ, несмотря на довольно свѣжій вѣтеръ, приказалъ поставить всѣ паруса, и „Гальбранъ“ легко скользилъ по слегка волновавшейся поверхности моря. Мы не видѣли ни одного изъ тѣхъ айсберговъ, которыхъ Артуръ Пимъ видѣлъ такъ много подъ этою широтой и изъ которыхъ нѣкоторые поднимались почти на сто брасовъ въ высоту; правда, всѣ они начали уже таять. Экипажу не приходилось маневрировать во время густыхъ тумановъ, затруднявшихъ ходъ „Джэнъ“. Мы не боролись со шквалами, не было ни града ни снѣга, который съ вѣтромъ налеталъ на „Джэнъ“ по временамъ; не замѣчали мы и рѣзкаго пониженія температуры, отчего такъ страдали матросы злополучной „Джэнъ“. Изрѣдка только проносились *floes*, изъ которыхъ нѣкоторые были заняты пингвинами, напоминавшими собою туристовъ, совершающихъ прогулку по морю на своей собственной яхтѣ, а на остальныхъ виднѣлись черные тюлени, облѣпившіе берега льдины, точно большія черныя піявки. Надъ этою флотиліей льдинъ носились тучи птицъ: буревѣстники, черные пуффины, нырки, гагары, чагравы, кормораны и альбатросы, тоже съ темнымъ опереніемъ. По морю плавали тамъ и сямъ широкія медузы, окрашенныя въ самые нѣжные цвѣта и разстилавшіяся въ видѣ открытыхъ зонтиковъ. Что же касается рыбъ, немалое количество которыхъ удалось наловить любителямъ-матросамъ удочками или же убить острогами и гарпунами, я считаю необходимымъ особенно отмѣтить только однихъ корифеновъ (тупоголовыхъ), длиною въ три фута, съ крѣпкимъ и сочнымъ мясомъ, очень похожихъ на гигантскихъ золотыхъ рыбокъ.

На слѣдующее утро, послѣ спокойно проведенной ночи, въ продолженіе которой вѣтеръ немного спалъ, боцманъ подошелъ ко мнѣ съ сіяющимъ жизнерадостнымъ лицомъ и громкимъ голосомъ весело крикнулъ мнѣ:

— Доброе утро, мистеръ Джіорлингъ, доброе утро!

Впрочемъ, въ этихъ южныхъ областяхъ и притомъ въ это время года, мнѣ кажется, даже и нельзя было бы пожелать добраго вечера, потому что тутъ не существуетъ вечера ни хорошаго ни дурного.

— Добраго утра, Герлигерли, — отвѣчалъ я, чувствуя себя тоже въ прекрасномъ настроеніи и желая поболтать съ этимъ веселымъ говоруномъ.

— Ну, какъ вамъ нравятся эти моря за границей сплошныхъ льдовъ?..

— Какъ вамъ сказать?.. — отвѣчалъ я. — По-моему, они очень похожи на большія озера Швеціи или Америки.

— Да... разумѣется... озера, окруженныя айсбергами, вмѣсто настоящихъ горъ!

— Я могу еще сказать вамъ, боцманъ, что все это мнѣ очень нравится, и я могу желать только одного, чтобы наше путешествіе продолжалось бы такъ же хорошо и до тѣхъ поръ, пока мы не подойдемъ къ острову Тсалаль.

— А почему бы и не до самаго полюса, мистеръ Джіорлингъ?..

— Полюсъ!.. До полюса вѣдь очень далеко, и къ тому же никто не знаетъ, что тамъ находится!

— Узнаютъ, когда тамъ побываютъ, — возразилъ боцманъ, — и, по-моему, это даже единственное средство узнать, что тамъ дѣлается!

— Согласенъ, Герлигерли... Это такъ... Но „Гальбранъ“ проникъ сюда вовсе не съ цѣлью открытія южнаго полюса. Если капитану Ленъ Гайю удастся разыскать вашихъ соотечественниковъ съ „Джэнъ“, мнѣ кажется, этимъ и будетъ выполнена задача, которую онъ себѣ поставилъ, и я не думаю, чтобы онъ сталъ преслѣдовать, вмѣстѣ съ тѣмъ, и другую какую-нибудь цѣль.

— Это такъ, мистеръ Джіорлингъ, это такъ!.. А между тѣмъ, когда онъ будетъ всего въ трехъ или четырехстахъ миляхъ отъ полюса, неужели вы думаете, что у него не явится искушенія отправиться посмотрѣть на кончикъ оси, на которой земля вертится, какъ цыпленокъ на вертелѣ? — смѣясь возразилъ боцманъ.

— Развѣ это стоитъ того, чтобы подвергаться новымъ опасностямъ,— сказалъ я, — и развѣ ужъ это такъ интересно доводить до такой степени свою страсть къ географическимъ побѣдамъ?

— И да и нѣтъ, мистеръ Джіорлингъ. Напримѣръ, я... я, признаться сказать, побывалъ куда дальше, чѣмъ всѣ, кто ѣздилъ сюда раньше насъ, и, можетъ-быть, намного далѣе и тѣхъ, которые вздумаютъ отправиться сюда послѣ насъ... Это, пожалуй, было бы и достаточно для удовлетворенія моего морского самолюбія!

— Да... вы, значитъ, думаете, что въ этомъ отношеніи сдѣлано еще слишкомъ мало въ сравненіи съ тѣмъ, что еще надо дѣлать.

— Совершенно вѣрно, мистеръ Джіорлингъ; и если бы капитанъ пожелалъ проникнуть еще на нѣсколько градусовъ къ югу за островъ Тсалаль, повѣрьте, я бы ни однимъ словомъ не возразилъ ему на это.

— Не думаю я, боцманъ, чтобы капитану Ленъ Гайю пришло въ голову что-нибудь подобное.

— И я тоже, — отвѣчалъ Герлигерли, — и даже увѣренъ, что какъ только онъ отыщетъ своего брата и пятерыхъ матросовъ съ „Джэнъ“, онъ, навѣрное, сейчасъ же повернетъ назадъ и повезетъ ихъ въ Англію.

— Это и весьма возможно и вполнѣ логично, боцманъ. Кромѣ того, вы забываете еще, что хотя старые матросы и пойдутъ за капитаномъ всюду, куда бы онъ ихъ ни повелъ, новички, навѣрное, воспротивятся, и настойчивость капитана могла бы вызвать, пожалуй, даже бунтъ. Они, какъ вы и сами знаете, наняты для путешествія къ извѣстному, строго опредѣленному пункту, а вовсе не куда попало.

— Ваша правда, мистеръ Джіорлингъ; и для того, чтобы заставить ихъ согласиться, придется посулить имъ, въ видѣ приманки, хорошую награду за каждую параллель выше острова Тсалаль.

— Не думаю, чтобы они польстились даже и на такую приманку,— отвѣчалъ я.

— Я и самъ въ этомъ еще не совсѣмъ увѣренъ, потому что Гирнъ и фальклавдскіе рекруты порядочная таки дрянь,— а ихъ вѣдь гораздо больше, чѣмъ насъ, и всѣ они были убѣждены, что намъ не удастся проникнуть за сплошные льды и что голетъ такъ никогда и не перейдетъ за антарктическій кругъ! Они и теперь уже ворчатъ, что мы слишкомъ далеко заѣхали!.. Словомъ, я и самъ хорошо не знаю, какъ повернутся наши дѣла... Знаю только, что этотъ Гирнъ такой человѣкъ, за которымъ надо смотрѣть въ оба... Ну, да онъ отъ меня не спрячется!

Въ ночь, или, лучше сказать, въ то время, когда должна была бы быть ночь, съ 19 на 20 декабря, я просыпался, впрочемъ, всего на одну минуту подъ вліяніемъ странной галлюцинаціи или видѣнія!.. Да! это могъ быть только сонъ!.. Несмотря на это, мнѣ кажется, что я долженъ непремѣнно занести это въ свой разсказъ, потому что это служило еще однимъ доказательствомъ, какія галлюцинаціи начинали преслѣдовать меня съ нѣкотораго времени.

Погода все еще стояла довольно холодная, и я, вытянувшись на своей койкѣ, покрѣпче закутался одѣялами. Обыкновенно я ложился спать часовъ около девяти вечера и всегда крѣпко спалъ до пяти часовъ утра.

Итакъ, я спалъ; какъ вдругъ, приблизительно, часовъ около двухъ ночи, меня разбудилъ какой-то жалобный и продолжительный не то стонъ, не то шопотъ.

Я открылъ — или вообразилъ себѣ, что открываю глаза. Ставни обоихъ иллюминаторовъ были задраены, и въ моей каютѣ царилъ глубочайшій мракъ.

Шопотъ или стонъ повторился, я прислушался, и мнѣ показалось, что какой-то голосъ — голосъ, котораго я не зналъ — произносилъ слѣдующія слова:

„Пимъ... Пимъ... бѣдный Пимъ!“

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что все это было не что иное, какъ галлюцинація... или, можетъ-быть, кто-нибудь забрался ко мнѣ въ каюту и теперь бредитъ во снѣ?.. Я только притворялъ дверь на ночь.

„Пимъ!.. — продолжалъ тотъ же голосъ. — Не надо... никогда не надо забывать бѣднаго Пима!..“

На этотъ разъ я уже совершенно ясно слышалъ эти слова, которыя произносились надъ самымъ моимъ ухомъ. Что могъ означать этотъ совѣтъ, и почему таинственный голосъ адресовался именно ко мнѣ? Не забывать Артура Пима?.. Но вѣдь онъ же умеръ вскорѣ послѣ того, какъ вернулся въ Америку... Внезапной и ужасной смертью... хотя никто, навѣрное, не зналъ причины, вызвавшей смерть...

Мнѣ показалось, что я начинаю сходить съ ума, и вслѣдъ затѣмъ я проснулся, или, лучше сказать, сбросилъ съ себя дремоту, потому что я, конечно, не могъ спать крѣпко въ то время, когда мой больной умъ переживалъ такія мучительныя минуты галлюцинаціи.

Однимъ прыжкомъ вылетѣлъ я изъ койки и открылъ филенку одного изъ иллюминаторовъ моей каюты.

Я высунулся въ отверстіе и сталъ смотрѣть наружу.

На кормѣ не видно было никого, если не считать Гента, который стоялъ на вахтѣ у штурвала, устремивъ глаза на нактоузъ.

Мнѣ оставалось только опять лечь, что я и не замедлилъ сдѣлать и, хотя мнѣ и казалось, что я еще нѣсколько разъ слышалъ имя Артура Пима какъ разъ надъ самымъ ухомъ, я проспалъ до самаго утра.

Проснулся я бодрымъ, свѣжимъ и здоровымъ, и хотя впечатлѣніе ночного инцидента и свѣжо еще было въ моей памяти, но оно больше уже не тревожило меня, а затѣмъ скоро и совсѣмъ исчезло.

Перечитывая отъ поры до времени — чаще всего вмѣстѣ со мною это дѣлалъ капитанъ Ленъ Гай — дневникъ Артура Пима, очень похожій во многомъ на дневникъ, который велъ капитанъ о плаваніи „Гальбрана“, я совершенно случайно обратилъ вниманіе на слѣдующій фактъ, занесенный въ дневникъ подъ числомъ 10 января:

„Въ этотъ день, послѣ полудня, произошелъ несчастный случай и какъ разъ въ той именно части моря, по которой мы въ это время плыли. Одинъ американецъ, родомъ изъ Нью-Йорка, по имени Питеръ Вриденбургъ, одинъ изъ лучшихъ матросовъ „Джэнъ“, поскользнулся и, провалившись въ пропасть между двумя ледяными глыбами, исчезъ и больше уже не показывался изъ воды“.

Этотъ американецъ былъ первой жертвой этой роковой экспедиціи и, подумать даже страшно, сколько погибло еще людей потомъ, во время ужасной катастрофы!..

Читая объ этомъ, капитанъ Ленъ Гай и я, мы обратили вниманіе на то, — такъ значится въ дневникѣ Артура Пима, — что въ этотъ день, то-есть 10 января, было чрезвычайно холодно, шелъ снѣгъ съ градомъ и то и дѣло налетали шквалы.

Правда, въ это время и сплошные льды видѣли они еще вдалекѣ на югѣ, — почему „Джэнъ“ и не могла обогнуть ихъ съ запада. Если вѣрить разсказчику, „Джэнъ“ достигла ихъ только 14-го января. Море, на которомъ не было уже ни одного куска льду, разстилалось передъ ними до самаго горизонта. Температура воздуха равнялась тридцати-четыремъ градусамъ (1° 11 С. выше нуля), а вскорѣ затѣмъ поднялась даже до пятидесяти-одного градуса (10° 56 С. выше нуля).

Это была какъ разъ та самая температура, которую наблюдали и мы въ настоящую минуту и, вмѣстѣ съ Артуромъ Пимомъ, мы имѣли право сказать, что на „Гальбранѣ“ никто не сомнѣвался въ возможности достигнуть полюса!

Въ этотъ день наблюденіе, произведенное капитаномъ „Джэнъ“, дало 81° 21′ южной широты и 42° 5′ долготы. Съ приближеніемъ до нѣсколькихъ минутъ по дугѣ, эти же результаты были получены и нами утромъ 20 декабря. Итакъ, мы, значитъ, шли прямо къ островку Беннета, и, если только погода не измѣнится, онъ долженъ будетъ показаться не позже, какъ черезъ сутки.

Я не вижу надобности подробно описывать наше плаваніе въ этихъ мѣстахъ. На голетѣ за это время не случилось ничего особеннаго, тогда какъ въ дневникѣ „Джэнъ“, подъ числомъ 17 января, занесено нѣсколько довольно интересныхъ фактовъ. Вотъ самый важный изъ нихъ, давшій Артуру Пиму и его спутнику Дерку Питерсу случай выказать свою преданность и храбрость.

Часовъ около трехъ пополудни часовой далъ знать о появленіи большого ледяного поля,— это служило доказательствомъ, что нѣсколько льдинъ снова появилось на поверхности свободнаго моря. На приближавшейся къ „Джэнъ“ льдинѣ оказалось животное гигантскаго роста. Капитанъ Уилльямъ Гай приказалъ снарядить самую большую шлюпку, въ которую помѣстились Артуръ Пимъ, Деркъ Питерсъ и несчастный Паттерсонъ, тѣло котораго мы сняли со льдины между островами Принца Эдуарда и Тристанъ д'Акуньи.

Замѣченное на льдинѣ животное оказалось медвѣдемъ арктической породы, ростомъ около пятнадцати футовъ, съ очень грубымъ, чисто бѣлаго цвѣта, мохнатымъ мѣхомъ и съ круглой мордой, точно у бульдога. Находившіеся въ лодкѣ матросы сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ, но безъ всякаго результата. Разъяренный звѣрь бросился въ море, подплылъ къ шлюпкѣ и, схвативъ ее за край своими могучими лапами, навѣрное, опрокинулъ бы ее, если бы не Деркъ Питерсъ, который не потерялъ присутствія духа и, выхвативъ ножъ, всадилъ его по самую рукоятку въ медвѣдя. Медвѣдь метнулся въ сторону и увлекъ съ собой метиса; изъ шлюпки въ ту же минуту выбросили конецъ веревки, чтобы помочь послѣднему взобраться въ лодку.

Когда встащили убитаго звѣря на палубу „Джэнъ“, то оказалось, что медвѣдь, за исключеніемъ гигантскаго роста, не имѣлъ въ себѣ ничего особеннаго, ничего такого, что давало бы поводъ отнести его къ числу тѣхъ необыкновенныхъ животныхъ, которыхъ позднѣе Артуръ Пимъ видѣлъ въ южныхъ областяхъ.

Теперь мы можемъ опять вернуться къ „Гальбрану“.

Сѣверный вѣтеръ, который до сихъ поръ такъ дѣятельно помогалъ намъ, вдругъ совсѣмъ упалъ, и мы въ своемъ поступательномъ движеніи къ югу могли пользоваться только однимъ теченіемъ, которое несло насъ со скоростью всего одной мили въ часъ.

Наконецъ, 21-го наблюденіе дало 82° 50′ южной широты и 42° 20 западной долготы.

Островокъ Беннета, если только онъ существуетъ въ дѣйствительности, теперь долженъ быть уже недалеко.

Да!.. онъ, и въ самомъ дѣлѣ, существуетъ этотъ островокъ... и какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, которое обозначено въ дневникѣ Артура Пима...

Часовъ около шести вечера часовой съ мачты далъ знать, что впереди съ бакборта видна земля.

ГЛАВА XV.

Островокъ Беннета.

Итакъ „Гальбранъ“, пройдя около восьмисотъ миль отъ полярнаго круга, подходилъ къ островку Беннета! Экипажъ сильно нуждался въ отдыхѣ, потому что въ теченіе послѣднихъ нѣсколькихъ часовъ матросы страшно утомились, буксируя голетъ шлюпками по неподвижно спокойной поверхности океана. Капитанъ поэтому отложилъ даже высадку на берегъ до слѣдующаго дня, и я отправился въ свою каюту спать.

На этотъ разъ ничто уже не тревожило моего сна, и въ пять часовъ утра я однимъ изъ первыхъ былъ на палубѣ.

Само собою разумѣется, что Джимъ Вестъ принялъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры предосторожности, которыхъ требовало путешествіе по этимъ незнакомымъ и, къ тому, подозрительнымъ мѣстамъ. Онъ установилъ самую строгую охрану голета. Пушки заряжены, запасъ ядеръ и пушечныхъ зарядовъ пороху вынутъ изъ крюйтъ камеры, ружья и пистолеты заряжены, абордажныя сѣти прикрѣплены на своихъ мѣстахъ. Излишняя довѣрчивость погубила и людей и самый голетъ „Джэнъ“, которую взяли на абордажъ туземцы острова Тсалаль, а въ эту минуту мы находились не больше какъ миляхъ въ шестидесяти отъ театра, гдѣ разыгралась эта страшная драма.

Ночь прошла спокойно. При наступленіи дня не видно было ни одного суденышка въ близкомъ сосѣдствѣ съ „Гальбраномъ“, ни одного туземца на берегу. Островъ казался необитаемымъ, что подтверждаетъ, впрочемъ, и Артуръ Пимъ въ своемъ дневникѣ, — онъ говоритъ, что капитанъ Уилльямъ Гай не нашелъ на островкѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ пребыванія человѣческихъ существъ. Не видно было ни хижинъ, на берегу, ни дыма, которые указывали бы на то, что островокъ Беннета обитаемъ.

Я видѣлъ передъ собою — мое впечатлѣніе совершенно схоже съ описаніемъ, которое сдѣлалъ Артуръ Пимъ — выдавшійся изъ моря утесъ, основаніе котораго было немного меньше мили въ окружности: печальная безплодная скала безъ единаго деревца, безъ единаго кустика.

Нашъ голетъ подошелъ къ островку съ сѣверной стороны и, остановившись, приблизительно, въ разстояніи мили отъ берега, бросилъ, на всякій случай, всего только одинъ якорь.

Капитанъ Ленъ Гай обратилъ мое вниманіе на то, какъ вѣрно составлено описаніе этого островка однимъ изъ нашихъ предшественниковъ, вернувшихся на родину.

— Мистеръ Джіорлингъ, — сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — видите вы этотъ мысъ на сѣверо-востокѣ?

— Вижу, капитанъ.

— Развѣ не похоже это скопище утесовъ на груду тюковъ хлопчатника?

— Очень похоже, и какъ разъ такое, какимъ оно описывается и въ дневникѣ.

— Поэтому, мы обязательно должны высадиться на этотъ мысъ, мистеръ Джіорлингъ. Кто знаетъ, можетъ-быть, мы найдемъ тамъ какіе-нибудь слѣды матросовъ съ „Джэнъ“, если, конечно, имъ удалось бѣжать съ острова Тсалаль?

Здѣсь я скажу, впрочемъ, всего одно слово о томъ расположеніи духа, въ какомъ мы находились всѣ на „Гальбранѣ“.

Въ нѣсколькихъ кабельтовахъ отъ насъ виднѣлся тотъ самый островокъ, на который Артуръ Пимъ и Уилльямъ Гай высаживались одиннадцать лѣтъ тому назадъ. Когда „Джэнъ“ подходила къ нему, она находилась не въ особенно благопріятныхъ условіяхъ, потому что у нея начиналъ ощущаться недостатокъ въ топливѣ и, кромѣ того, среди людей экипажа проявились признаки заболѣванія скорбутомъ. У насъ, наоборотъ, не было недостатка ни въ чемъ, а наши матросы и не думали хворать; и если лица новичковъ и хмурились по временамъ, то совсѣмъ по другой причинѣ и притомъ не надолго... Про старыхъ матросовъ я уже и не говорю,— на лицахъ этихъ людей ясно читалось, какъ они рады, что скоро, наконецъ, достигнутъ желанной цѣли.

Что же касается самого капитана Ленъ Гайя, то состояніе его души было не трудно угадать... Онъ пожиралъ глазами островокъ Беннета.

Но былъ на голетѣ и еще одинъ человѣкъ, взоры котораго приковывались къ островку, пожалуй, еще съ большей настойчивостью: это былъ Гентъ.

Съ того дня, какъ мы пристали къ островку, Гентъ совсѣмъ еще не спалъ; онъ даже не примащивался на палубѣ, какъ это дѣлалъ до сихъ поръ, отдохнуть часа два или три. Все свободное время онъ проводилъ теперь въ томъ, что, облокотившись на правый бортъ на носу, крѣпко стиснувъ свой широкій ротъ и нахмуривъ изрытый тысячью складокъ лобъ, не отводилъ глазъ ни на одну минуту отъ берега, точно тамъ находилось что-то такое, что неодолимо влекло къ себѣ.

Я напомню здѣсь еще разъ, что одинъ изъ владѣльцевъ „Джэнъ“ носилъ фамилію Беннета, и вотъ въ честь его и былъ названъ островомъ Беннета первый клочокъ твердой земли, открытой въ этой части Антарктиды.

Прежде чѣмъ покинуть „Гальбранъ“, Ленъ Гай еще разъ повторилъ лейтенанту приказаніе строго соблюдать всѣ необходимыя предосторожности,— хотя, если сказать правду, Джимъ Вестъ былъ не такой человѣкъ, которому нужно было объяснять, въ чемъ именно заключаются его обязанности. Мы предполагали пробыть въ отсутствіи всего нѣсколько часовъ. Если шлюпка не возвратится въ назначенное время, лейтенантъ долженъ будетъ снарядить вторую шлюпку на поиски первой.

— Смотрите хорошенько за нашими новобранцами, — добавилъ въ заключеніе капитанъ Ленъ Гай.

— Будьте покойны, капитанъ, — отвѣчалъ лейтенантъ. — А такъ какъ вамъ нужно четверыхъ гребцовъ — берите изъ новичковъ. У насъ такимъ образомъ, въ случаѣ чего, будетъ четырьмя противниками меньше.

Совѣтъ этотъ заслуживалъ полнаго вниманія, потому что, благодаря вредному вліянію Гирна, недовольство его товарищей съ Фальклендскихъ острововъ, видимо, возрастало съ каждымъ днемъ.

Когда шлюпка была спущена на воду, четверо новичковъ заняли мѣста на носу, а Гентъ, упросившій капитана взять его съ собою, сѣлъ у руля. Капитанъ Ленъ Гай, боцманъ и я, всѣ хорошо вооруженные, сѣли на кормѣ, и шлюпка отчалила отъ голета и направилась къ островку.

Черезъ полчаса мы уже обогнули мысъ, который вблизи уже не казался похожимъ на груду безпорядочно наваленныхъ тюковъ хлопчатника. Наконецъ, предъ нами открылась та бухта, въ глубинѣ которой приставали къ острову шлюпки съ „Джэнъ“.

Въ эту-то бухту и направилъ шлюпку Гентъ. Впрочемъ, на его инстинктъ можно было вполнѣ положиться. Онъ съ замѣчательнымъ искусствомъ пробирался между остроконечными камнями, выдававшимися изъ воды тамъ и сямъ. Глядя на него, можно было подумать, что онъ посѣщаетъ эту бухту уже не въ первый разъ.

Изслѣдованіе острова не должно было занять очень много времени. Капитанъ Уилльямъ Гай, по всей вѣроятности, посвятилъ на это дѣло всего нѣсколько часовъ, и никакіе слѣды, если они только существуютъ, не ускользнутъ отъ насъ во время изслѣдованія острова.

Мы высадились на берегъ, въ глубинѣ бухты, на камни, покрытые тощими лишаями. Отливъ уже начался, и мы увидѣли песчаное дно, усѣянное черноватыми камешками, очень похожими на головки большихъ гвоздей.

Капитанъ Ленъ Гай обратилъ мое вниманіе на этотъ песчаный коверъ и на громадное количество, продолговатой формы, моллюсковъ, длиною отъ трехъ до восемнадцати дюймовъ и толщиною отъ одного дюйма до восьми. Одни лежали на своемъ приплюснутомъ боку; другіе ползали, стараясь выбраться на такое мѣстечко, гдѣ припекало солнышко, или же разыскивали тѣхъ микроскопическихъ животныхъ, которымъ мы обязаны происхожденіемъ коралла. Дальнѣйшія изслѣдованія подтвердили мое предположеніе,— вскорѣ я замѣтилъ въ двухъ или въ трехъ мѣстахъ нѣсколько стрѣлокъ коралловаго рифа.

— Этотъ моллюскъ,— сказалъ мнѣ капитанъ Ленъ Гай,— тотъ самый, который называютъ морскою ланью и который очень цѣнятъ китайцы. Если я обращаю на него ваше вниманіе, мистеръ Джіорлингъ, то только потому, что „Джэнъ“ именно затѣмъ и проникла въ эти мѣста, чтобы заняться ловлей этой самой морской лани. Вы, конечно, не забыли, что мой братъ велъ переговоры съ Тоо-Уитомъ, начальникомъ острова Тсалаль, о заготовкѣ нѣсколькихъ сотенъ боченковъ этихъ моллюсковъ, что на берегу были выстроены сараи и что трое матросовъ должны были заняться ловлей и приготовленіемъ этого моллюска, пока голетъ будетъ продолжать свое путешествіе къ сѣверу... Наконецъ, вы не забыли также, какъ произошло нападеніе дикарей на голетъ...

Да! всѣ эти подробности я помнилъ прекрасно, точно такъ же и сдѣланное Артуромъ Пимомъ описаніе морской лани, *Gasteropeda pulmonifera* Кювье. Этотъ моллюскъ похожъ на червяка, на гусеницу безъ раковины и лапокъ и состоитъ исключительно изъ однихъ только эластичныхъ колецъ. Промышленники собираютъ моллюсковъ на песчаномъ побережьѣ, разсѣкаютъ ихъ въ длину, вычищаютъ внутренности, моютъ, кипятятъ, зарываютъ на нѣсколько часовъ въ землю, затѣмъ выставля-

ютъ на солнце и, наконецъ, когда они совсѣмъ просохнутъ, укладываютъ въ боченки и отправляютъ въ Китай. Приготовленные такимъ образомъ моллюски очень дорого цѣнятся на рынкахъ Небесной имперіи и, наравнѣ съ гнѣздами морскихъ ласточекъ, считаются цѣлебнымъ укрѣпляющимъ средствомъ; продажная стоимость ихъ достигаетъ: первый сортъ — девяноста долларовъ за *picul*, иначе сказать, за сто-тридцать-три фунта съ половиной. Такія цѣны стоятъ не въ одномъ только Кантонѣ, но такъ же въ Сингапурѣ, въ Батавіи и въ Манилѣ.

Какъ только мы достигли береговыхъ утесовъ, капитанъ приказалъ остаться тутъ двумъ человѣкамъ караулить шлюпку. Затѣмъ Ленъ Гай, двое остальныхъ матросовъ, боцманъ, Гентъ и я направились къ центру островка Беннета.

Гентъ шелъ впереди все такой же молчаливый. Глядя на то, какъ онъ увѣренно шелъ впередъ, можно было подумать, что онъ служилъ намъ проводникомъ, и я, конечно, не замедлилъ обратить на это свое вниманіе и рѣшилъ наблюдать за нашимъ проводникомъ.

Но кто бы ни шелъ впереди, это, въ сущности, не играло ровно никакой роли. Для насъ самымъ важнымъ было успѣть въ этотъ же день, самымъ тщательнымъ образомъ, изслѣдовать весь островокъ и затѣмъ уже вернуться на голетъ.

Земля, по которой мы шли, была безплодна. Непригодная для обработки, она не могла бы доставить никакихъ средствъ существованія даже и дикарямъ.

Можно ли было бы жить тутъ, если на ней росла только одна индѣйская колючая смоква, которой не удовольствовались бы даже и самыя неприхотливыя изъ жвачныхъ животныхъ? Если бы Уильямъ Гай и его уцѣлѣвшіе спутники послѣ катастрофы должны были бы попасть непремѣнно на этотъ островокъ, они, навѣрное, давнымъ-давно погибли бы здѣсь отъ голода.

Съ небольшого холмика, поднимавшагося въ центрѣ островка Беннета, мы могли окинуть его взоромъ по всѣмъ направленіямъ... Ничего... ничего нигдѣ... Но, можетъ-быть, кое-гдѣ остались еще слѣды человѣческихъ ногъ, остатки золы отъ костра, развалины хижинъ, наконецъ, другія какія-нибудь доказательства того, что здѣсь побывали люди съ „Джэнъ“?

Знать это навѣрное было для насъ очень важно, и мы рѣшили обойти все побережье отъ углубленія той маленькой бухты, гдѣ пристала лодка.

Спускаясь съ холмика, Гентъ опять пошелъ впереди, какъ будто мы рѣшили, что именно онъ, а не кто другой, будетъ нашимъ проводникомъ. Итакъ, мы слѣдовали за нимъ, направляясь къ южной оконечности островка.

Дойдя до стрѣлки, Гентъ остановился, съ минуту осматривался кругомъ, а затѣмъ рукою указалъ на лежавшій среди груды камней кусокъ дерева наполовину уже сгнившій.

— Я знаю, что это!.. — объявилъ я. — Артуръ Пимъ говоритъ въ своемъ дневникѣ объ этомъ кускѣ дерева... который, кажется, былъ взятъ съ форъ-штевня судна и носилъ на себѣ слѣды рѣзьбы...

— Разсматривая которую, моему брату казалось, что онъ похожъ на изображеніе черепахи... — добавилъ капитанъ Ленъ Гай.

— Это правда, — продолжалъ я, — но Артуръ Пимъ увѣряетъ, что рисунокъ всего меньше былъ похожъ на черепаху. Ну, да насъ это не можетъ особенно интересовать, и, по-моему, рѣшительно все равно, что ни изобразилъ бы художникъ, черепаху или слона. Гораздо важнѣе знать, что этотъ обрубокъ лежитъ все на томъ же мѣстѣ, и это можетъ служить неопровержимымъ доказательствомъ, что послѣ „Джэнъ“ ни одно судно не подходило къ островку Беннета... Мнѣ даже кажется, что мы только попусту теряемъ время, разыскивая здѣсь какіе бы то ни было слѣды... Мы если и узнаемъ что-нибудь, то только на островѣ Тсалаль.

— Да... на островѣ Тсалаль! — отвѣчалъ капитанъ Ленъ Гай.

Мы направились къ бухтѣ и пошли по наносной землѣ вдоль нижняго края утесовъ. Въ различныхъ мѣстахъ виднѣлись, хотя и неясно, контуры коралловой мели. Что же касается морской лани, то ея здѣсь было такое изобиліе, что нашъ голетъ могъ бы увезти съ собой полный грузъ.

Гентъ, все такой же молчаливый, попрежнему шелъ впереди, опустивъ глаза въ землю.

Мы шли слѣдомъ за нашимъ проводникомъ и когда поднимали глаза, то взоры наши видѣли только громадную водяную пустыню. На сѣверѣ виднѣлся рангоутъ „Гальбрана“, который слегка покачивался на волнахъ. На югѣ ни малѣйшаго клочка земли, хотя, впрочемъ, навѣрное можно сказать, что съ острова Беннета нельзя было бы увидѣть островъ Тсалаль, потому что послѣдній находился въ одномъ градусѣ тридцати минутахъ къ югу, или, иначе сказать, въ тридцати морскихъ миляхъ.

Поэтому, обойдя островокъ, намъ оставалось возвратиться на голетъ и какъ можно скорѣе отправляться къ острову Тсалаль.

Въ то время, какъ мы шли по восточной сторонѣ побережья, Гентъ, державшійся впереди шагахъ въ десяти, вдругъ остановился и торопливымъ жестомъ подозвалъ насъ.

Мы въ одно мгновеніе подбѣжали къ нему.

Гентъ не выказалъ никакого удивленія, когда увидѣлъ обрубокъ дерева; зато теперь весь видъ его измѣнился... Онъ опустился на колѣни и сталъ разсматривать валявшійся на пескѣ кусокъ доски, изъѣденный червоточиной. Онъ ощупалъ доску своими руками, точно изслѣдуя ея шероховатую поверхность и что-то разыскивая.

Доска эта, изъ дубовой сердцевины, длиною отъ пяти до шести футовъ, шириной въ шесть дюймовъ, по всей вѣроятности, была оторвана съ судна довольно большихъ размѣровъ, можетъ-быть, даже въ нѣсколько сотъ тоннъ. Черная краска, покрывавшая ее нѣкогда, исчезла подъ густымъ слоемъ пыли и ржавчины, положеннымъ на нее за время пребыванія ея на песчаномъ берегу. Повидимому, это была часть кормового щита.

Боцманъ первый обратилъ на это вниманіе.

— Да... да... — подтвердилъ и капитанъ Ленъ Гай,— она составляла часть кормового щита!

Гентъ, продолжавшій все еще стоять на колѣняхъ, покачивалъ своею большою головой въ знакъ согласія.

— Эта доска могла попасть на островокъ Беннета только послѣ крушенія... — замѣтилъ я. — По всей вѣроятности, встрѣчныя теченія захватили ее въ открытомъ морѣ и...

— А что если это?.. — съ видимымъ волненіемъ проговорилъ капитанъ Ленъ Гай.

Одна и та же мысль пришла въ голову и ему и мнѣ...

И каково же было наше удивленіе, когда Гентъ показалъ намъ на доскѣ семь или восемь буквъ, не нарисованныхъ краской, а выдолбленныхъ и довольно ясно различаемыхъ наощупь.

Эти буквы составляли часть двухъ словъ, написанныхъ или выдолбленныхъ въ двѣ строки:

„ A N “
L I E P O L

„Jane“ изъ Liverpool'я!.. *) Голетъ, которымъ командовалъ капитанъ Уилльямъ Гай!.. Что изъ того, что время уничтожило остальныя буквы?.. Тѣ буквы, которыя уцѣлѣли, слишкомъ хорошо опредѣляли и названіе судна и портъ его приписки... „Джэнъ“ изъ Ливерпуля!

Капитанъ Ленъ Гай взялъ эту доску въ руки и прильнулъ къ ней губами, и при этомъ изъ глазъ его брызнули слезы.

Этотъ кусокъ доски былъ одинъ изъ обломковъ „Джэнъ“, разбросанныхъ по морю во время взрыва и затѣмъ занесенный или встрѣчными теченіями, или льдиной на это побережье!

Я молчалъ, желая дать капитану Ленъ Гайю время притти въ себя и успокоиться.

Обративъ затѣмъ вниманіе на Гента, я былъ пораженъ перемѣной, происшедшей въ этомъ человѣкѣ. Какіе молніеносные взгляды бросалъ онъ изъ своихъ сверкающихъ, какъ у ястреба, глазъ на южную сторону горизонта.

Капитанъ Ленъ Гай приподнялся.

Гентъ, все такой же молчаливый, положилъ доску себѣ на плечо, и мы снова тронулись въ путь.

Когда былъ оконченъ обходъ островка, мы остановились отдохнуть въ томъ мѣстѣ, гдѣ была оставлена лодка, въ глубинѣ бухты, подъ охраной двоихъ матросовъ, и около половины третьяго пополудни мы уже подплывали къ голету.

Капитанъ Ленъ Гай рѣшилъ остаться вблизи островка до слѣдующаго дня въ надеждѣ, что, можетъ-быть, установится опять надолго сѣверный или восточный вѣтеръ. Мы очень желали бы этого, потому что нельзя же было надѣяться дотащить „Гальбранъ“ на буксирѣ до острова Тсалаль; хотя теченіе и несло насъ въ ту сторону, въ особенности же во время прилива, но этимъ способомъ мы даже и въ теченіе двухъ сутокъ не проѣхали бы, остающіяся до острова, тридцати миль.

Сниматься съ якоря предположено было съ восходомъ солнца. А такъ какъ около трехъ часовъ пополуночи подулъ легкій вѣтерокъ, это подавало намъ надежду, что голетъ теперь скоро достигнетъ крайней точки своего путешествія.

---

*) „Джэнъ“ изъ Ливерпуля.

Въ половинѣ седьмого утра, 23 декабря, „Гальбранъ“ поставилъ всѣ свои паруса и, держа курсъ на югъ, отошелъ отъ островка Беннета. Осмотръ островка далъ намъ еще одно неоспоримое доказательство того, что путешествіе „Джэнъ“ не было выдумано Эдгаромъ Поэ, и голетъ капитана Уилльяма Гайя и, на самомъ дѣлѣ, погибъ во время катастрофы, театромъ которой былъ островъ Тсалаль.

Вѣтерокъ былъ очень слабъ, а по временамъ и совсѣмъ спадалъ, и тогда паруса плескались, ударяясь о мачты. Къ счастью, теченіе все еще, хотя и очень медленно, сносило насъ къ югу. Несмотря на это, мы шли все-таки очень медленно, и капитанъ Ленъ Гай не могъ разсчитывать увидѣть островъ Тсалаль ранѣе тридцати-шести часовъ.

Въ продолженіе этого дня я все время слѣдилъ за измѣненіемъ цвѣта морской воды, которая казалась мнѣ далеко не такой темно-синей, какъ это наблюдалъ Артуръ Пимъ. Не встрѣчали мы плававшихъ по водѣ кустовъ терновника съ красными ягодами, которые были вытащены изъ воды на „Джэнъ“; не видѣли мы также и подобія чудовища южной фауны — животнаго длиной въ три фута, высотой въ шесть дюймовъ, съ четырьмя короткими лапами, ступни которыхъ оканчиваются длинными, коралловаго цвѣта, когтями, съ бѣлымъ шелковистымъ мѣхомъ, крысинымъ хвостомъ, кошачьею головой, отвислыми собачьими ушами и ярко-красными зубами. Впрочемъ, многія изъ этихъ подробностей мнѣ и раньше казались довольно подозрительными и созданными пылкою фантазіей разсказчика.

Сидя на кормѣ съ книгой Эдгара Поэ въ рукахъ, я читалъ и въ то же время замѣчалъ, что Гентъ, какъ только обязанности службы призывали его на рубку, пристально начиналъ смотрѣть на меня съ какой-то странной настойчивостью.

Я въ это время какъ разъ кончалъ главу XVII, въ которой Артуръ Пимъ заявляетъ, что считаетъ себя не только главнымъ, но даже исключительнымъ виновникомъ кровавой драмы, разыгравшейся на островѣ Тсалаль. Онъ, а никто другой, сумѣлъ побѣдить нерѣшительность капитана Уилльяма Гайя и уговорилъ его воспользоваться такимъ рѣдкимъ случаемъ разрѣшить великую загадку и открыть антарктическій континентъ. Но считая себя главнымъ виновникомъ, не имѣлъ онъ развѣ въ то же время права и гордиться тѣмъ, что судьба назначила ему быть орудіемъ открытія неизвѣстныхъ земель и этимъ поработать на пользу науки?

Въ теченіе всего дня мы видѣли стада китовъ, которые играли невдалекѣ отъ „Гальбрана“. Надъ нами проносились безчисленныя стаи альбатросовъ, стремившихся на югъ. На всемъ пространствѣ, какое только можно было окинуть глазомъ, нигдѣ не было видно ни одной льдины. На горизонтѣ не видно было даже отблеска ледяныхъ полей.

Вѣтеръ былъ все также слабъ и въ этомъ отношеніи, повидимому, нельзя было ожидать никакой перемѣны, и только легкія тучки окутывали солнце.

Было уже пять часовъ вечера, когда исчезли послѣднія очертанія островка Беннета. Какъ мало прошли мы въ этотъ день съ самаго утра!..

Стрѣлка компаса, съ которой теперь не спускали глазъ, показывала лишь самое незначительное уклоненіе, — что было замѣчено также и Артуромъ Пимомъ. Боцманъ нѣсколько разъ опускалъ лотъ, но не до-

сталъ дна, хотя бралъ для этого линь длиною въ двѣсти брасовъ. Къ счастью, направленіе теченія постепенно уносило нашъ голетъ къ югу со скоростью полумили въ часъ.

Около шести часовъ солнце скрылось за плотной завѣсой тумана по ту сторону которой оно и продолжало описывать свою длинную нисходящую спираль.

Вѣтра уже совсѣмъ не чувствовалось, и это, надо сознаться, огорчило насъ всего больше. Если это продолжится еще долго или если вѣтеръ начнетъ дуть намъ навстрѣчу, что тогда мы будемъ дѣлать? Въ этой части океана, по всей вѣроятности, также бываютъ бури, и если ураганъ заставитъ отойти голетъ назадъ къ сѣверу, мы этимъ только сыграемъ въ руку Гирну и его товарищамъ и дадимъ имъ нѣкоторое право считать свои жалобы пожалуй даже совершенно основательными.

Послѣ полуночи вѣтеръ немного посвѣжѣлъ, и „Гальбранъ“, распустивъ паруса, прошелъ подъ вѣтромъ миль двѣнадцать.

На слѣдующій день, 24-го, капитанъ самъ бралъ высоту солнца, и вычисленія дали слѣдующіе результаты: 83° 2′ южной широты и 43° 5′ долготы.

„Гальбранъ“ находился, такимъ образомъ, не болѣе, какъ въ восемнадцати минутахъ разстоянія, по дугѣ, отъ острова Тсалаль, что составляетъ даже меньше одной трети градуса, или около двадцати миль.

Къ несчастью, около полудня, вѣтеръ опять упалъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря теченію, островъ Тсалаль, наконецъ, показался въ шесть часовъ сорокъ-пять минутъ вечера.

Какъ только отдали якорь, поставили вооруженную стражу, зарядили пушки, раскинули бортовыя сѣти и вообще приняли всѣ мѣры предосторожности на случай нападенія дикарей.

„Гальбранъ“ не могъ быть захваченъ врасплохъ. Слишкомъ много глазъ сторожило появленіе непріятеля, въ особенности же глаза Гента, которые ни на минуту не отрывались отъ береговой полосы острова.

ГЛАВА XVI.

Островъ Тсалаль.

Ночь прошла спокойно. Ни одной лодки не отчаливало отъ острова. Ни одного туземца не показывалось на берегу. Единственное заключеніе, которое мы могли вывести, это, что населеніе удалилось въ глубь острова или перешло на противоположный берегъ. Въ этомъ не было ничего невѣроятнаго, потому что изъ дневника Артура Пима мы знали, что главное селеніе острова находилось часахъ въ трехъ или четырехъ пути отъ берега.

Поэтому-то островитяне и не знали еще о прибытіи „Гальбрана“, на что, въ сущности, мы не имѣли никакого права жаловаться.

Голетъ стоялъ на якорѣ въ трехъ миляхъ отъ берега, на глубинѣ десяти брасовъ.

Въ шесть часовъ утра подняли якорь, и голетъ, пользуясь небольшимъ утреннимъ вѣтеркомъ, перешелъ на новое мѣсто въ полъ-мили

разстоянія отъ коралловой гряды, похожей на рифы коралловыхъ острововъ Тихаго океана. Съ этого пункта намъ виденъ былъ почти весь островъ.

Отъ девяти до десяти миль въ окружности, — о чемъ ни однимъ словомъ не упомянулъ Артуръ Пимъ, — очень крутые почти недоступные берега, длинныя, безплодныя, черноватыя равнины, окаймленныя цѣпью холмовъ средней высоты, — вотъ краткое описаніе острова Тсалаль. На берегу, какъ я говорилъ уже, не было видно ни души. Не видно было и лодокъ ни въ открытомъ морѣ ни въ бухтахъ. Надъ утесами не курился нигдѣ дымокъ, и, вообще, получалось такое впечатлѣніе, какъ будто на островѣ не было ни одного жителя.

Что же произошло тутъ за эти одиннадцать лѣтъ?... Можетъ-быть, начальника туземцевъ, Тоо-Уитъ, уже давно нѣтъ въ живыхъ?.. Но куда же, въ такомъ случаѣ, дѣвалось довольно многочисленное населеніе острова?.. Гдѣ Уилльямъ Гай и матросы, уцѣлѣвшіе послѣ гибели англійскаго голета?..

Когда „Джэнъ“ подходила къ острову Тсалаль, дикари въ первый разъ видѣли еще въ этихъ мѣстахъ корабль. Поэтому они и приняли его за огромное животное, рангоутъ — за руки и ноги, а паруса — за одежду. Теперь они уже отлично знали, что это такое и можно ли считать его за живое существо. Странно только одно, что они почему-то не спѣшатъ сдѣлать намъ визитъ.

— Баркасъ къ спуску! — скомандовалъ капитанъ Ленъ Гай нетерпѣливымъ голосомъ.

Приказаніе было исполнено въ ту же минуту, а затѣмъ капитанъ, обращаясь къ лейтенанту, сказалъ.

— Джимъ, отряди мнѣ восемь человѣкъ гребцовъ, а Мартинъ Гольтъ и Гентъ поѣдутъ рулевыми. Ты останешься, вмѣсто меня, на голетѣ и хорошенько посматривай какъ на землю, такъ и на море...

— Будьте покойны, капитанъ.

— Мы высадимся на берегъ и пойдемъ къ селенію Клокъ-Клока. Если на тебя нападутъ дикари или, вообще, случится что-нибудь необыкновенное, дай знать тремя выстрѣлами изъ мортиры...

— Хорошо! Три выстрѣла съ минутными интервалами, — отвѣчалъ лейтенантъ.

— Если мы не возвратимся до вечера, пошли вторую шлюпку съ десятью человѣками хорошо вооруженными, подъ командой боцмана... Пусть они ждутъ насъ въ одномъ кабельтовѣ отъ берега и помогутъ намъ добраться до баркаса...

— Будетъ сдѣлано!

— А самъ ты, Джимъ, ни въ какомъ случаѣ, не долженъ покидать голетъ...

— Ни въ какомъ случаѣ!

— Если мы не вернемся совсѣмъ, сдѣлай все, что будетъ можно для нашего спасенія, а если потерпишь неудачу, прими команду надъ голетомъ и возвращайся на Фальклянды...

— Это рѣшено!

Баркасъ покачивался на волнахъ совсѣмъ готовый. Въ него спустились восемь человѣкъ матросовъ, не считая Мартина Гольта и Гента.

У всѣхъ у нихъ были ружья и пистолеты, сумки съ порохомъ и пулями и, кромѣ того, у каждаго было еще по большому ножу за поясомъ.

Въ эту минуту я подошелъ къ капитану и сказалъ:

— Не позволите ли вы и мнѣ съѣхать съ вами на землю, капитанъ?..

— Сдѣлайте одолженіе, мистеръ Джіорлингъ.

Я отправился въ каюту, взялъ ружье, охотничью двухстволку, пороховницу, дробницу, нѣсколько пуль про запасъ и прыгнулъ въ лодку къ капитану Ленъ Гайю, который оставилъ для меня мѣсто на кормѣ.

Баркасъ отвалилъ отъ голета и, подъ сильными взмахами веселъ, направился къ утесу, гдѣ долженъ былъ существовать проходъ, которымъ пробрались къ берегу Артуръ Пимъ и Деркъ Питерсъ 19-го января 1828 года въ шлюпкѣ съ „Джэнъ“.

Въ эту именно минуту и показались тогда дикари на своихъ длинныхъ пирогахъ... Капитанъ Уилльямъ Гай показалъ имъ бѣлый платокъ въ знакъ дружбы... Они отвѣчали криками *анамоо-моо* и *лама-лама*... и капитанъ позволилъ имъ посѣтить голетъ, куда они явились во главѣ со своимъ начальникомъ Тоо-Уитомъ.

Дальше разсказчикъ въ своемъ дневникѣ отмѣчаетъ, что съ этого времени установились у нихъ самыя дружескія отношенія съ туземцами острова Тсалаль. Тутъ же почти они и рѣшили, что оставятъ на островѣ трехъ человѣкъ заготовлять грузъ морской лани, который на возвратномъ пути и захватитъ голетъ, отправляющійся, по совѣту Артура Пима, еще дальше къ югу, можетъ-быть, даже къ самому полюсу. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, 1-го февраля, капитанъ Уилльямъ Гай и съ нимъ еще тридцать одинъ человѣкъ погибли во время катастрофы, искусственно вызванной измѣнниками дикарями, а изъ шести человѣкъ, оставшихся охранять „Джэнъ“, не удалось спастись ни одному.

Нашъ баркасъ обогнулъ выступъ утеса не больше, какъ въ двадцать минутъ, и какъ только нашли мы проходъ, Гентъ сейчасъ же повернулъ руль и смѣло направилъ лодку въ узкій фарватеръ между коралловыми рифами.

Два матроса остались караулить баркасъ, который, послѣ высадки на берегъ, сейчасъ же отплылъ на другую сторону рукава, шириною всего въ двѣсти туазовъ, и бросилъ свой дрэкъ на утесы у самаго входа въ узкій каналъ.

Поднявшись вверхъ по извилистому ущелью на береговыя скалы, нашъ маленькій отрядъ, съ Гентомъ во главѣ, направился въ глубь острова.

Я шелъ рядомъ съ капитаномъ Ленъ Гайемъ, и мы дорогой обмѣнивались замѣчаніями по поводу острова Тсалаль, который, по словамъ Артура Пима, существенно разнился отъ всѣхъ земель, извѣстныхъ цивилизованному міру.

Мы, конечно, скоро узнаемъ, насколько это вѣрно. Теперь же я могу сказать только, что верхній слой почвы казался совершенно чернаго цвѣта, какимъ не всегда бываетъ даже и самый лучшій черноземъ, и какъ это ни странно, а пока нигдѣ ничего не было видно бѣлаго.

Пройдя какую-нибудь сотню шаговъ, Гентъ бѣгомъ устремился къ большой утесистой массѣ. Затѣмъ онъ, какъ кошка, вскарабкался на самую вершину холма и, выпрямившись во весь свой ростъ, внимательно сталъ осматриваться кругомъ.

На мой взглядъ Гентъ въ эту минуту былъ похожъ на человѣка, который старается и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не можетъ узнать нѣкогда хорошо ему знакомыя мѣста, гдѣ онъ когда-то давно, давно провелъ не одинъ день и успѣлъ изучить каждый камешекъ, каждый кустикъ.

— Что съ нимъ такое?.. — спросилъ меня капитанъ Ленъ Гай, съ удивленіемъ глядя на Гента.

— Не знаю, капитанъ, — отвѣчалъ я. — Но вѣдь вы и сами успѣли уже замѣтить, что этотъ человѣкъ отличается большими странностями и, по своимъ манерамъ, по своимъ привычкамъ, онъ, мнѣ кажется, отлично могъ бы сыграть роль одного изъ тѣхъ необыкновенныхъ существъ, которыхъ Артуръ Пимъ будто бы видѣлъ на этомъ островѣ!.. Можно подумать даже, что...

— Что?.. — повторилъ капитанъ Ленъ Гай.

Но я, не докончивъ начатой фразы, вдругъ вскричалъ:

— Капитанъ, а вы увѣрены, что не произошло никакой ошибки, когда вы вчера дѣлали вычисленія?

— Вполнѣ.

— И результаты вычисленій?..

— Я получилъ восемьдесятъ три градуса двадцать минутъ южной широты и сорокъ-три градуса пять минутъ долготы...

— Это математически вѣрно?

— Да.

— Значитъ, у насъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что этотъ островъ, дѣйствительно, островъ Тсалаль?

— Ни малѣйшаго, мистеръ Джіорлингъ; если только островъ Тсалаль находится именно на томъ мѣстѣ, которое указано въ дневникѣ Артура Пима.

И, на самомъ дѣлѣ, въ этомъ отношеніи не могло существовать никакого сомнѣнія. Но если Артуръ Пимъ и вѣрно указалъ географическое положеніе острова въ градусахъ и минутахъ, то самое описаніе внутренности острова или, по крайней мѣрѣ, тѣхъ мѣстъ, по которымъ въ эту минуту проходилъ нашъ отрядъ, отнюдь не соотвѣтствовало тому, что мы видѣли своими глазами. Онъ говоритъ о деревьяхъ, которыя, по его описанію, не похожи были ни на одного изъ представителей растительнаго царства ни жаркаго, ни умѣреннаго поясовъ, ни даже на тощіе кусты и деревья, растущіе въ холодномъ поясѣ на сѣверѣ... Онъ описываетъ какіе-то особенные утесы, состоявшіе изъ наслоеній, неизвѣстныхъ геологамъ... Онъ описываетъ чудесные ручьи, по кремнистому ложу которыхъ бѣжала не вода, а какая-то тоже особенная непрозрачная жидкость, нѣчто въ родѣ раствора гуммі-арабика, переливавшая какъ разноцвѣтный шелкъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не обладавшая ни однимъ изъ свойствъ, извѣстныхъ капиллярныхъ жидкостей.

Ничего этого не было, или, можетъ-быть, слѣдуетъ сказать, что ничего подобнаго больше уже не было! Ни одного дерева, ни одного кустика, ни одного деревца не видно было на всемъ островѣ... Мы не видѣли и признаковъ лѣсистыхъ холмовъ, между которыми должно бы-

ло находиться селеніе Клокъ-Клока... Нигдѣ не видно было даже ни одной капли воды ни обыкновенной ни необыкновенной!..

Между тѣмъ, Гентъ все продолжалъ подвигаться впередъ быстрымъ шагомъ какъ человѣкъ, хорошо знающій дорогу. Можетъ-быть, впрочемъ, его велъ природный инстинктъ, который указываетъ путь ласточкамъ и вообще всѣмъ перелетнымъ птицамъ, и онѣ, благодаря этому, летятъ къ своимъ гнѣздамъ всегда самой прямою кратчайшею дорогой. Онъ шелъ, какъ летитъ птица,—какъ летитъ пчела, какъ говорятъ у насъ въ Америкѣ. Не знаю, что именно заставляло насъ слѣдовать за нимъ, какъ за лучшимъ проводникомъ, въ родѣ прославившихся въ свое время траперовъ *Bas de Cuir* *) или *Rénard Subtil* **) ... Кто знаетъ, можетъ-быть, онъ былъ даже и очень близкимъ родственникомъ этихъ героевъ Фенимора Купера?..

Но, повторяю я, мы не видѣли передъ собою волшебной страны, описанной Артуромъ Пимомъ. Земля, которую попирали наши ноги, была вся изрыта, исковеркана до невозможности... Она, правда, была черна. Да... черна и даже пережжена, точно она была выброшена на поверхность изъ нѣдръ земли подъ вліяніемъ плутоническихъ силъ природы. Казалось, что какое-то ужасное разрушеніе исковеркало всю ея поверхность.

Что касается животныхъ, о которыхъ такъ много говорится въ дневникѣ, то мы не видѣли, буквально, ни одного изъ нихъ — ни утокъ, изъ породы *anas valisneria*, ни черепахъ — галапагосовъ, ни черныхъ *boubies*, ни черныхъ свиней, съ пушистымъ хвостомъ и ногами антилопы, ни черношерстыхъ овецъ, ни гигантскихъ альбатросовъ, съ черными перьями... Даже самые пингвины, которые въ такомъ изобиліи встрѣчаются на всѣхъ клочкахъ земли антарктическихъ странъ, и тѣ, повидимому, покинули этотъ островъ, сдѣлавшійся необитаемымъ... Это было молчаливое и угрюмое безмолвіе пустыни.

И ни одного человѣческаго существа... никого... ни внутри острова ни на берегу!

Могли ли мы имѣть еще какую-нибудь надежду разыскать Уилльяма Гайя и уцѣлѣвшихъ вмѣстѣ съ нимъ матросовъ?..

Я взглянулъ на капитана Ленъ Гайя. Его блѣдное лицо, его чело, изрытое глубокими морщинами, говорили слишкомъ ясно, что и онъ началъ терять на это надежду...

Наконецъ, мы достигли долины, въ которой нѣкогда было раскинуто селеніе Клокъ-Клока. Тамъ, какъ и вездѣ, полное опустошеніе. Не видно было ни одного изъ тѣхъ жилищъ, — этихъ жалкихъ *yampoos*, все устройство которыхъ состояло въ томъ, что растягивали черныя звѣриныя шкуры надъ воткнутыми въ землю жердями,—ни шалашей изъ пригнутыхъ къ землѣ древесныхъ вѣтвей, ни норъ троглодитовъ, вырытыхъ въ склонахъ холма, состоявшаго тоже изъ чернаго камня, очень похожаго на гончарную глину... А тотъ ручей, который журчалъ, сбѣгая по склонамъ оврага... гдѣ онъ, и куда стремится теперь его волшебная вода, катившаяся по ложу изъ чернаго песку?..

Куда, наконецъ, дѣвались всѣ эти тысячи туземцевъ съ черною ко-

---

*) Кожаный чулокъ.

**) Хитрая лисица.

жей, черными волосами и черными зубами, которымъ бѣлый цвѣтъ внушалъ чуть не смертельный страхъ?..

Тщетно искалъ я хижину Тоо-Уита, на сооруженіе которой пошло цѣлыхъ четыре большихъ шкуры. Я не могъ найти даже мѣста, гдѣ стоялъ этотъ убогій дворецъ грознаго начальника племени!.. А между тѣмъ, здѣсь именно и происходилъ торжественный пріемъ Уилльяма Гайя, Артура Пима, Дерка Питерса и ихъ спутниковъ со всѣми знаками уваженія, подобающими двуногимъ существамъ съ бѣлою кожей, прибывшимъ къ острову Тсалаль на какомъ-то крылатомъ чудовищѣ... Тамъ же угощали ихъ и обѣдомъ, состоявшимъ, главнымъ образомъ, изъ трепещущихъ внутренностей какого-то неизвѣстнаго животнаго, которыя Тоо-Уитъ и его подданные пожирали съ алчностью.

Въ это мгновеніе меня осѣнила новая мысль. Это было точно откровеніе. Я теперь зналъ, что такое произошло на островѣ, какая причина вызвала это запустѣніе, этотъ страшный переворотъ, слѣды котораго были еще такъ свѣжи!..

— Землетрясеніе!.. — вскричалъ я.

— Неужели землетрясеніе могло до такой степени измѣнить островъ Тсалаль?..— прошепталъ капитанъ Ленъ Гай.

— Да, капитанъ, оно уничтожило всю растительность... ручьи со странной жидкостью!.. Все живое исчезло, провалилось въ нѣдра земли и поэтому мы и видимъ кругомъ только одно мертвенное запустѣніе!.. Ничего... ничего не осталось изъ того, что такими яркими красками описалъ Артуръ Пимъ!..

Подошедшій въ это время Гентъ молча слушалъ, покачивая своею громадною головой въ знакъ согласія.

— Неужели вы думали, что всѣ эти острова и островки не вулканическаго происхожденія? — продолжалъ я.— Если бы „Гальбранъ“ перенесъ насъ на своихъ крыльяхъ на землю Викторіи, неужели вы думаете, что Эребусъ и Терроръ оказались бы потухшими вулканами?..

— Но, — перебилъ меня Мартинъ Гольтъ, — если бы здѣсь было изверженіе, видна была бы и лава...

— Я не говорю, что здѣсь было непремѣнно изверженіе, — отвѣчалъ я парусному старшинѣ. — Я говорю только, что земля была сверху и донизу перевернута землетрясеніемъ!

По строгомъ размышленіи всѣ признали мои доводы заслуживающими полнаго вниманія.

Тутъ мнѣ вспомнилось еще, что, по словамъ Артура Пима, островъ Тсалаль принадлежалъ къ группѣ острововъ, простиравшихся къ западу. Если этотъ архипелагъ уничтоженъ не весь, то весьма возможно, что населеніе острова Тсалаль переселилось на одинъ изъ сосѣднихъ острововъ. Поэтому, намъ слѣдовало бы осмотрѣть весь архипелагъ и поискать хорошенько капитана и матросовъ съ „Джэнъ“, которые могли найти себѣ пріютъ на какомъ-нибудь изъ острововъ, такъ какъ катастрофа на островѣ Тсалаль должна была заставить ихъ покинуть этотъ безплодный клочокъ земли, гдѣ они, конечно, уже не могли существовать...

Такъ я сказалъ и капитану Ленъ Гайю.

— Да, — вскричалъ онъ, и изъ глазъ его полились слезы, — Да... очень возможно!.. Хотя я и представить себѣ не могу, какимъ образомъ

удалось моему брату и его несчастнымъ товарищамъ бѣжать и перебраться на другой островъ... Нѣтъ... и нѣтъ!.. Имъ нельзя было спастись, и они, навѣрное, всѣ погибли во время землетрясенія?..

Гентъ сдѣлалъ рукой жестъ, означавшій: „пойдемте“, и мы всѣ послѣдовали за нимъ.

Углубившись во внутренность долины на два выстрѣла, онъ остановился.

Какое зрѣлище представилось нашимъ взорамъ!

Тамъ лежали въ одной кучѣ цѣлыя горы костей грудныхъ, берцовыхъ, бедряныхъ, позвонковъ,— бренные останки человѣка, или, правильнѣе сказать, множества людей, у которыхъ только на черепахъ уцѣлѣли клочки волосъ!..

При видѣ этой груды костей, насъ бросило въ дрожь отъ страха и ужаса.

Неужели это все, что осталось отъ населенія острова, состоявшаго изъ нѣсколькихъ тысячъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей?.. Если всѣ эти люди погибли во время землетрясенія, какъ объяснить тогда, что бренные останки ихъ лежатъ на поверхности земли, а не скрыты въ ея нѣдрахъ?.. Кромѣ того, можно ли допустить, что всѣ эти туземцы — мужчины, женщины, дѣти, старики — были до такой степени испуганы землетрясеніемъ, застигнувшимъ ихъ врасплохъ, что не успѣли даже добѣжать до своихъ пирогъ, чтобы перебраться на сосѣдніе острова архипелага?..

Мы, какъ окаменѣлые, неподвижно стояли на своихъ мѣстахъ, подавленные горемъ и отчаяніемъ и не въ состояніи были произнести ни слова!

— Мой братъ!.. Мой несчастный братъ! — повторялъ капитанъ Ленъ Гай, опускаясь на колѣни.

Дальнѣйшія размышленія привели меня къ совершенно неожиданному для меня выводу. Я никакъ не могъ согласовать эту катастрофу съ замѣтками въ записной книжкѣ Паттерсона... Тамъ совершенно опредѣленно сказано, что помощникъ шкипера съ „Джэнъ“ семь мѣсяцевъ тому назадъ покинулъ своихъ товарищей на островѣ Тсалаль. Значитъ, они не погибли во время землетрясенія, которое, судя по этой грудѣ костей, произошло нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по всей вѣроятности, вскорѣ послѣ бѣгства Дерка Питерса и Артура Пима, потому что въ дневникѣ послѣдняго объ этомъ не говорится ни одного слова...

Странны и въ высшей степени противорѣчивы были эти факты. Если землетрясеніе было недавно, то, вѣроятно, не оно было причиной смерти этихъ тысячъ людей, потому что скелеты успѣли уже побѣлѣть отъ времени. Во всякомъ случаѣ, мы могли съ увѣренностью сказать, что здѣсь не было костей капитана и матросовъ съ „Джэнъ“!.. Въ такомъ случаѣ... гдѣ же они?..

Долина Клокъ-Клока была вся передъ нашими глазами, и дальше искать было нечего, а потому мы смѣло могли возвратиться назадъ къ берегу, гдѣ оставили баркасъ. Не прошли мы съ полмили по краю откоса, какъ вдругъ Гентъ опять остановился передъ небольшою кучкой полуистлѣвшихъ костей, — повидимому, это были кости какого-то животнаго.

Неужели это были останки одного изъ тѣхъ странныхъ животныхъ, которыя описаны Артуромъ Пимомъ и изъ которыхъ мы до сихъ поръ еще не встрѣтили ни одного?..

Вдругъ крикъ — или, скорѣе, нѣчто въ родѣ рыканья звѣря — вырвался изъ устъ Гента.

Онъ протягивалъ къ намъ свою громадную руку, въ которой держалъ металлическій ошейникъ.

Да!.. мѣдный ошейникъ. Ошейникъ, сильно покрытый ржавчиной, на которомъ можно было разобрать нѣсколько выгравированныхъ буквъ.

Эти буквы составляли слѣдующія три слова:

Тигръ.—Артуръ Пимъ.

Тигръ! Это была та нью-фаундлендская собака, которая спасла жизнь своему хозяину, когда послѣдній сидѣлъ въ заключеніи, въ трюмѣ „Грампуса“... Тигръ, котораго его хозяинъ считалъ одно время даже взбѣсившимся; Тигръ, который потомъ впился своими страшными зубами въ горло матроса Джонса и этимъ помогъ Дерку Питерсу покончить съ бунтовщикомъ!..

Значитъ, вѣрное животное не погибло во время крушенія „Грампуса“... Его тоже спасъ экипажъ „Джэнъ“ вмѣстѣ съ Артуромъ Пимомъ и метисомъ... А между тѣмъ, въ дневникѣ о немъ не упоминается, и даже до встрѣчи съ голетомъ о собакѣ не было больше и рѣчи...

Самыя противорѣчивыя мысли тѣснились въ моей головѣ... Я не зналъ, какъ согласовать всѣ эти факты... А между тѣмъ, не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что Тигръ спасся вмѣстѣ съ Артуромъ Пимомъ, послѣдовалъ за нимъ на островъ Тсалаль, пережилъ обвалъ холма Клокъ-Клока и затѣмъ, наконецъ, нашелъ свою смерть во время той катастрофы, которая уничтожила часть населенія острова Тсалаль...

Но, несмотря на это, Уилльямъ Гай и пятеро его товарищей матросовъ не могли быть въ числѣ этихъ скелетовъ, потому что они были живы семь мѣсяцевъ тому назадъ, а катастрофа произошла назадъ тому нѣсколько лѣтъ!..

Черезъ три часа мы уже подплывали къ „Гальбрану“, не успѣвъ открыть ничего новаго.

Капитанъ Ленъ Гай отправился въ свою каюту, заперся въ ней и не вышелъ даже къ обѣду.

Мнѣ казалось, что самое лучшее — оставить его пока одного, и я не сталъ искать случая видѣть его.

На слѣдующій день я собрался опять на островъ, съ цѣлью осмотрѣть его весь отъ одного берега до другого, и попросилъ лейтенанта дать мнѣ для этого шлюпку.

Джимъ Вестъ согласился, испросивъ предварительно, впрочемъ, разрѣшенія капитана Ленъ Гайя, почему-то не пожелавшаго ѣхать съ нами.

Гентъ, боцманъ, Мартинъ Гольтъ, четверо матросовъ и я спрыгнули въ лодку и на этотъ разъ уже не вооруженные, потому что бояться больше было некого и нечего.

Мы высадились на томъ же мѣстѣ, какъ и наканунѣ; Гентъ направился снова къ холму Клокъ-Клока.

Добравшись до него, мы взобрались вверхъ по узкому оврагу, по которому Артуръ Пимъ, Деркъ Питерсъ и матросъ Алленъ, послѣ обвала холма, выбирались наружу изъ своего убѣжища.

На этомъ мѣстѣ не было уже и слѣдовъ тѣхъ стѣнокъ, которыя должны были исчезнуть во время землетрясенія, ни той трещины, отверстіе которой маскировалось купой орѣшниковъ, ни того узкаго прохода, который велъ къ лабиринту, гдѣ умеръ Алленъ, ни той террасы, съ которой Артуръ Пимъ и метисъ видѣли нападеніе дикарей на голетъ и слышали взрывъ, стоившій тысячи жертвъ.

Ничего не оставалось и отъ холма, обрушившагося, впрочемъ, еще во время искусственнаго обвала, когда удалось чудомъ спастись отъ смерти капитану „Джэнъ“, его помощнику Паттерсону и пятерымъ матросамъ...

Исчезъ холмъ, исчезло селеніе Клокъ-Клока, исчезло и все то, что придавало острову Тсалалю извѣстнаго рода таинственность и дѣлало его непохожимъ на другіе острова, и, по всей вѣроятности, тайну эту никогда и никому не удастся уже раскрыть!..

Прежде чѣмъ вернуться къ лодкѣ, мы рѣшили обойти восточную сторону побережья.

Гентъ повелъ насъ къ тому мѣсту, гдѣ были построены сараи для заготовки морской лани, отъ которыхъ теперь оставались только одни жалкіе обломки.

Нечего, конечно, и говорить, что мы не слышали также и крика *текели-ли*, этого тревожнаго крика, какъ островитянъ, такъ и громадныхъ черныхъ птицъ, проносившихся надъ лодкой бѣглецовъ... Все было пусто кругомъ!.. Мертвенное молчаніе царило и въ воздухѣ и на землѣ!..

Послѣднюю остановку мы сдѣлали тамъ, гдѣ Артуръ Пимъ и Деркъ Питерсъ завладѣли лодкой, на которой пробрались потомъ еще дальше къ югу... до того мѣста, гдѣ сквозь разорвавшуюся завѣсу тумана они увидѣли гигантскую фигуру человѣка... бѣлаго великана...

Гентъ, скрестивъ руки на груди, пожиралъ глазами открывавшееся передъ нами безконечное пространство моря...

— Ну, что же, Гентъ?—сказалъ я ему.

Гентъ меня не слышалъ и даже не повернулъ головы въ мою сторону.

— О чемъ ты задумался?..— повторилъ я вопросъ, трогая его за плечо.

Прикосновеніе моей руки заставило его вздрогнуть, и онъ бросилъ на меня такой взглядъ, точно хотѣлъ проникнуть въ мое сердце.

— Слушай, Гентъ,— вмѣшался Герлигерли. — Ты, можетъ-быть, хочешь пустить корни на кончикѣ этого утеса!.. Развѣ ты не видишь отсюда „Гальбрана“, который ждетъ насъ на якорѣ?.. Нечего стоять тутъ!.. Идемъ!.. и завтра же поднимемъ якорь!.. Здѣсь больше нечего дѣлать!

Мнѣ показалось, что дрожавшія отъ волненія губы Гента тоже повторили слово „нечего“, хотя въ то же время и ясно было видно, что ему вовсе не хочется уходить такъ скоро...

Шлюпка доставила насъ обратно на голетъ.

Капитанъ Ленъ Гай еще не выходилъ изъ своей каюты.

Джимъ Вестъ, не получая приказанія сниматься съ якоря, въ ожиданіи капитана, молча расхаживалъ по кормѣ.

Я усѣлся возлѣ гротъ-мачты и сталъ смотрѣть на море, широко раскинувшееся передъ нами.

Въ эту минуту капитанъ Ленъ Гай вышелъ изъ рубки блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ.

— Мистеръ Джіорлингъ, — сказалъ онъ. — Я считаю, что сдѣлалъ все, что было возможно сдѣлать!.. Могу ли я еще надѣяться, что мой братъ Уильямъ и его товарищи?.. Нѣтъ!.. Надо возвращаться... пока зима...

И капитанъ Ленъ Гай, выпрямившись, кинулъ послѣдній взглядъ на островъ Тсалаль.

— Джимъ, — сказалъ онъ затѣмъ, обращаясь къ лейтенанту. — Завтра на разсвѣтѣ мы снимемся съ якоря...

Въ эту минуту чей-то грубый голосъ произнесъ слѣдующія слова:

„А Пимъ... бѣдный Пимъ?..“

Этотъ голосъ... Я его узналъ...

Это былъ тотъ самый голосъ, который я слышалъ во снѣ!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.